

ВЕЙО МЕРИ

КАРЛ ГУСТАВ

МАННЕРГЕЙМ

МАРШАЛ ФИНЛЯНДИИ

КАРЛ ГУСТАВ

МАННЕРГЕЙМ

МАРШАЛ ФИНЛЯНДИИ

ВЕЙО МЕРИ

КАРЛ ГУСТАВ

МАННЕРГЕЙМ

МАРШАЛ ФИНЛЯНДИИ

Москва

Новое литературное обозрение

1997

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
Историческая библиотека

Перевод со шведского
А. Афиногеновой

Художник
Е. Поликашин

Адрес редакции:
129626, Москва, И-626, а/я 55
тел./факс: (095) 194-99-70

МЕРИ В.

МАННЕРГЕЙМ — МАРШАЛ ФИНЛЯНДИИ. Пер. со шведского А. Афиногеновой. М.: Новое литературное обозрение, 1997. — 208 с.

ISBN 5—86793—014—9

Первая биография на русском языке Карла Маннергейма (1867—1951) — выдающегося финского военного и государственного деятеля, президента республики Финляндия, главнокомандующего в трех войнах, исследователя и путешественника, законодателя этикета и моды, писателя. Автор стремится за фасадом статуи этой замечательной личности увидеть прежде всего живого человека, проследить перипетии его судьбы в самые бурные для истории 20-го столетия годы.

ЛР № 061083 от 20.04.92

Отпечатано с готовых диапозитивов в Московской типографии «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6. Зак. 1011

ISSN 0869—6365

© В. Мери. 1988

ISBN 5—86793—014—9

© А. Афиногенова. Перевод со шведского. 1997

© Художественное оформление. Новое литературное обозрение. 1997

Содержание

СЕМЬЯ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ	7
Маннергеймы	7
Детство маршала	13
В кадетском корпусе	17
ГОДЫ В ПЕТЕРБУРГЕ	28
Гвардейский офицер	28
Брак	39
Русско-японская война	45
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АЗИИ	55
Научная экспедиция в Китай	55
Впечатления и наблюдения	59
Китайский Новый год	61
Проклят е гор	63
Чудесная неделя	68
Отчет Маннергейма	72
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА	74
В Польше	74
На фронте	77
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	86
Маннергейм и русская революция	86
ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА	97
Нужный человек в нужном месте в нужный момент ..	97
Военный комитет	99
В Эстерботтене	103
Операция на востоке	110
Лагерь для военнопленных и казни	114
После парада победы	117
РЕГЕНТСТВО	118
Русский вопрос	118
В западных столицах	120
Возвращение домой	121
Смена власти	123
Законный государственный переворот	125
ДЕСЯТЬ ЛЕТ ВНЕ АРМИИ	130
Красный Крест и Союз защиты детей	130

Частная жизнь	131
В Индии	135
Лапуаское движение	140
СОВЕТ ОБОРОНЫ	143
Председатель Совета обороны	143
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ	152
Зимняя война	152
Перемирие	155
Борьба за власть в 1940 году	157
Ставка в Миккели	161
Станция Парандова	165
Визит Гитлера	167
Отпуск в Швейцарии	170
Большое наступление русских	174
Пленник Ставки	176
ОТ ШТОРМА К ЗАТИШЬЮ	178
Президент	178
В Швейцарии	196
Последние дни	202
Последний мундир	204
Примечания	206

СЕМЬЯ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

Маннергеймы

Род Маннергеймов, скорее всего, попал в Швецию через Германию из Голландии. Его родоначальник, купец Хенрик Мархейн, в 1645 году поселяется в Евле. Человек активный и предприимчивый, он начинает заниматься горным промыслом, становится членом городского совета и командиром одной из двух рот, входивших в состав бюргерской гвардии. Через восемь лет он переезжает в Стокгольм, где занимает должность бухгалтера в первом банке Швеции.

Младший сын Хенрика Мархейна Аугустин управлял имением графа Уксеншерны в Эстонии. Когда начался процесс широкомасштабного секвестрования с целью возвращения короне поместий и имений, деревень, уездов и губерний, предоставленных в распоряжение аристократии либо с тем, чтобы взимать с них налоги, либо в личное пользование, государство привлекло к этому делу комиссаров недворянского происхождения, которые были достаточно жесткими и неподкупными и могли справиться с подобной задачей. Аугустин Мархейн стал членом исполнительного комитета по секвестрованию. Немало комиссаров разбогатели, покупая или арендуя родовые усадьбы и поместья у обедневших графов и баронов. Когда процесс секвестрования затронул эстляндские владения Уксеншернов, ведущего аристократического рода Швеции, Аугустин Мархейн взял их в аренду. В 1693 году ему пожаловали дворянское звание, после чего он перебрался в Стокгольм, где арендовал две усадьбы. Свою голландскую фамилию он переделал в более длинную и звучную. Горловые звуки в фамилии "Маннергейм" придают ей некую мрачность.

Все четыре сына Аугустина стали офицерами-артиллеристами. Прапрадед будущего маршала, Карл Эрик, был первым в семье, кто переехал в Финляндию. Молодой офицер в 1783 году получил место секунд-майора губернского пехотного полка в Турку. Ему было всего двадцать три, и он сумел из лейтенанта сразу прыгнуть в майоры. Из чего следует, что человек он был состоятельный. В те времена офицерские чины покупались, их можно было купить даже для детей.

Старший брат Карла Эрика стал в Швеции потентатом, влиятельным человеком и одним из руководителей оппозиции. Юрист по профессии, он настолько громогласно и открыто выступал против расширения королевских полномочий, что после 1809 года был назначен государственным уполномоченным по вопросам юстиции.

Его брат в Финляндии, судя по всему, придерживался тех же взглядов.

Он занимал такое видное место в Союзе "Аньяла", что вместе со своим непосредственным начальником, командиром пехотного полка Турку, полковником Юханом Эриком Хэстеску был приговорен к смерти за предательство родины. Почти все высшие армейские офицеры поставили свои подписи под декларацией, которая объявляла незаконной начатую королем войну против России. Офицеры заявили, что они не собираются воевать и не будут выполнять приказы.

Хэстеску лишили головы, а Маннергейма, подавшего прошение о помиловании, освободили. После этого события надеяться на дальнейшее продвижение по службе было бы с его стороны глупо, поэтому он вышел в отставку и начал подыскивать подходящую иностранную армию, в которую мог бы поступить. Но тут оказалось, что у него есть другая возможность — выгодный брак с дочерью губернатора Турку. В 1795 году Маннергейм на деньги, унаследованные от матери, покупает поместье Вильнес. Год спустя он вступает в брак. С 1805 года становится председателем Финского экономического общества, членом Музыкального общества Турку и работает в своем поместье.

После аннексирования русскими Финляндии в 1808—1809 годах Маннергейма назначают председателем депутации, вызванной императором в Петербург — хотя война еще шла полным ходом — для обсуждения вопроса относительно Финляндии. В последний день ноября 1808 года он обратился к императору с речью на французском языке. Он сказал, что депутация представляет свободный, но законопослушный народ. Депутация обратилась с просьбой о созыве сейма. Сейм был созван в Бурго. Маннергейм занимал в нем видное место. После этого его назначили губернатором. Кроме того, он работал в Банке Финляндии и в начале 1820-х годов стал заместителем председателя сенатского департамента экономики, что сегодня, вероятно, соответствовало бы посту премьер-министра. Он был настоящий "тайный советник". В 1825 году император присвоил ему графский титул.

Карл Эрик Маннергейм в служебных делах отличался строгостью — одна из причин, почему его не слишком любили. Человек спокойный, сдержанный, деловой, он был чужд легкомыслия и живости. Не блистал ораторскими способностями. После назначения генерал-губернатором Закревского, чиновника, не имевшего ни малейшего представления ни о западном правовом порядке, ни о принципах управления, из-за чего он шел в обход сената, финны обвинили Маннергейма в попустительстве, трусости, слишком большой уступчивости. Маннергейм с горечью вышел в отставку и вернулся к прелестям частной жизни.

Еще тридцать лет после описанных событий в стране продолжался период владычества чиновничества, когда небольшая группка аристократов правила более или менее по своему усмотрению, никак при этом не

упуская своей выгоды. Вплоть до 1855 года за сенатский департамент экономики отвечал в большой степени "Его Страшнейство" Ларс Габриель фон Хаартман. Как и Маннергейм, он был его вице-председателем. Фон Хаартман женился на дочери Маннергейма, а после ее смерти заключил брак с одной из ее сестер. Таким образом он дважды приходился Карлу Эрику Маннергейму зятем.

Один из сыновей Карла Эрика — Карл Густав — стал дедушкой будущего маршала. Внук был назван в честь деда, который достиг поста президента Верховного суда Выборга. Его братья занимали различные sine-cуры в Банке Финляндии. Они не отличались большими амбициями и не слишком заботились о продолжении рода. Один из них уехал в Польшу, где женился на поместье. С Финляндией он не поддерживал никаких контактов, и это заставило семью предположить, что он умер. Семейство Маннергеймов было предметом враждебного, смешанного с завистью отношения со стороны высшего сословия страны, тем самым подвергаясь определенному социальному давлению, поскольку представляло собой один из родов, возникших в процессе секвестрования и в последнее время со слишком большой выгодой воспользовавшихся конъюнктурой в России. Враждебность окружающих родила в душе Карла Густава сильное сопротивление, которое обратилось на весь шведский высший свет Финляндии. Давление сломало братьев. Они прекратили всякие попытки сделать карьеру, дабы получить помилование общества. Возможно, именно поэтому самый способный из них нацепил на себя шутовской колпак, чтобы таким путем сделаться слугой высшего света, его общим гофмейстером. Одним словом, Август со временем стал специалистом и авторитетом в области женской моды, интерьера и церемониала. Это он одевал великосветских дам. Это его посылали на четверке лошадей в Германию и Италию закупать мебель, ковры, светильники, гобелены и всякие другие вещи для императорского дворца и резиденции генерал-губернатора в Гельсингфорсе. Позднее он сделался довольно хорошим рисовальщиком и акварелистом. На его акварелях парят легкие, как бабочки, кавалеры и воздушные, как эльфы, красавицы, одетые по последней моде. За свои манеры и стиль поведения Август был прозван "фрёкен Августа".

В роду Маннергеймов художественные наклонности передавались от поколения к поколению. У отца маршала они вначале даже доминировали. Тем не менее первым профессиональным художником стала сестра маршала, Эва. Во времена Августа дворянин просто-напросто не мог посвятить себя профессиональному искусству.

Дед Маннергейма Карл Густав был полной противоположностью своего брата Августа: таким скованным и чопорным, холодным и негибким, каким только способен быть человек. Характерная деталь — он собрал по-настоящему впечатляющую коллекцию жуков. Всего в его коллекции

насчитывалось 100 000 насекомых, из них — 20 000 жуков. Карл Густав был первый из Маннергеймов, родившихся в Финляндии. Медленно, но верно, шаг за шагом он продвигался по службе, пока в 36 лет не занял пост губернатора Васы. Год спустя, в 1834 году, его перевели на тот же пост в Выборгскую губернию. Когда через пять лет был создан Верховный суд Выборга, он стал его президентом.

Карл Густав, примыкавший к Финскому литературному обществу, в 1850 году предложил учредить должность профессора финского языка в университете Гельсингфорса. Кроме того, по его мнению, следовало бы вести дело- и судопроизводство на финском языке. Идея была настолько смелой, что просто не могла быть тактическим ходом с его стороны. Возможно, это было первым симптомом той политики, которую Россия начала проводить позднее. Поддержка всего финского позволяла в значительной степени ослабить как связи со Швецией, так и положение шведоязычного высшего класса.

Карл Густав написал множество книг о жуках на французском языке и по латыни. Он был членом многих иностранных естественно-научных обществ.

В супруги Карлу Густаву предназначалась самая красивая женщина Финляндии начала столетия — будущая Аврора Карамзина. Однако чопорная и надменная натура Маннергейма не подавала никаких признаков возможного оттаивания, и Аврора предоставила ему свободу оставаться в таком замороженном виде.

Маннергейм женился на дочери подполковника Карла Константина фон Шанца. У супругов родилось четверо детей — сын, отец будущего маршала, и три дочери. Одна из них — Анна — вышла замуж за всемирно известного финского исследователя Севера Адольфа Эрика Нурденшельда, мужем Софии был итальянский дипломат Франческо Котта, третья сестра, Вильгельмина, осталась незамужней.

К моменту смерти отца Карлу Роберту исполнилось всего десять лет. Именно ранней кончиной отца объясняется нетрадиционное поведение Карла Роберта. Он получил в наследство поместье Вильнес. Поступил учиться в университет Гельсингфорса. Стал радикалом и атеистом. Отличался многогранными художественными талантами. На премьере первой финской оперы — "Охота короля Карла" Пасиуса — он спел заглавную партию короля, поскольку исполнитель этой роли заболел. В то время ему было семнадцать. Его непринужденная, несколько пародийная манера исполнения привлекла внимание и вызвала скандал, на что он и рассчитывал. Сыгранный в 1858 году спектакль "Всякая всячина" привел к отставке ректора университета и исключению на полгода Карла Роберта. На присуждении магистерской степени в 1857 году друг Маннергейма, а позднее муж его сестры Нурденшельд выступил с речью, в которой подчеркнул общность Скандинавских стран. Эта речь настолько ослож-

нила жизнь Нурденшельда, что он счел за благо навсегда перебраться в Швецию и плавал, стало быть, под шведским флагом.

Карл Роберт Маннергейм много времени проводил в Париже, где впитывал радикальные идеи или, другими словами, буржуазное свободолобие в той форме, в какой оно там витало. Во время процесса Дрейфуса он был целиком и полностью на стороне Дрейфуса, да и в других случаях не принимал антисемитизма. Всем знакомым в Финляндии и Петербурге, которых он считал реакционерами, он послал свою фотографию с ненавистной им книгой Золя "Аврора".

Он переводил на шведский с английского, французского и немецкого стихи Бернса, Альфреда де Мюссе, Генриха Гейне, привлекавшие его своей изысканной иронией — стилем, присущим ему самому. Изысканная ирония была близка и его сыну, маршалу. Отец Маннергейма и сам писал стихи. Кроме того, он был мимом, пародистом и актером. Его пьеса "Ужасные последствия ревности", фарс-пародия, была такой смешной, что вызывала бурную овацию. Его сын, маршал, тоже с удовольствием сочинял и вплоть до последних дней имел обыкновение развлекать тесный круг своих друзей пародиями на известных людей.

Карл Роберт был настоящим гурманом. За столом он угощал гостей не только злыми шутками, но и экзотическими яствами, приготовленными с истинным знанием дела. Естественно, прекрасно разбирался в винах. В этом отношении хобби маршала совпадают с отцовскими.

Этот соривший деньгами дворянин женился на капитале, дочери крупного финансового магната. В прошлое столетие такие браки были более или менее привычными и в Европе, и в США, где миллионеры отдавали своих дочерей замуж за сыновей аристократических английских семейств. В таком браке родился, например, Черчилль.

Один из присутствовавших на свадьбе гостей отметил, что Хелен фон Юлин стала графиней Маннергейм, а Карл Роберт Маннергейм богатым человеком.

Свадьба состоялась в последние дни 1862 года в Фискарсе, поместье фон Юлинов, к которому примыкал внушительный завод. Празднество продолжалось много дней.

Отцом Хелен был горный советник Юхан Якоб фон Юлин, а матерью — третья жена горного советника Шарлотта Егершельд, которая умерла родами, когда Хелен было два года. При разделе имущества Хелен досталось загородное поместье, а фон Юлинам — каменный дом в Турку. Кроме того, доходы Хелен с состояния составляли до 5000 рублей в год. Все это — и недвижимость и деньги — законный супруг быстро пустил на ветер, при этом одновременно просядив собственное наследство.

Сын Карл Густав, будущий маршал Финляндии, наш герой, повторил позднее тот же маневр. Он женился на молодой русской даме, слышавшей весьма богатой — ее состояние оценивалось в 800 000 рублей, что в пере-

счете на финские деньги составляло 1 700 000 марок. Жена унаследовала два имения, одно из которых было продано. Взамен они купили поместье в Латвии, приносящее неплохой доход. Отец Маннергейма после восемнадцати лет брака бросил жену и семерых детей на произвол судьбы без собственности и без денег. Сын-офицер продержался в браке девять лет — столько, сколько хватило терпения у его жены. Сын тоже промотал состояние, просяживая деньги на азартные игры и неудачные сделки, прежде всего биржевые, но, может быть, еще больше на роскошную жизнь в столице империи и выплату огромных долгов, которые он наделал до женитьбы. Все-таки, наверное, именно эта жизнь на широкую ногу поглощала больше всего денег. Карл Густав Эмиль Маннергейм был сыном своего отца. И как и отец, он в сорок лет опомнился, привел в порядок свое социальное и экономическое положение и начал все сначала. И проделывал это дважды.

Мать Маннергейма верила в пользу жесткого, закаливающего английского воспитания. Она не была мягкой матерью-щебетуньей и, судя по всему, не слишком интересовалась психическим состоянием своих детей или их духовным и эмоциональным миром. Похоже, больше всего от этого страдала старшая из детей, Софи. Это представляется вполне естественным. Незабываемое разочарование и горе Софи пережила, когда мать, несмотря на данное обещание, велела умертвить их старую собаку. Горе было так велико, что девочка заболела. Ее долго не отпускала лихорадка. Играть в куклы она перестала в один день, когда ее уговорили поменять ее любимую грязную, сломанную куклу на новую и красивую. После того как ее буквально из-под палки заставили отдать любимую куклу девочке-нищенке, у которой вообще не было куклы, она больше к куклам не подходила, ни к каким. Софи осознала эти два случая, уже достигнув зрелых лет. Они лишили ее веры в людей и отгородили от мира и окружающих, возможно, даже от самой себя, ибо тут все взаимосвязано.

Карл Густав, будущий маршал, был в семье сорвиголова, не подчинявшийся никакой дисциплине, и для него воспитательные принципы матери не имели никакого значения. Зато, став взрослым, он соблюдал их тщательнейшим образом. Холодные обтирания по утрам, плавание, узкая, жесткая походная кровать, бесконечное просиживание за работой в безликом кабинете, доведенное до педантизма чувство долга — даже в общении, — невероятное бесстрашие на поле боя, нежелание раскрывать душу перед другими — все это, вместе взятое, можно считать весьма английским отношением к жизни. Английское воспитание в том виде, в каком оно было известно, не придавало особого значения чувствам, теплым человеческим отношениям, эротике. Оно делало акцент на самодисциплине, сдержанности, деловитости и неподкупном выполнении долга.

Детство маршала

Жизнь в Вильнесе, как рассказывают, была ограничена жесткими правилами. Все вели себя достойно и благородно. Требовалось тщательно выбирать выражения. Не позволялось дурачиться и шутить. Против всего этого и восстал Карл Густав. Он был единственным трудным ребенком в семье. С ним случались приступы слепого бешенства, когда он орал и вопил. Он терроризировал своего старшего брата Карла, образцового мальчика, который именно по этой причине не мог отплатить той же монетой. Ради мира в семье Карл всегда уступал.

Семью и родственников беспокоило, что Густав еще не говорит. Орать и беситься, чтобы настоять на своем, — это сколько угодно. Как все дети, еще не начавшие говорить, он был подвижен и предприимчив. В семье сложилось мнение, что Густав — злой ребенок. Он не говорил до трех лет. Лишь после рождения сестры Эвы произошло чудо — “Густав заговорил”, — раз за разом облегченно повторяли родные.

Когда Густаву исполнилось двенадцать, дядя Альберт — брат матери — призвал его обуздать свой тяжелый характер и стать образцом для младшего брата Юхана.

Ласкательное прозвище маленького Густава было “Тютти” и “Тюттэ”, словечки, очевидно, возникшие из младенческого лепета. Но не исключено, что они были заимствованы из финского языка. На местном диалекте “тюттэ” означает “кукла”, а “тютти” — “маленькая девочка”. В этих краях говорили по-фински. Младшая прислуга тоже. Возможно, мальчик подхватил словечко. Однажды в 1930-х годах Маннергейм сказал фрёкен Кэнэнен, которая работала в канцелярии Красного Креста и помимо оказания всяческих внеслужебных, частных услуг была еще вынуждена от руки писать карточки для рассадки гостей за обеденным столом, в чем занятии она по причине своего чудовищного почерка потерпела полный провал, что такой одинокой девочке (тюттэ), как он (Маннергейм), нелегко держать в порядке дом. В Маннергейме было много от женщины, чувствительной барышни, непредсказуемой и капризной принцессы, непрерывно ощущавшей горошину под периной.

У Густава была склонность попадать в разные передраги, и это его преследовало и в зрелые годы. Он бросал вызов не только людям, но и естественным и физическим законам. Как-то раз, забравшись на чердак хлева, он принялся прыгать с балки на балку, упал и разбился о твердые доски. Софи и Юхан вывели его во двор, и тут у него неожиданно пошла горлом кровь. Мальчика почти похоронили. Спешно послали за кем-нибудь из женщин старшего поколения. Но в это время выяснилась причина кровотечения: он переел черники, и, естественно, его вырвало. Однако тяжелое сотрясение мозга было фактом, и поэтому Густаву долгое время пришлось провести в тишине и покое.

В те времена спорт еще не сделался общедоступным. Плавать умели немногие. Графиня Хелен была страстной пловчихой. И она брала детей с собой купаться. Следила, чтобы они как можно больше бывали на свежем воздухе. Они спали на жестких матрасах и мылись холодной водой. Воспитание действительно было спартанским, закалывающим и развило в детях мужество и бесстрашие.

Сыну помещика безоговорочно полагалось заниматься верховой ездой и охотой, а поскольку семейство практически жило в шхерах, хождение под парусом тоже было обязательным. Правда, интересы Густава не ограничивались только этим — он еще собирал марки и печати.

Младшие братья Юхан и Август боготворили Густава, и когда он устраивал разные проказы, их искреннее восхищение не знало границ.

До семи лет Густав обучался дома у гувернанта-швейцарца. После чего его определили во второй подготовительный класс Бёёкского лицея в Гельсингфорсе, куда уже ходил его старший брат Карл. У отца была городская квартира, и мальчики жили у него.

Густав проявил полное неумение приспособиться к школьным условиям, в результате чего был исключен из школы на целый год. Три дня подряд вместе с парой мальчишек, которых он уговорил присоединиться к нему, он бил камнями окна. Таково было официальное обвинение и объяснение. Сам Густав утверждал, что бросил камень всего один раз, в третий день, и только после подначки других мальчишек.

Директор школы учел прежнее поведение мальчика, который слыл драчуном и забиякой. Густав же считал себя в классе генералом и пытался руководить и командовать остальными так, как он привык это делать дома.

Весну 1880 года Густав провел в Вильнесе и в усадьбе Сэльвик. Поведение его было безупречным, что воспринималось с большим удивлением и в то же время с нескрываемой благодарностью его родными. Значит, мальчик вовсе не обладал заложенным от природы дурным нравом и не был неисправимым сорвиголовой.

Следующим шагом в этой шахматной партии стала отправка Маннергейма к родственникам во Фредриксхамн, где его поместили в школу для подготовки к вступительному экзамену в кадетский корпус, что было весьма сложным делом. В реальном училище Фредриксхамна Густав Маннергейм проучился два года. Одного года оказалось мало.

Он остановился в доме Просторовых, в семье со строгими правилами воспитания. Хозяйка была финка, глава семейства — старый русский капитан. Муж не произносил ни слова, у жены рот не закрывался ни на минуту. За обедом в штабе в Миккели в августе 1944 года Маннергейм вспоминал о своих школьных годах во Фредриксхамне. Самых буйных ребят отправляли на постой в дом Просторовых, но это никак не сказывалось

на их поведении. Хозяйка следила, чтобы мальчики ложились ровно в девять вечера, а в одиннадцать они сбегали в город. Когда капитан умер, ребята, не скрывая, наслаждались утощением, устроенным им в связи с поминками.

За год до этого дом Маннергеймов окончательно развалился. Семья была опозорена в глазах общества. Разорившийся отец сбежал в Париж с дочерью генерала Нурденстама, придворной дамой императрицы. Посторонним члены семьи говорили, будто граф сделал важное изобретение в области консервирования продуктов питания и уехал в Париж, чтобы там его продать. Он даже не пытался распутать свои запутанные дела, оставив их в полном беспорядке. Не отвечал ни на письма матери, ни на письма сестер. И вообще не подавал о себе никаких вестей.

Оставшаяся в доме семья и родственники пытались спасти то, что можно было спасти. Вильнес был продан незамужней сестре графа Вильгельмине. Движимое имущество — включая собранную графом коллекцию произведений искусства — пошло с молотка. Имущество гельсингфорского дома было втихомолку продано за гроши.

Забрав четырех младших детей, мать уехала в Сэльвик. Старший сын Карл продолжал учиться в Гельсингфорсе. Старшая из детей Софи жила у тети Ханны в Стокгольме, а Густава, стало быть, отправили во Фредрикхамн поступать в дешевый кадетский корпус.

Мать намеревалась открыть школу в Экенесе и преподавать там вместе с дочерью Софи. Но план этот осуществить не успела. Она начала писать статьи для газет, в том числе и шведских, и для них же делала переводы с французского. Состояние у нее было подавленное, ее одолевал страх. Каждую ночь она приводила в спальню старого сторожевого пса — боялась волков.

Хелен Маннергейм, как говорили, была больна физически и психически. И 23 января 1881 года, всего в возрасте тридцати девяти лет, она неожиданно умерла от сердечного приступа. Она писала в Стокгольм сестре своего супруга, что людей можно убить, устроив вокруг них заговор молчания. В аристократических кругах того времени и в кругах крупных буржуа банкротство, похожий на французский фарс любовный треугольник, бегство от жены в обществе другой женщины означали для супруги социальную смерть, полнейшую изоляцию и одиночество — одним словом, бойкот.

Густаву исполнилось тринадцать. В этом возрасте смерть еще не воспринимают как нечто реальное и обязывающее. Два месяца спустя Густав приехал в Гельсингфорс — до Бурго он добирался на лошадях, а от туда на поезде. В письме сестре Софи он так описывает начало путешествия:

"Мы с моим сожителем по комнате выехали из Ф-хамна в полпятого вечера в субботу на лошади с пьяным кучером, начали петь и продолжа-

ли горланить всю ночь, поменяли лошадь, я взял вожжи, и мы понеслись во весь опор. Опять сменили лошадь. Кучер попался бравый малый, сани опрокинулись. Догнали девочек из женской школы, не останавливаясь, добрались до Ловисы. Подкрепились и продолжили путь, но кучер прямо ехал шагом. Поменяли лошадей и скоро помчались вперед. Новые лошади летели во весь опор, мы опрокинулись, добрались до Бурго, вид у нас был как у портовых хулиганов”.

Этот живописный рассказ дает представление о том, как проходило путешествие в то время, когда ехали на перекладных. Вместе с тем мы отчетливо видим двух мальчишек, еще не достигших половой зрелости и наслаждающихся самыми беззаботными и свободными годами человеческой жизни.

Сестра Софи потом рассказывала, что она и Густав сильно обидели Юлинов тем, что первыми из детей стали навещать отца, когда тот снова вернулся в Финляндию. Между ними и отцом крепились доверительные отношения, в основе которых лежало товарищество, позднее переросшее в дружбу. Став взрослым, Густав переписывался с отцом как с товарищем и другом, а не как с отцом. Подмигивая, он писал о разных мужских делах, пересказывал саркастические истории о попойках и проделках офицеров, даже намекал на женщин. Отцу такие вещи было не принято писать, ни тогда, ни позже. Отец Маннергейма утратил свою отцовскую роль. Отцовский авторитет Маннергейм для себя обрел позднее в царстве, государстве, законе и традиционном, строго сословном обществе — и этот авторитет был намного сильнее того, каким обладал настоящий отец. Поразительно долговременная и прочная духовная зависимость от самодержавной романовской династии хорошо показывает, чей авторитет укреплялся за счет утраченного отцовского.

Граф женился на своей возлюбленной и вернулся в Финляндию. В 1887 году он организовал агентство, которое посредничало в самого разного рода делах, но прежде всего сосредоточилось на продаже конторского оборудования и мебели. В 1909 году агентство превратилось в солидное и стабильное предприятие под названием “Система”. “Система” импортировала пишущие и счетные машины в Финляндию.

Отец пользовался рекламой по американскому образцу. Он съездил в Америку, якобы чтобы закрепить там свой экономический успех, а на самом деле — чтобы сорвать большой куш. При этом он возлагал надежды на организованные там крупные лотереи. Он все еще продолжал оставаться игроком, готовым броситься с головой в азартные игры, которые, по слухам, и явились причиной его разорения.

Тем не менее графу удалось привести в порядок свои финансовые дела и даже сколотить состояние. В этой новой семье родилась еще до заключения брака дочь Маргерит, с мужем, сыном и свекром которой Маннергейм охотно сотрудничал в 1918 году и в последующие годы. Му-

жа Маргерит звали Грипенберг. Однако выдающегося общественного и политического положения отец Маннергейма не приобрел, да он и не ставил себе такой цели. Принадлежа к дворянскому сословию, он участвовал в работе ландтага в качестве представителя своего рода и был удостоен звания камер-юнкера.

В кадетском корпусе

В нормальное русское кадетское училище ребенок поступал, когда ему исполнилось десять, и учеба там продолжалась девять лет. В империи имелось, однако, два училища с семилетним сроком обучения. Одно из них — Пажеский корпус в Петербурге, другое — кадетский корпус во Фредриксхамне. В них зачислялись мальчики, достигшие двенадцатилетнего возраста. Вступительные испытания в кадетский корпус Фредриксхамна значительно ужесточились, поскольку выяснилось, что за семь лет приобрести знания и навыки, требующиеся в России, ученикам весьма сложно. Причина была очевидна. Прежде чем ученики могли с полной отдачей начать изучать собственно военные предметы, им было необходимо хорошо выучить русский язык. Вступительные экзамены во Фредриксхамне были настолько суровы, что рассчитывать на поступление могли лишь те, кто окончил четыре класса лицея. Это привело к тому, что поступавшие в кадетский корпус нередко были на два-три года старше предписанного правилами возраста. Маннергейму исполнилось пятнадцать, когда он стал кадетом. Эти лишние годы оказывались во вред курсантам — и это в особенности коснулось Маннергейма, — если они в середине обучения во Фредриксхамне решали поступать в Пажеский корпус. Их хоть и принимали туда, делая исключения для переростков-финляндцев, но весьма неохотно.

Маннергейм был во Фредриксхамне на положении казенно-коштного, что означало проживание в казарме. Воздух там был спертый, кормили плохо: хлеб, картошка и селедка. Побудка в 5. 45. Маннергейм, как и все остальные, страдал от невозможности уединиться — в дальнейшем это тоже будет его мучить.

Юный кадет с восторгом и радостью пишет о пышных похоронах своего учителя, гвардии поручика Берга. На этих военных похоронах кадетов угостили чашкой кофе и кренделем — впервые. Берг застрелился.

Фамилия Маннергейма постоянно мелькает в кондуитах. Проступки, однако, были самые обычные. Выдал письменное задание приятеля за свое. Повинен в растрате. Разговаривал на уроке, шумел во время урока танцев, проявил лень, невнимательность, выпрыгнул в окно при звуке сигнала общего сбора, шумел в больнице, употреблял неподобающие вы-

ражения в классе, за что наказан двумя сутками карцера. Пропустил урок танцев из-за нарыва, но активно участвовал в следующем уроке — гимнастике. Вместе с приятелем вздул младшего курсанта. Густаву частенько приходилось сидеть в карцере. Чтобы убить время, он развлекался старинной забавой, придуманной в Карлберге, кадетском корпусе в Швеции. Скрутив маленькие хлебные шарики, он рассыпал их по полу и потом ползал по камере, пытаясь найти все до единого. В тусклом свете карцера сделать это было не так уж просто.

Семья была в ужасе. Бабушка писала сестре матери, тете Ханне, в Стокгольм, что у мальчика мрачное будущее. У него отсутствует чувство чести и не хватает ума даже на то, чтобы позаботиться о собственном развитии и закончить кадетский корпус, получив таким образом возможность зарабатывать себе на хлеб — то, что вынуждены делать другие бедные мальчики.

Больше всего ужасало родственников неумение Густава вести денежные дела. Вероятно, они боялись, что молодой человек пойдет по стопам отца. Весной 1884 года выяснилось, что Густав растратил все деньги на сладости и еще Бог знает на что, что он сидит без гроша и за ним числится долг в 168 марок. Сперва он написал отцу, но тот ответил, что помочь не может, и посоветовал обратиться к дяде Альберту, брату матери.

Альберт разразился пространными нравоучениями и советами, но деньги послал. Он призвал Густава держаться бедных курсантов и избегать богатых. Богатые посвящают свое время ненужным и даже вредным развлечениям. Однако третью и самую опасную группу составляют те, кто ничего не получает из дома и легкомысленно занимает деньги у товарищей ради удовлетворения собственного тщеславия и страсти к удовольствиям. Деньги — это накопленный труд. Если нет возможности использовать труд, накопленный предками, надо работать самому. И только когда удастся отложить что-то помимо средств, необходимых для покрытия всех расходов, можно ими распорядиться по своему усмотрению.

Лишь редкие новички, вступающие на путь военной карьеры, задумываются о том, найдутся ли для них места службы, и вообще мало размышляют о связанных с карьерой факторах. Густав задумался и пришел к выводу, что даже возможные военные потери вряд ли обеспечат столько свободных мест, чтобы кадетам из Фредриксхамна можно было рассчитывать на быстрое продвижение. Маннергейм начал подумывать о поступлении в русское военное училище. Так сделали многие финляндцы в свое время и весьма преуспели. Но Маннергейму предстояло преодолеть два препятствия. Во-первых — у него не было оценки "отлично" по поведению, во-вторых — не было средств. Во Фредриксхамне он жил на казенном коште, в Петербурге ему придется платить за обучение.

Родня его бабушки по отцу, фон Шанцы, настаивала на Пажеском корпусе. Они сумели использовать свои связи в Петербурге, и Густав успел

сообщить дяде Альберту, что ему обеспечено место в Пажеском корпусе. Он заявил, что собирается взять заем, чтобы не просить денег у фон Юлинов. После сдачи офицерского экзамена он будет поступать в академию. Окончив ее, получит место в Генеральном штабе, и там его жалованья хватит, чтобы расплатиться с долгами.

В Пажеский корпус принимали лишь детей потомственных дворян, все три поколения которых отличились на государственной службе; на практике это означало, что юноши в соответствии с российской табелью о рангах принадлежали, по крайней мере, к третьему классу. А это в свою очередь означало, что их отцы были по меньшей мере генерал-лейтенантами или, если речь шла о гражданской службе, тайными советниками. Отец Маннергейма императорским указом был удостоен звания камерюнкера, соответствовавшего в армии чину подполковника¹. В письме из Парижа в Петербург он написал, что, хотя у него самого нет требуемого послужного списка, он может сослаться на своих отца и деда, достигших высоких постов и отличившихся по службе. Семью признали отвечающей требованиям, и вопрос этот больше никогда потом не возникал.

Дядя Альберт разузнал положение дел. Он в первую очередь обратил внимание на размер жалованья и расходы на обучение, другими словами, на денежную сторону. Гвардейский офицер не мог жить на свое жалованье.

Альберт и остальные члены семейства Юлинов воспротивились поступлению Густава в Пажеский корпус. Они не верили, что у того достанет характера. Ему не хватало выносливости, вдобавок он любил развлечения; скорее всего, ему грозит обрусение. Поскольку Маннергеймы — и мужчины и женщины — уже начали прокладывать дорогу для Густава именно в этом направлении, пусть сами и платят за его обучение и проживание — так считали фон Юлины. По их мнению, у Густава есть все основания остаться в кадетском корпусе Фредриксхамна. Тем самым ему будет, по крайней мере, обеспечено поступление в финляндское войсковое соединение.

Препятствия на пути Маннергейма создавало его ближайшее окружение, а не Петербург или Фискарс. Директор кадетского корпуса сначала не хотел давать ему рекомендации в Пажеский корпус. Средний балл Густава за октябрь составил 9,3. С четвертого по успеваемости места в классе юноша поднялся на третье. Он был способный, много работал. Поведение оценивалось теперь на "хорошо". Директор пообещал дать рекомендацию. Однако Густаву необходимо было получить официальный вызов, который должен быть послан статс-секретариатом Финляндии. Густав попросил близкого приятеля напомнить самому статс-секретарю о своем деле, после чего принялся с нетерпением ждать вызова. Уже через неделю после получения письма он был готов отряхнуть прах Фредриксхамна со своих ног.

Директор кадетского корпуса не выставил Густаву высшего балла по поведению. Оценки "хорошо" было недостаточно, требовалось "отлично". Итак, рекомендации директора Густав не получил и остался продолжать учебу во Фредриксхамне, правда, пригрозив уйти в море.

Весной 1886 года стало совершенно ясно, что он вынужден остаться во Фредриксхамне и пойти служить в финляндское войсковое соединение, которое состояло из Финской гвардии в Гельсингфорсе, драгунского полка в Вильманстранде и стрелковых батальонов, имевшихся в каждом ляне. Маннергейму было 19 лет — слишком много для поступления в Пажеский корпус.

Реакция с его стороны не заставила себя ждать. Отчасти сознательно, отчасти бессознательно Маннергейм совершил дисциплинарный проступок, в результате чего был исключен из кадетского корпуса. Он исправлял совершенную несправедливость. Когда ему перечеркнули вариант с Петербургом, он решил перечеркнуть и вариант с Финляндией. Он вел себя как человек, доведенный до отчаяния. А ведь он старался изо всех сил, благодаря упорству и прилежанию стал одним из лучших учеников в классе, и все равно никак не мог угодить преподавателям. Кондуит пестрит записями по его адресу. Рассмеялся в ответ на сделанное ему учителем замечание. С двумя приятелями покинул казарму после наступления темноты и направился в пригород. Бормотал во время урока. Помог соученику сделать письменное задание. Узкие рамки мелочной школьной дисциплины стали ему тесны.

24 апреля 1886 года перед обедом он без разрешения покинул казарму, отправился на постоялый двор и, взяв там лошадей, уехал за город. Чтобы его отсутствия не заметили, приятель Густава Виднес сделал куклу и положил ее после отбоя в постель Маннергейма. Дежурный офицер, капитан Хедлюнд², обнаружил проделку и заявил о незаконном отсутствии Маннергейма. На следующий день за ним послали фельдфебеля. Маннергейм был незамедлительно исключен из корпуса, а это означало, что он в тот же день был обязан покинуть город. Виднеса за помощь приятелю наказали двумя сутками ареста и отменой увольнительной на Пасху.

Когда много позже Маннергейм был командиром 2-й гвардейской кавалерийской бригады, его пригласили на ежегодный вечер гвардейского Литовского полка, которым командовал Хедлюнд, тоже дослужившийся до генерала³. Поднимая тост за гостя, Хедлюнд сказал, что Маннергейм прославил Финляндию, сумев достичь такого высокого чина в русской армии. Маннергейм в ответном слове поблагодарил Хедлюнда за то, что тот столь решающим образом способствовал его исключению из кадетского корпуса Фредриксхамна и тем самым его великолепной военной карьере.

На этом этапе уже можно было шутя поворошить прошлое и позабавить общество.

Куда отправился Маннергейм, сбежав из казармы, и что он делал, неизвестно. Говорили, будто он так надрался, что был не в состоянии ночью вернуться в корпус. В молодости Маннергейм вообще не выносил спиртного, у него был слишком нежный желудок. По другой версии Густав отправился за город, чтобы провести там ночь с женщиной.

Поскольку никаких точных сведений ни о местопребывании Густава, ни о том, чем он там занимался, нет, легко предположить, что он запял себя чем-то предосудительным, постыдным. Внезапное его исключение и немедленный отъезд из города говорят в пользу именно такого предположения.

Исключение было делом рук нового директора корпуса, генерала Карла Энкелля. У него было два маленьких сына — Карл и Оскар. Как-то зимой они играли во дворе, и тут к ним подошел кадет Маннергейм и спросил, чьи они. Услышав ответ, он попросил передать привет старикану от кадета Маннергейма. Выходка, разумеется, была дурацкая.

К сыновьям генерала Энкелля Маннергейм обращался дважды в критические периоды. Во время своего регентства и после второй мировой войны во время своего президентства он назначил Карла Энкелля министром иностранных дел. Брата Карла, Оскара, генерала, Маннергейм призвал из Турции в армию Финляндии и его же в конце весны 1944 года отправил в Москву для переговоров о перемирии. Возможно, за стремлением Маннергейма иметь в своем распоряжении братьев Энкелль, сыновей генерала, разрушившего его карьеру в финской армии, крылось непобедимое желание доказать, что он сумел взять реванш. Таким образом он растягивал удовольствие. Не исключено также, что Маннергейм хотел загладить то унижение, которое должен был бы испытывать генерал Энкелль, видя, как юноша, вышвырнутый им из корпуса, возвысился до легендарного полководца, больше того, стал главой государства. Но, быть может, Маннергейм, человек тонкий и деликатный, открыто благоволя к сыновьям того самого генерала, тем самым просто хотел показать, что не держит на него зла. В своих отношениях с людьми Маннергейм демонстрировал весьма широкий спектр, налаживая связи на разных уровнях, как это и принято.

Дядя Альберт уговаривал Густава сдать выпускные экзамены в Финляндии и попробовать себя на гражданском поприще. Сначала Маннергейм попытался поступить в русский лицей в Гельсингфорсе, но ему не удалось связаться с человеком, который мог бы устроить дело. Этот господин, когда с ним пытались встретиться, обычно бывал либо в сауне, либо сильно навеселе.

После этой неудачи Густав принялся стучаться в русские военные училища. Карьера морского офицера представлялась ему вполне достойной.

Альтернативой военно-морскому училищу было Николаевское кавалерийское училище. Первое было Маннергейму больше по вкусу. Предпочтительнее в экономическом отношении.

В июне 1886 года Маннергейм вместе с дядей Юнне фон Юлином отплывают в Петербург. Дядя, владелец дока в Турку, выполнял заказы русского военного флота. По прибытии они отправились в канцелярию военно-морского училища, а оттуда к статс-секретарю Финляндии, который имел право на несколько мест в этом училище. Когда-то он зарезервировал место для Маннергейма в Пажеском корпусе и сейчас вспомнил, что молодой человек не смог им воспользоваться, поскольку не получил высшего балла по поведению.

В училище необходимо было показать оценки из Фредриксхамна. Плохая оценка по поведению сразу бросилась в глаза — очевидность, с которой ничего нельзя было поделать.

Юнне Юлин, проведя несколько бессонных ночей в горестных размышлениях о судьбе своего племянника, пришел в конце концов к выводу, что тому надо учиться на инженера. Молодой человек отличался деловитостью, интеллектом и имел склонность к математике. Дядя Юнне написал письмо Эварду Бергенгейму, директору керамического завода в Харькове, и попросил его выяснить пригодность Густава для этой отрасли, а также пробудить в нем интерес к профессии. На инженеров будет большой спрос в будущей России, быстрыми темпами превращавшейся в промышленно развитую державу.

Густав же вовсе не горел энтузиазмом. Он хотел в военное училище, куда решил поступать после сдачи выпускных экзаменов в России. Но тут возникло новое препятствие — незнание латыни и греческого. В кадетском корпусе Фредриксхамна преподавали лишь новые языки и реальные предметы — в этом отношении вполне современное учебное заведение.

В военное училище можно было поступить и другим путем, то есть пойти добровольцем в русскую армию и отслужить два года простым солдатом.

В глубине души Маннергейм уже сделал выбор: Николаевское кавалерийское училище. Обучение там было двухгодичным, и после сдачи экзаменов можно было рассчитывать на хорошее место в армии.

Чтобы иметь возможность позаниматься и выучить русский, Маннергейм поехал к Бергенгейму, где остановился в армейском лагере недалеко от Харькова. Бергенгейм, окончивший кадетский корпус во Фредриксхамне и сохранивший весьма нелестные воспоминания о нем, хорошо понимал Густава. Бергенгейма поразило поведение Маннергейма, полностью расхопившееся с тем, что ему довелось слышать, — молодой человек был очень внимателен к окружающим, имел хорошую голову и живой нрав. Правда, у Бергенгейма были свои сомнения относительно возможной легкомысленности юноши, но это он приписывал его прежнему кругу общения. Ведь кадеты во Фредриксхамне, насколько помнил Бергенгейм, только и делали, что играли в карты да буйнили. И на их мыс-

лях, и на поступках лежала печать безнравственности. Бергенгейм также с радостью отметил исключительное прилежание Маннергейма, его работоспособность и неутомимость в занятиях.

В учителя Маннергейму Бергенгейм выбрал капитана Сухина. Когда тому по долгу службы приходилось принимать участие в военных учениях в Чутуевском лагере, он брал с собой своего ученика. Русский язык у Маннергейма находился поистине в плачевном состоянии. Бергенгейм не верил, что тот в качестве добровольца сумеет попасть во второй класс. А если и сумеет, то все равно ему придется пройти двухгодичное юнкерское училище, — следовательно, чтобы получить офицерский чин и место в каком-нибудь кавалерийском полку, потребуется не меньше трех лет.

Бергенгейм и Маннергейм ломали головы над возможными вариантами. Одним из таких был университет в Гельсингфорсе.

Проведя две недели в Чутуевском лагере вместе с капитаном Сухиным, Маннергейм написал дяде Альберту, что русская армия потеряла в его глазах свой блеск. Служба была однообразная, жалованье мизерное. Даже в гвардейской кавалерии младшие офицеры не могли прокормиться на свое жалованье⁴. Генеральный штаб, куда Густав мечтал попасть, но куда ни разу даже не попытался подать заявление, превращал полковников просто в лакеев. Подпоручик получал 500—600 рублей в год, ротмистр после 15—20 лет службы — 600—700 рублей. Полковник, то есть командир полка, получал все-таки 4000 рублей, но нес представительские расходы. Командир армейского корпуса зарабатывал 7000 рублей, но таких в армии было всего 19 человек.

Маннергейм смирился с судьбой и пришел к выводу, что наилучшим выходом для него будет возвращение в Гельсингфорс, где он сдаст выпускные экзамены и потом приобретет гражданскую профессию.

Позже Маннергейм писал, что, несмотря на свои отрицательные впечатления, он все же хотел стать офицером. Однако этот план, как представлялось, был невыполним по одной простой причине — отсутствие денег. В Чутуевском лагере корнет драгунского полка получал на руки 200 рублей в год. Из них ему приходилось вносить свою долю на офицерские вечеринки, представительские расходы, в офицерскую кассу... На эти же 200 рублей корнет должен был покупать платье и лошадь и держать их в надлежащем виде.

Жалованье в русской армии было весьма низким, поэтому офицерские должности попадали в руки поместного дворянства, имения которых приносили постоянный и значительный доход. Мизерное жалованье, невидимо и прямо-таки оскорбительно отсеивая представителей низших классов, стояло на пути демократизации армии. Офицерский корпус верой и правдой служил царскому самодержавию, поскольку их интересы полностью совпадали.

По пути домой Маннергейм одолжил денег одному морскому унтер-офицеру, который по причине безденежья был бы вынужден в противном случае остаться на каком-нибудь полустанке. В Петербурге Маннергейму пришлось ждать пять дней, прежде чем унтер-офицер сумел отдать ему долг. Так что на прощание Маннергейм получил весьма наглядное свидетельство низкой оплаты труда в русской армии.

В Гельсингфорсе Маннергейм подает заявление в тот самый лицей, откуда его — ученика подготовительного класса — когда-то исключили. Он принимается в последний класс. Женская половина семьи считала Гельсингфорс опасным, греховным местом и боялась, что Густав не устоит перед многочисленными соблазнами. Однако он учился с исключительным прилежанием. Из всех школьных предметов наибольшие трудности причинял ему финский язык. В кадетском корпусе этому предмету уделяли недостаточное внимание — отношение, типичное для высших классов. Офицерам, окончившим корпус, предстояло иметь дело в основном с финскоязычными рекрутами.

В конце лета Маннергейм заболел тифом. Через год болезнь повторилась. Ухаживала за ним сестра Софи. Потом для поправления здоровья он уехал к дяде Альберту в Фискарс. Густав был так плох, что сначала мог передвигаться, лишь опираясь на палку. На щеке развился гнойник, потребовавший хирургического вмешательства. После второго приступа тифа, когда Маннергейм начал ходить, одной палки оказалось мало, и во время прогулок по Фискарсу ему помогал его кузен Линдсей. Более или менее он оправился только к Рождеству. Болезнь со всеми ее последствиями лишила его сил и отняла время, необходимое для учебы.

Маннергейм все-таки сумел сдать выпускные экзамены с хорошими оценками. Альберт был доволен и уже предвкушал, что племянник начнет занятия в университете. Однако Маннергейм увидел открывшуюся перед ним возможность поступить в русское военное училище — успешно сданные выпускные экзамены говорили в его пользу. О кадетском корпусе во Фредриксхамне и исключении из него можно было теперь не упоминать, поскольку Маннергейм не был больше привязан к тамошним выпускным оценкам.

Еще до начала письменных экзаменов Маннергейм принялся активно возобновлять свои отношения с родственниками и знакомыми. Генерал-майор, граф Ёста Аминов⁵, муж его крестной, командовал полком в России. Маннергейм привлек его на свою сторону. Барон имел нелестное мнение об отце Густава, но глубоко сочувствовал его матери и очень хотел помочь сыну Хелен. Сестра графини Аминов — баронесса Скалон — была замужем за статским советником Михаилом Петровичем Скалон де Колиньи. Баронесса Скалон тоже была крестной матерью Маннергейма. В то время крестные родители всерьез относились к своей роли — она обязывала.

Маннергейм получил приглашение приехать в загородное имение семейства Скалон в Курской губернии. Баронесса действительно приложила все силы, чтобы Густава приняли в Николаевское кавалерийское училище. Накануне Иванова дня 1887 года Маннергейм прибыл в имение Скалонов. Ему только что исполнилось двадцать. Имение называлось Лукьяновка. Телеграмма, в которой Маннергейм извещал о своем прибытии, пришла всего за два часа до его появления в имении, поэтому на станции его никто не встретил, и ему пришлось восемь часов трястись на крестьянской телеге. Вдобавок лил дождь, а ехать надо было 70 километров.

В Лукьяновке оказалось многолюдно. Сам хозяин, статский советник и предводитель дворянства, был в отъезде. В имении оставались его дочь от первого брака, прелестная девушка девятнадцати лет, и еще двое детей от другого брака, дети госпожи Скалон от прежнего брака, десяти и четырнадцати лет, старая гувернантка, пятнадцатилетний воспитанник хозяина и молодой юрист из Харькова. Маннергейм говорил со всеми по-русски с утра до вечера, причем язык варьировался в зависимости от уровня образованности собеседника. Беседы касались самых разнообразных сфер. Когда один собеседник уставал, Маннергейм переключался на другого. Кроме того, в доме имела богатая русскоязычная библиотека. Маннергейм спешил, он должен был обязательно выучить язык, и выучить его хорошо. Вместо недели он провел в имении целый месяц. И лишь тогда поехал в место, уже ему знакомое, — в Харьков.

Дядя Альберт с неодобрением отнесся к тому, что Густав столь долго задержался в Лукьяновке. Он рассчитывал, что племянник, проведя там два-три дня, поспешит в Харьков, в военный лагерь, где всерьез займется изучением русского военного языка, чтобы получить возможность поступить в военное училище, в которое такое множество аристократических родственников и знакомых объединенными усилиями пыталось его протолкнуть. Возможно даже, что дядя Альберт начал в определенной степени страдать комплексом неполноценности. Задержку Маннергейма он связывал с царившей в имении атмосферой роскоши, отмеченной бездельем и потому опасной для молодого человека. Альберт опасался, что обстановка склонит племянника к ничегонеделанию, к растительному существованию, светским развлечениям, лени, соблазнит его искусами сладкой жизни.

Маннергейм восторженно писал о госпоже Скалон, своей крестной, этой известной своим очарованием аристократке, восхищался ее мудростью, добротой, просвещенностью, изысканностью, одним словом, в его глазах она была истинной европейской дамой. Типично русское, по мнению Юлинов, сильно отличалось от типично европейского. Это проявилось презабавнейшим образом, когда Маннергейм женился на Анастасии. Семейство вздохнуло с облегчением, убедившись лично, что девушка оказалась европейской дамой, а не русской матроной.

Только брату Карлу Маннергейм признался, что Бергенгейм принял его в Харькове довольно прохладно. Бергенгейм был трудившимся в поте лица бюргером, как и дядя Альберт, и тоже подозревал аристократию в декадентстве и аморальности. Бергенгеймы то и дело отпускали колкости по поводу длительного пребывания Маннергейма в Лукьяновке. Густав осмелился признаться Карлу и в том, что на данном этапе поддержка ему важнее всего остального, а у статского советника хорошие связи при дворе. Было очевидно, что Маннергейм задержался в Лукьяновке, чтобы дожидаться возвращения хозяина и продемонстрировать ему лично свои способности.

Семейство Скалон и в дальнейшем оказывало Маннергейму большую помощь. Когда двадцатью годами позже он служил в Польше, тамошний генерал-губернатор Скалон оставлял без внимания или просто уничтожал жандармские рапорты, в которых отмечалась неблагонадежность Маннергейма.

Судя по всему, именно Скалона имел в виду Маннергейм, рассказывая за обедом в штабе в Миккели анекдот про генерал-губернатора Польши, одну из лучших, если не самую лучшую из всех его многочисленных историй. После попойки, продолжавшейся целую неделю, у генерал-губернатора остался всего один собутыльник — поручик из близлежащего гарнизона, в какой-то момент примкнувший к обществу. Все другие были уже не в счет. Будучи в состоянии любви ко всему миру, генерал-губернатор предложил поручику перейти на "ты", подарил ему прекрасного коня и пригласил заглядывать к нему, как только тому доведется быть в Варшаве. Вернувшись в свой гарнизон, поручик с гордостью рассказал всем, кто захотел его слушать, что он пил на брудершафт с генерал-губернатором. Через неделю-другую поручик придумал себе какое-то дело в Варшаве, чтобы иметь повод навестить своего "брата". В приемной генерал-губернатора было полно генералов и высокопоставленных гражданских чиновников. Поручик дожидался очереди согласно своему чину и посему был впущен последним. Генерал-губернатор его не вспомнил, забыл, что вообще когда-нибудь встречался с ним. «Чем могу быть полезен, поручик?» — спросил он. «Просто зашел тебя навестить. Ты разве не помнишь, что мы перешли на "ты"?» Генерал-губернатор задумался, потом нажал на кнопку звонка и велел слуге, появившемуся в дверях, принести бутылку шампанского и два бокала. Подняв свой бокал, он предложил поручику выпить на "вы": «Поскольку мы уже были на "ты", я предлагаю выпить на "вы"».

Скалон был изысканным кавалером, дамским угодником, светским человеком. Генерал жандармерии подал на него рапорт императору. Скалону, вызванному к императору, удалось развеять все подозрения. Вернувшись в Варшаву, он устроил званый вечер, на который пригласил в качестве почетного гостя генерала жандармерии. Пиршество вылилось в

недельную пьянку, что легко объяснимо — генерал-губернатору было что праздновать.

После роскоши Лукьяновки обстановка в Чугуевском лагере показалась Маннергейму еще более примитивной, чем прежде. И на этот раз он остановился у капитана Сухина. Дом был запущен, хозяйство велось кое-как. Сухин привез в лагерь свою семью. Двадцатитрехлетняя госпожа Сухина занималась лишь тем, что глотала один за другим старые сентиментальные романы, полностью оккупировав единственную большую комнату, пригодную для жилья, — ни на какие полезные действия она была не способна. Полторагодовалый ребенок орал день и ночь, действуя Маннергейму на нервы. Добавьте к этому вечные стычки с ворчливой старухой-нянькой, имевшей удивительную способность всегда оказываться под ногами.

Скудное питание привело к тому, что Маннергейм за две недели похудел на шесть фунтов, а он тщательно следил за своим весом. С дважды перенесенным в прошлом году тифом шутить не приходилось. Здоровье Маннергейма сильно пошатнулось, и ему было очень важно прибавить в весе.

ГОДЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

Гвардейский офицер

Граф Аминов был важным лицом в Петербурге, занимавшимся множеством разных дел. Среди его друзей числился начальник Николаевского кавалерийского училища барон фон Бильдерлинг. Как можно судить по фамилии, Бильдерлинг происходил из балтийских немцев, из Курляндии, но имел родственников и в Финляндии, например, Армфельтов. В конце июня 1887 года Аминов сообщил Маннергейму, что фон Бильдерлинг обещал зарезервировать для него место в училище.

Однако поступить в училище можно было, только сдав вступительные экзамены, которые проходили в конце августа. Маннергейм справился с ними без труда. 16 сентября 1887 года он принес присягу на знамени. С этого дня начался отсчет времени его службы в армии. В общей сложности Маннергейм прослужил 30 лет — ему было двадцать, когда он принес присягу, и исполнилось пятьдесят, когда его уволили ради общего блага или, другими словами, по причине его негибкости.

В манеже курсантов обучали старомодным приемам верховой езды. Маннергейм проявил большие способности и первым на курсе получил шпоры.

Старшие кадеты безнаказанно унижали младших и всячески издевались над ними. Подобного рода пенализм, по всей видимости, распространен и в финской армии после обретения страной независимости, придя туда, очевидно, из России.

Четыре часа ежедневно посвящалось тяжелым физическим упражнениям — верховой езде, гимнастике и скачкам с препятствиями. Кормили, по словам Маннергейма, хорошо, но порции были недостаточные для молодого человека, рост которого достиг 193—194 см и который все еще продолжал расти.

Первые же оценки вывели Маннергейма на четвертое место. По поведению он получил высший балл, что давало ему право быть свободным от занятий по средам.

Поскольку Маннергейм первым получил шпоры, он был удостоен чести купить пирожные половине эскадрона. На это ушло 15 рублей. На украшение манежа каждому пришлось выложить по пять рублей. Эти расходы опустошили кошелек Маннергейма, и он снова был вынужден просить денег у дяди Альберта. Подобного рода непредвиденные траты неоднократно подрывали финансовое положение Маннергейма на протяжении всего времени учебы.

Весенний семестр закончился 31 мая, и училище выехало в Красное Село, где кадеты занимались черчением карт и упражнялись в стрельбе.

За черчение карт Маннергейм удостоился высшего балла. Во время путешествия по Азии эти навыки ему оченьгодились. Кроме того, кадетам приходилось возводить оборонительные сооружения. Упражнения в стрельбе Маннергейм считал самым скучным из всех занятий. Остальное время посвящалось боевым учениям. В честь германского императора Вильгельма II, посетившего лагерь, были устроены показательные выступления и парад.

На второй год обучения Маннергейма фон Бильдерлинг заставил кадетов упражняться в верховой езде на школьном плацу вплоть до наступления зимы и раз в неделю гарцевать на лошадях через весь Петербург. Делалось это для того, чтобы кавалеристы увереннее чувствовали себя вне манежа, в условиях, приближенных к полевым.

В училище не существовало жесткой прусской дисциплины. Если кадеты отказывались нести караульную службу из-за холода, царившего в караульном помещении, никаких дисциплинарных мер не следовало.

На пасхальных празднествах и парадах 1889 года Маннергейм не присутствовал, поскольку, получив увольнительную, уехал в Финляндию. Он заслужил серебряный темляк на саблю и поперечные лычки на погоны⁶. Маннергейм настолько сросся с армией, настолько подчеркивал свою принадлежность к ней и с таким пренебрежением относился к штатским, что отец и брат Карл почувствовали себя оскорбленными. По крайней мере, такое впечатление сложилось у Софи.

За первый год обучения Маннергейм был вынужден заплатить 400 рублей плюс 150 рублей на экипировку. Во второй год денег на экипировку с кадетов не взымали, а после успешной сдачи выпускных экзаменов возвращали и потраченные вначале 150 рублей, чтобы молодым офицерам было на что одеться. Юнкера сами покупали сапоги и форму — юнкерская форма стоила 200 рублей. В первый год Маннергейм попросил у дяди Альберта 900 рублей на расходы, во второй год ему хватило 700 рублей.

По рекомендации начальника училища фон Бильдерлинга статс-секретарь Финляндии позаботился о том, чтобы Маннергейм получил пособие из императорской казны.

В ходе маневров экипировка изнашивалась и рвалась. Чинить ее и держать в надлежащем виде тоже стоило денег. Кадет должен был иметь средства платить груму, конюху и другой прислуге.

По окончании обучения предстояло выбрать полк. Гвардия со всех точек зрения была предпочтительнее, поскольку принадлежала к привилегированным родам войск. Если гвардейского офицера переводили в обычное войсковое соединение, ему автоматически присваивался более высокий чин. В гвардию зачисляли по оценкам, полученным в училище, но, кроме того, кандидату надо было получить согласие всех офицеров полка. Маннергейму же требовалось еще и согласие его опекуна, дяди Альберта.

Желание Маннергейма поступить в гвардию не вызвало энтузиазма у Альберта. Он советовал найти место в обычном полку, так как в этом случае можно было через три года пытаться поступить в академию Генерального штаба, что Густаву и следовало сделать. Альберт прекрасно знал, что офицерского жалованья даже в обычном полку далеко не хватало для покрытия всех расходов, и он не преминул напомнить племяннику, что обещал лишь помочь деньгами на обучение в кавалерийском училище, теперь же Густав должен справляться сам.

Маннергейм метил высоко. Казалось, этого нельзя было ожидать от столь молодого и не имеющего средств юноши, или же как раз наоборот, именно от такой молодежи и следовало ожидать стремления взлететь высоко. Маннергейм сам убедился, что в России есть только один способ сделать карьеру — с помощью связей. Усердие и бережливость там не имели никакого значения, там ты был вынужден метить высоко, позаботиться о том, чтобы занять видное положение. Необходимо было выбрать полк, который бы дал возможность установить важные личные связи. Таким образом Маннергейм хотел разрушить представление, что его план действий якобы проистекает из одного тщеславия и честолюбия. Выработанный им путь наверх был единственно разумным и практичным. Иначе ты делался невидимкой, растворяясь в русской массовой армии.

Петербург был город интернациональный. В училище учились балтийские немцы, поляки, представители кавказских национальностей, финны... Там царило смешение разных западноевропейских языков. Многие говорили на ломаном немецком. Шведский акцент Маннергейма удивления не вызывал, его часто просто не замечали. В России Маннергейм не жил в чисто русской среде. В 1910-е годы он служил в Польше, до этого два года провел на китайской территории, слыша вокруг многочисленные языки Центральной Азии. Ему удалось пробиться в высшие слои общества и удержаться там, воистину он сумел не утонуть в безбрежном людском океане России.

Попытка Маннергейма попасть в гвардию оказалась успешной. Оттуда его взяли в придворную администрацию, где он и прослужил 17 лет. Уже тогда ему приходилось по делам службы путешествовать по Западной Европе. Он женился на русской, но дома супруги говорили по-французски. Жена принадлежала к упомянутому ранее космополитическому высшему классу.

Гвардия оказалась для Маннергейма настолько притягательной, что он отказался от мысли об академии, открывавшей дорогу в Генеральный штаб. Он пришел к выводу, что для этого у него нет ни рекомендации достаточно высоких персон, ни средств. Для него трамплином был хороший полк. Случалось, что слушателя исключали из академии за какую-то неделю до выпускных экзаменов лишь за то, что преподавателю при-

шла не по вкусу его экипировка. Мундир гвардейского полка во всей России имел хорошую репутацию. Даже в Генштабе гвардейскому офицеру присваивали более высокий чин, чем офицеру из обычного полка. Присвоение следующего чина производилось в Генштабе каждые три года. Если он выберет обычный полк, писал Маннергейм дяде Альберту, то отстанет на три года от гвардейских офицеров и всю жизнь так и будет чином ниже их.

Маннергейм выработал план, наиболее предпочтительный для своей карьеры. Сначала гвардия, потом академия и Генеральный штаб. Самое позднее через девять лет он будет подполковником, даже если не случится войны, обычно открывающей широкие возможности продвижения по службе.

Первое место среди гвардейских полков занимал, по мнению Маннергейма, кавалергардский, где можно было быстро сделать карьеру. Почетным командиром этого единственного придворного полка⁷ была императрица, знавшая по именам всех офицеров, которые в свою очередь входили в высший свет Петербурга. Маннергейм сообщил дяде Альберту, что, кажется, именно сейчас там не хватает достаточно рослых офицеров — почетный караул при дворе всегда набирали из самых представительных и статных офицеров-кавалергардов. Маннергейм совершенно серьезно писал, как часто его будут командировать на придворные рауты и какую известность он там приобретет. В полку тоже устраивались пышные празднества, в том числе в честь императорской четы, что требовало денег — 200 рублей в месяц, 2400 в год. Первые три месяца жалованья не платили вовсе. Затем оно доходило до 40—50 рублей в месяц. Из этой суммы надо было платить взносы в инвалидную и пенсионную кассу, а также на похоронное вспомоществование, в результате чего на руках оставалось не больше 10 рублей, а иногда всего 2 рубля.

Может быть, Маннергейм дурачил своего дядюшку? И наслаждался ситуацией?

Статс-секретарь, который был своего рода посланником Финляндии в Петербурге, выдал Маннергейму в общей сложности 350 рублей в качестве государственной стипендии Финляндии.

Маннергейм горячо заверял дядю, что устройство его будущего — лишь коммерческая сделка. Хочешь получить прибыль, рискуй.

Экипировка в кавалергардах стоила 3500 рублей, но по окончании училища он получит обратно 400 рублей, потраченных на обмундирование там. И еще необходимо было 1000 рублей на покупку лошади.

Маннергейм надеялся получить заем, достаточный для покрытия его расходов в течение трех лет службы в кавалергардах. В качестве обеспечения он собирался взять страховой полис на ту же сумму.

Попасть в кавалергарды Маннергейму не удалось, вместо этого он получил место в Александрийском драгунском полку в Польше.

В мае 1889 года⁸ он был выпущен в чине корнета из Николаевского кавалерийского училища и прибыл для несения службы в город Калиш, расположенный недалеко от границы с Германией.

Служба была легкой, занимая всего три часа в день. В русской армии, как и в финских соединениях, обучением и казармами занимались унтер-офицеры. Офицеры держались в стороне. Новое пополнение, за которое отвечал Маннергейм, прибыло лишь в январе. Из Полтавской губернии он выписал себе красивую кобылу пяти лет, но прошло всего немного времени, а он уже собрался ее продавать. Дяде он объяснил, что офицер провинциального гарнизона вполне может заработать себе деньги на дополнительные расходы, занимаясь перепродажей лошадей.

Местечко оказалось лучше, чем того ожидал и опасался Маннергейм, — настоящий западноевропейский город с каменными домами и мощеными улицами.

Нечасто бывает, чтобы молодой офицер осмелился критиковать условия своей военной службы. Маннергейм же с самого начала высказывал критические замечания, словно был старым генералом. О полке у него не нашлось ни одного доброго слова. Офицеры ругались, доносили друг на друга. Командир полка — полное ничтожество, подчиненные его просто игнорировали. Возможности общения были равны нулю. Офицерские жены — низкого происхождения, необразованные, с плохой репутацией. Перед отъездом из Петербурга до него ушей дошли кое-какие слухи. Если они оправдаются, долго ждать обратного транспорта в Петербург ему не придется. Все недостатки и вызывавшие досаду обстоятельства этого глухого провинциального гарнизона он мог воспринимать с высокомерным спокойствием.

На Рождество Маннергейму разрешили съездить домой. Он появился у отца одетый Дедом Морозом и полчаса скакал и исполнял канкан перед ним и братом Карлом, прежде чем те его узнали. Они решили, что это Софи паясничает. Густав Маннергейм взял свой двадцативосьмидневный отпуск зимой.

После рождественского отпуска Маннергейм вернулся в Калиш обучать рекрутов. Их было сорок человек.

Летом проводились широкомасштабные военные учения. Маннергейм научился телеграфному и взрывному делу, сигнализации фонарем в темноте. Их полк вместе с тремя другими кавалерийскими полками действовал в приближенных к военным условиям на левом берегу Вислы. Эти войска при начале войны должны были немедленно быть брошены в самое пекло. После окончания маневров, продолжавшихся двадцать дней, Маннергейм получил приказ отправляться на Волынь⁹ в качестве офицера-ординарца на императорских маневрах. Это означало многостороннее и эффективное военное образование.

В Калише Маннергейм жил в жалкой гостиничной комнатухе. Меблированные комнаты ему снять не удалось. Деньги уходили между пальцев. Из-за отсутствия в городе манежа заниматься верховой ездой приходилось на открытом воздухе, и Маннергейм был вынужден купить себе кожаное полупальто и теплые брюки. Надо было внести деньги за офицерскую столовую, библиотеку, платить музыкантам, как новенькому устроить вечеринку для офицеров своего эскадрона, кормить солдат в своем взводе. Денщику и конюху он платил 5 рублей в месяц. Обед стоил 1 рубль, завтрак и ужин 75 копеек, пятничный обед с музыкой — 2 рубля 50 копеек. На корм лошади уходило 8 рублей. Таким образом, месячные расходы составляли 126 рублей. Жалованье же, которое начали выплачивать в октябре, составляло лишь 35—40 рублей.

В начале 1891 года Маннергейм получает перевод в кавалергарды¹⁰, в Петербург. Он попросил семейство Скалон использовать их хорошие отношения с императрицей Марией Федоровной, которая была почетным командиром кавалергардов. Еще в августе он писал своей крестной, Альфиля Скалон, что кавалергардские офицеры провели тайное голосование, решая вопрос, может ли он, Маннергейм, быть принят в их круг. Теперь, стало быть, крестной остается выпросить у военного министра или у императрицы вакансию для зачисления Маннергейма в кавалергарды. Баронесса поговорила с императрицей, и все устроилось.

Лошадь Маннергейма была слишком низкорослая для кавалергардов и к тому же не той масти — в этом гвардейском полку были гнедые лошади. Его венгерская гнедая кобыла, ростом 174 см, купленная в Бреслау, стоила всего 430 рублей. В Петербурге он бы заплатил за такую же 1000 рублей. Когда Маннергейм привез ее по железной дороге в Петербург, сам генерал осмотрел ее и одобрил. Эта отличная кобыла стоила дешевле всех, потому что якобы была жеребая, что на самом деле оказалось вовсе не так. Маннергейм продал ее за 860 рублей сыну свергнутого короля Сербии и взамен купил у своего приятеля Арапова за 900 рублей английского мерина по кличке Мерри-Бой. Генерал Арапов, страстный лошадиник, годом раньше приобрел его для своего сына за 1800 рублей, но конь был настолько своенравный и необузданный, что младший Арапов, не сумевший его укротить, продал его Маннергейму. Закончив службу в Польше, Маннергейм собирался продать и эту лошадь, после чего отправиться в Германию и купить двух лошадей — одну для себя и одну на продажу. Поскольку в Петербурге эта лошадь стоила бы вдвое дороже, его собственная лошадь обошлась бы ему в сумму, затраченную на дорогу. Подобными сделками Маннергейм будет заниматься долгие годы. Позднее ему предоставились еще более широкие возможности для этого, так как он, служа в Управлении придворных конюшен, ездил по всей Европе и закупал лошадей за государственный счет. Его собственные лошади следовали тем же транспортом.

Через год после зачисления Маннергейма в кавалергарды к ним был назначен новый командир, генерал Артур фон Грюнвальд, типичный немец. Став обер-шталмейстером, он перевел и Маннергейма, которого любил и ценил, в управление придворных конюшен.

Кавалергарды были полком представительским, эдакие "паркетные" военные, которые должны были отличаться уверенностью в себе, элегантною и изящными движениями — именно там Маннергейм приобрел свою элегантную походку.

В эскадроне Маннергейма служил граф А. А. Игнатьев, ставший потом генералом Красной Армии. В своих мемуарах он описывает Маннергейма типичным солдатом-легионером, который воспринимал свою службу как профессию, а не как приятное времяпрепровождение. По словам Игнатьева, отношение Маннергейма к работе было отношением профессионала. Его не интересовали вопросы, выходящие за рамки службы, он был равнодушен к политике или национальным идеалам. Маннергейм никогда не показывал своих чувств, никому не открывал своих мыслей, не делился личными заботами и проблемами или впечатлениями от светских происшествий — он лишь монотонно, на совесть, с примерной основательностью выполнял поставленные перед ним задачи. Даже пить он умел, не пьянея. Его считали благонамеренным, но ограниченным. Штатских и солдат с налетом штатского он презирал — черта, которая давно тревожила его отца и сестру Софи. Свое презрение, однако, Маннергейм облакал в такие мягкие и изощренные формулировки, что они воспринимались как шутка. Игнатьеву же он постоянно давал понять, что тот способен разве что более или менее приемлемо сидеть на лошади да делать гимнастические упражнения.

Во всех странах гвардейских офицеров привыкли считать поверхностными, не имеющими представления о своей профессии снобами, эдакими светскими львами. Поэтому Маннергейм с его чувством долга и рвением привлекал к себе внимание. Генерал Ненонен, служивший в царское время в артиллерии, много позднее, в штабе Миккели, удивлялся этим качествам Маннергейма, единственного прилежного офицера-кавалериста среди тех, кого он знал. На это же обратили внимание и в кавалергардском полку, временно доверив Маннергейму кассу и обозное хозяйство кавалергардов.

Этот же генерал Ненонен объяснял — и вполне правдоподобно, — почему Маннергейм обращался на "вы" к своим самым близким друзьям и никогда не пил на брудершафт. В царской армии было принято обращение на "вы". Ненонен сам стал офицером этой армии в семнадцать лет, и лишь с тремя-четырьмя из своих коллег он был на "ты". "Ты" говорили только солдатам.

Во время коронации Николая II в Москве в 1896 году Маннергейм и барон фон Кнорринг шли во главе процессии, перед императором, по-

сколько были самими статными офицерами-кавалергардами. В Москву приехал весь полк и пробыл там целый месяц.

Кавалергардов называли похоронных дел мастерами¹¹, потому что в их задачу входило участие в похоронах великих князей и генералов. Вечерами они развлекали дам на балах или же сидели в опере и театрах. Высший свет присылал им приглашения на домашние празднества и балы. Случалось, у Маннергейма все вечера были расписаны на две недели вперед. Он сам признается, что не был страстным танцором и не любил "бегать по театрам". И потому нисколько не страдал, когда в связи со смертью Александра III в 1894 году развлечения были запрещены. Правда, в то время Маннергейм уже два года состоял в браке.

Самое главное заключалось в том, чтобы независимо от ситуации скрыть скуку — одно из основных правил хорошего тона. Эти правила Маннергейм никогда не нарушал, для чего тоже требовались чувство долга и рвение.

Слава, окружавшая "дядю" Маннергейма, А. Э. Нурденшельда, первооткрывателя Северо-Восточного морского пути, друга юности и зятя его отца, в какой-то степени принесла пользу и самому Густаву.

Однажды Нурденшельд, часто бывавший в Петербурге, отправился в манеж посмотреть на искусство наездников, одним из которых был Маннергейм. Среди зрителей Нурденшельд увидел жену Маннергейма, показавшуюся ему очень красивой. Он представил Маннергеймов семье Нобель и другим своим друзьям, после чего предложил им прокатиться на своей коляске вдоль Невы. Именно там собирался петербургский бомонд, как парижский имел обыкновение прогуливаться верхом в Булонском лесу.

Маннергейм жил жизнью, обычной для гвардейского офицера, который с помощью связей добился хорошего положения в обществе и заключил выгодный и с социальной, и с экономической точки зрения брак. Он добросовестно исполнял свои служебные обязанности и общался с нужными людьми.

Знаменитая выправка Маннергейма, его способность удержать в руке наполненную до краев рюмку, не пролив ни капли, и выпить ее залпом, не поведя и бровью, были результатом его службы в кавалергардах, а вовсе не чертами, присущими этому общественному слою или ему лично.

Маннергейм поступил в управление придворных конюшен в 1897 году. Назначение повлекло за собой поездки по всей Европе. Отвечая за закупку, уход и обучение лошадей, он должен был досконально изучить иностранные конные заводы, породы лошадей, работы по их улучшению, родословные самых выдающихся животных. Он был торговцем лошадьми, конюхом, наездником-дрессировщиком, учителем верховой езды, участвовал в скачках с препятствиями и в соревнованиях по терренкуру. Неудивительно, что он так много пишет о своих лошадях, об их

природе и физиологии, об индивидуальном характере каждой из них, он воспевал их героизм и оплакивал их смерть. О своих денщиках он не рассказывает почти ничего. Воздерживается от оценок своих близких — либо вообще умалчивает о них, либо хвалит в самых общих выражениях. Посторонним же людям, второстепенным персонажам дает меткие характеристики, подпуская то и дело какой-нибудь анекдот.

В 1889 году Маннергейм приобрел на русском конном заводе пять кобыл для своей жены. Четыре из них были жеребые. Маннергейм соби­рался открыть собственный конный завод в имении жены. Всего он купил семь кобыл, начал переговоры о закупке еще двух и одолжил из императорских конюшен одного племенного жеребца. Казалось, все идет хорошо, деньги жены давали такую уверенность. Но жена сбежала. Пространствовав год по заграницам, она вернулась, только чтобы забрать обеих дочерей, после чего навсегда уехала во Францию. Маннергейм остался без средств и без имения в Латвии. Кредитов ему, судя по всему, тоже получить не удалось. Возможности торговать лошадьми больше не было. Мечты о собственном конном заводе развеялись в дым. А вот брат Юхан был владельцем конного завода в Йоккисе, самом большом имении Финляндии, где он служил управляющим. Братья даже вели совместные дела, связанные с лошадьми, размещали друг у друга заказы.

Еще раньше Маннергейм приобрел хорошую фотоаппаратуру, чтобы делать фотографии лошадей, предназначенных на продажу. Будучи государственным торговцем лошадьми, он получал 500 рублей на оборудование, билеты в первый класс, хорошие гостиничные номера и 6 золотых рублей суточных. Как раз на этом этапе у Маннергейма на­чались связанные с лошадьми несчастья.

Весной 1898 года Маннергейм сломал ногу — лошадь упала, подмяв под себя его ногу. Только в конце 1899 года он сумел вновь отправиться в длительную поездку. Сначала в Берлин, Брюссель и Париж, где он остано­вился на два дня у своей сестры Эвы и ее мужа Луи Спарре, а оттуда в Ганновер. Маннергейм встретился со множеством торговцев, осмотрел большое количество лошадей, сделал закупки: две четверки для вдовствующей императрицы, четыре вороных мерина арденской породы, четыре серых кобылы першеронской породы и английскую верховую лошадь. В императорской конюшне в Берлине его сильно лягнула лошадь, в результате чего он два месяца провел в больнице, где ему прооперировали колено. 15 марта 1943 года Маннергейм, поскользнувшись на улице в Миккели, сломал кисть левой руки — по его собственным словам, это был четырнадцатый в его жизни перелом костей.

Немцы не выставили счета ни за операцию, ни за пребывание в больнице. В качестве ответного дара российский император наградил главного врача орденом Владимира с бриллиантами — у врача уже был довольно

высокий орден и второй должен был быть на степень выше. Орден этот стоил 10 000 рублей. Таким образом, русский царь заплатил больше, чем кайзер Вильгельм за операцию колена Маннергейма. После операции мышцы на ноге настолько ослабли, что Маннергейм не мог сделать шага, если кто-нибудь не подталкивал его ногу сзади.

Немецкий врач спил коленную чашечку серебряной проволокой. Когда об этом узнал кайзер, он сказал, что это служит доказательством жадности немцев — надо было, конечно, использовать золотую проволоку.

Потом Маннергейм поинтересовался судьбой лошади. Из императорских конюшен ее отдали барышнику, тут же продавшему животное. Через третьи руки лошадь попала к князю Турн унд Таксису. Однажды ее запрягли в коляску, и она повела себя точно так же, как и с Маннергеймом, то есть понесла. Когда ее в конце концов удалось остановить, она вдребезги разнесла экипаж, но князь, по счастью, сумел увернуться от удара копытом.

К тому времени, когда Маннергейм оправился от перелома, уже наступила зима. В январе было еще тепло и бесснежно, окна не закрывали. Купленные Маннергеймом лошади прибыли в Петербург, Грюнвальд остался ими доволен. Маннергейму два раза в день делали массаж ноги, среди сестер милосердия была одна шведка, Адель, и Маннергейм был уверен, что своим шведским языком сумел завоевать ее сердце. Так что помимо колена ему досаждало лишь одно обстоятельство — то, что он не сможет принять участие в 100-летнем юбилее своего полка. Празднование продолжалось четыре дня. Но Маннергейм получил компенсацию — приглашение на обед к германскому императору, который еще ранее прислал ему цветы в больницу.

Кайзер вечно спешил, даже когда ел, и вдобавок беспрерывно говорил. Тарелки гостей стояли нетронутые, поскольку надо было быть в любой момент готовым отвечать и высказываться, а с набитым ртом этого не сделаешь.

Колено не давало Маннергейму покоя. В Петербурге боли усилились, поэтому сделали рентген, после чего он на шесть недель уехал в санаторий на эстонский остров Сааремаа — делать массаж и восстанавливать силы. Жена Ната отказалась ехать с ним, брат Юхан тоже не захотел составить ему компанию.

В 1901 году Маннергейм вместе с отцом появляется в Лондоне, где встречается с сестрой Софи, которая училась там на сестру милосердия. Густав покупал лошадей, отец занимался делами.

Когда Маннергейм перешел служить в управление придворных конюшен, в его распоряжение предоставили две роскошные квартиры — одну в Петербурге, другую в Царском Селе.

В сентябре 1901 года Маннергейма навестила жена Юхана — Палазмона, очень ему нравившаяся. Барон Густав на собственной упряжке встре-

тил гостью на вокзале и помчался на Марсово поле осматривать арабских скакунов и венгерскую четверку и лишь потом привел гостью в свое великолепное жилье, расположенное рядом с императорскими конюшнями. Поблизости находился и каретный музей, где хранились царские экипажи, в том числе и тот, в котором ехал Александр II, когда на него было совершено роковое покушение. Маннергейм устроил в честь гостьи обед и в своей представительской квартире в Царском Селе. За столом прислуживал императорский лакей с окладистой белой бородой и шестью медалями на груди.

Еще до женитьбы Маннергейм участвовал в соревнованиях по конному спорту. В начале 1892 года он завоевал в различных видах этих соревнований два первых приза, один второй и один третий. Третий приз представлял собой серебряный походный котелок, стоимостью в 200 рублей, один из призов был денежный, 700 рублей. Призы раздавала императрица, обратившаяся к Маннергейму по-шведски — она была датской принцессой.

На следующий 1893 год Маннергейм принял участие и в скачках с препятствиями, проводившихся шесть воскресений подряд. Он соревновался на трех лошадях, одну из которых, по кличке Лилли, купил у прошлогоднего победителя. Жена Ната всячески отговаривала Маннергейма от участия в скачках, боясь новых травм, — он был чересчур высок для верховой езды и часто падал. Однако Маннергейм продолжал участвовать в соревнованиях, больше того — начал играть в конное поло, когда эта игра пришла в Россию. На первом матче в честь открытия стадиона для игры в поло летом 1895 года Маннергейм был в команде победителей.

В 1903 году было объявлено вакантным место командира образцового эскадрона Николаевского кавалерийского училища. В этом училище офицеры приобретали великолепные навыки верховой езды. Маннергейм стал к этому времени прекрасным кавалеристом и тренером. Начальником школы был генерал Брусилов, будущий легендарный полководец времен первой мировой войны.

Маннергейм приступил к исполнению своих новых обязанностей уже в начале июня вместо начала сентября, и эти дополнительные месяцы титуловался исполняющим обязанности командира. Еще раньше он намеревался поехать в курляндское имение жены Алприккен, чтобы за два месяца привести в порядок расшатавшиеся нервы. Теперь у него оставался всего лишь месяц отпуска — май, и он уехал в Финляндию.

1903 год был тяжелым для Маннергейма. Брак окончательно распался. Деспотическое правление Бобрикова вынудило брата Карла покинуть Финляндию. Та же судьба грозила Юхану. Поистине у Маннергейма были все основания страшиться за свое собственное положение и место.

Служба в кавалерийском училище, учитывая все свалившиеся на него заботы и проблемы, превратилась в настоящую пытку. Маннергейм был

так загружен, что все другие места представлялись ему раем. Он писал, что ему кажется, будто он в тропиках, где, выходя на улицу, попадаешь в жару, десятикратно превосходящую домашнюю, а возвращаясь домой, ощущаешь прохладу. Утром эскадрон упражнялся в выездке, после обеда — гимнастика и занятия. Вторая половина дня в четверг, субботние вечера и воскресенья были свободными. В эти часы Маннергейм мог выйти в город и сделать какие-то дела.

Летом 1903 года кавалерийское училище выехало под Псков на маневры. К осени лагерь перевели в окрестности Вильны. Бешеные скачки по пересеченной местности однажды закончились плачевно для Маннергейма — его лошадь упала, и всадник чуть не сломал себе шею, голова была практически свернута набок. К счастью, у него подломились ноги, и он повредил себе лишь спину и шею, но ничего не сломал.

Брак

Крестная Маннергейма, божественная баронесса Альфиля Скалон, которая с помощью своих связей устроила его в юнкерское училище, а потом в кавалергарды, прилагала немало усилий, чтобы найти ему богатую русскую невесту. И нашла — Анастасию Арапову, молодую сироту, жившую с сестрой у своего дяди. Дядин сын — приятель Маннергейма — тоже служил в кавалергардах. Густав нередко навещал своего товарища, и вполне естественно, его приглашали оставаться к обеду. Альфиля Скалон, придя как-то к жене дяди с визитом, изложила ей свои планы, и эти две мудрые дамы, посоветовавшись, решили поженить молодых людей. Позвали Анастасию, которая тут же согласилась: "Кто же откажется выйти замуж за такого статного мужчину, да еще такого популярного", — сказала девушка. Согласие Маннергейма дамы считали само собой разумеющимся.

Существует, однако, еще одна версия женитьбы Маннергейма. Она не противоречит первой, но служит как бы ее продолжением, идя параллельно и показывая, как развивались события в отношении самого Маннергейма, каким образом он узнал о сговоре. Возможно, эти три благородные дамы не хотели, чтобы их план выглядел слишком прямолинейным и деловым, и решили придать ему некий драматический колорит с как можно более сильным любовным налетом.

Автор этой версии, оставшийся анонимным, дама, утверждавшая, что она кузина Маннергейма и вращалась в тех же петербургских кругах, рассказывала очень подробно, со знанием дела и весьма правдоподобно, как Маннергейм переезжал с квартиры своего товарища-офицера Демидова на Захарьевской, 25. Дядя Павла Демидова, князь Кочубей, в квартире которого Маннергейм жил, вернулся из поездки и потребовал осво-

бодить жилье. Вот так и получилось, что Маннергейм переехал к другому приятелю, Пьеру Арапову, кузену будущей баронессы Маннергейм. Анастасия — высокая девушка, с хорошей, хотя и несколько коренастой фигурой — не отличалась красотой, особенно ее портили глаза навыкате. Ее сестра Софья была красивее. Задача выдать девушек замуж возлагалась на госпожу Арапову. Сестры, отец которых тоже был генерал, остались без родителей. Анастасия влюбилась в Маннергейма с первого же дня, как они оказались под одной крышей. Маннергейм же ее всячески избегал, перестав даже появляться за завтраком и обедом, — он все время проводил в казарме и питался в офицерской столовой. Госпожа Арапова, естественно, сразу же поняла душевное состояние Анастасии, ведь любовь не утаишь. Точно как в рассказах Чехова и других тогдашних писателей, Анастасия, однажды столкнувшись с Маннергеймом в холле, бросилась ему на шею, и тотчас появилась госпожа Арапова, словно заранее сговорившись с Анастасией. Маннергейм сделал шаг назад, пытаясь высвободиться из объятий. Пораженная хозяйка развела руками и голосом, переполненным радостью, одобрила такой безусловно смелый поступок, сказав, что они не должны смущаться, поскольку любят друг друга. Единственное, что им остается сделать, — пожениться. Маннергейм ответил, что для этого ему требуется согласие отца, и у него, Густава, нет никакой уверенности, что согласие будет получено. Тогда госпожа Арапова посоветовала ему поскорее испросить разрешения, а пока ее семья с радостью будет считать Маннергейма женихом Анастасии, чтобы молодым из-за этой задержки не пришлось испытывать ненужной досады и неприятностей. И госпожа Арапова немедленно устроила ему приглашение на званый вечер, куда была уже приглашена Анастасия.

В упомянутый вечер во дворце графини Клейнмихель давалось представление, в котором Анастасия выступала с танцами. Таким образом, она могла показать себя с самой выгодной стороны. Естественно, Маннергейм должен был ее увидеть в таком привлекательном виде.

Однако отношения между ними пока решили сохранить в тайне. Были все основания обсудить оглашение отдельно, выбрать для этого нужное время и нужное место. И что же произошло? В разгар празднества Анастасия повернулась к девицам Клейнмихель и, указывая на стоявшего рядом Маннергейма, сказала, что это ее жених, но до поры до времени это тайна. Естественно, в тот же вечер тайная новость стала известна в светских кругах, где все знали друг друга. Тем не менее, подчеркивала рассказчица, никто не поверил этому известию ни тогда, ни позднее, поскольку Маннергейм не уделял Анастасии ни малейшего внимания — точно так же он вел себя и в дальнейшем.

Таким образом, о помолвке стало известно сначала косвенно, а потом было объявлено официально в манеже, где Маннергейм участвовал в со-

ревнованиях. И место и время было выбрано удачно — на этот раз уже Маннергейм выступал во всем блеске.

Позднее, когда рассказчица встретилась с Анастасией, та поведала ей, что Маннергейм сдержан и холоден. В городе ходили слухи о том, что графиня Бетси Шувалова тоже влюблена в Маннергейма, и по отношению к ней он отнюдь не проявлял ни сдержанности, ни холодности. Графиня была намного старше Маннергейма, но он поддерживал связь с ней по крайней мере два десятка лет и ездил в Петербург, Владивосток и другие места только ради свидания с ней. Анастасия ревновала Маннергейма ко всем женщинам. Дабы пробудить те же чувства в нем, она напропалую начала флиртовать с другими мужчинами и делала это столь целенаправленно и сознательно, что за ней утвердилась репутация женщины легкого поведения.

Араповы потребовали от Маннергейма перейти в православие. Он отказался. Но когда в 1936 году жена умерла, заказал поминальный молебен в православной церкви в Хельсинки и преклонил колена по обычаям этой религии.

Свадьбу отпраздновали 2 мая 1892 года в Петербурге. На нее приехали отец Маннергейма и брат Карл. Венчание по русскому обряду состоялось в полковой церкви, по лютеранскому — в доме Звегинцевых, то есть в доме тетки невесты. Там же был устроен прощальный обед для немногочисленных родственников. В 8 вечера молодые отбыли на поезде в Москву, чтобы провести медовый месяц в имении супруги Успенское, расположенном в 14 километрах от Москвы на берегу реки Москвы. Прощаясь с провожающими, молодожены выглядели счастливыми и влюбленными.

Когда осенью молодая пара приехала в Стокгольм, родственники облегченно вздохнули. Русская жена была достаточно образованна, и что важнее всего — вполне европейка. У семейства создалось впечатление, что Анастасия очень богата. Ее состояние, как им было известно, оценивалось в 800 000 рублей. Чуть позже они каким-то образом узнали, что ее годовой доход равнялся 14 000 рублей. У нее было два поместья, или, вернее, имения. Одно, Успенское, находилось недалеко от Москвы, барский дом насчитывал 44 комнаты — настоящий дворец с мраморными лестницами и античной мебелью. Громадный парк, прекрасные конюшни. Но земли было не слишком много, к тому же невозделанной — после смерти матери Анастасии поля оставили под паром. Той же осенью Маннергейм энергично взялся за продажу поместья и уже нашел покупателя — младшего брата императора великого князя Павла. Но сделка не состоялась. Лишь два года спустя Маннергейм продал Успенское другому человеку, купив взамен Ашприккен в Курляндии недалеко от города Газенпорта. Туда можно было добираться по узкоколейке. Главное здание представляло собой одноэтажное строение с мансардой, крытой черепицей.

Соседи принадлежали к балтийско-немецкой аристократии. Они держались с русскими настороже и не желали с ними общаться. Подробностей об этих людях источники не сообщают.

Маннергейм немедленно предпринял ряд мер для увеличения прибыльности поместья. Хотя в хозяйстве имелись коровы, невозможно было получить хорошую цену за молоко из-за трудностей его транспортировки. Поэтому Маннергейм завел собственный молокоперерабатывающий заводик, построил риги. Загоревшись идеей разведения рыб, он вложил кучу денег в устройство прудов, где разводили карпов, — эта рыба, очень популярная в Центральной Европе, хорошо себя чувствует даже в небольших прудах. Однако в Апприккене все карпы погибли от какой-то болезни. До самой смерти Маннергейм вспоминал о своей неудачной попытке заняться рыбоводством — это настолько глубоко запало ему в душу, что превратилось со временем в символ бесполезного и тщетного человеческого труда.

Второе имение жены, Александровское, было расположено в окрестностях Воронежа. Оно не приносило ни копейки. Поля возделывали арендаторы, которые в ответ на требование уплатить аренду вечно ссылались на неурожайный год.

Молодая чета обосновалась в Петербурге на Миллионной улице. Маннергейм привез из Успенского не только мебель, но и лошадей. Однако позднее в его распоряжение была предоставлена дешевая представительская квартира в одном из домов короны. Маннергеймы говорили дома на французском, но если гости не знали французского или русского, хозяйка пользовалась английским, которым владела совершенно свободно. На французском же Маннергейм позднее переписывался с женой и дочерьми. Сословная принадлежность определялась по тому, насколько легко люди переходили с языка на язык и насколько естественно смешивали языки — одни слова и выражения звучат лучше на одном языке, другие на другом.

В апреле 1893 года родилась дочь Анастасия, в июле 1895-го — Софья. Сын умер в утробе матери. Это могло сыграть свою роль в судьбе уже начинавшего расплзаться по швам брака. Если бы мальчик остался в живых, он бы наверняка больше, чем что-то иное, способствовал укреплению семейных уз. Когда отец Маннергейма и брат Карл приехали в Успенское, на крыше развевался шведский флаг и слуги были обряжены в шведские цвета. В России Маннергейма считали шведом, что, конечно, было намного благороднее, чем слыть финном. Финские крестьяне и рабочие в Петербурге были обычным явлением, а о чухонцах, глупых и безъязыких, рассказывали анекдоты еще в XVIII веке.

Через три месяца после свадьбы Маннергеймы отправились в Стокгольм, а оттуда в Финляндию. Они заглянули в Вильнес, а Фискарс проигнорировали. Бабушка, мамина мама, жившая в Вильнесе, была на-

строена критически, чуть ли не злобно. Приезд Густава был обставлен с большой пышностью, подобающей важному господину, — он прибыл на нанятом им пароходе, на котором и отбыл на следующий день. Бабушка убедилась, что на лице отца Густава появляется довольное выражение при взгляде на свою уродливую невестку. Сама же старуха считала, что молодую госпожу Маннергейм неплохо бы позолотить, чтобы она смотрелась получше.

На Рождество Маннергейм снова посетил Вильнес, на сей раз один — жена осталась в Петербурге, — и опять, как когда-то, устроил им розыгрыш. Написав и предупредив, что приехать не сможет, он в сочельник появился там, переодетый Дедом Морозом. Не исключено, он хотел доказать семейству, что он по-прежнему их милый мальчик.

Сразу же после женитьбы Маннергейм расплатился с долгами — деньгами жены. Он намеревался купить большое поместье в Финляндии. Кроме предложенных ему Йоккиса и Лакспойо, он проявил интерес и к Вильнесу. Однако тетя Мимми отказалась продавать и не хотела слышать даже о том, чтобы сдать усадьбу в аренду. Густав и его брат Юхан многие годы раздумывали и о размещении денег в России, на Украине или на Кавказе, больше того, обсуждали возможность открытия сахарного завода на Дальнем Востоке.

Но тут биржевой крах, вызванный неблагоприятными тенденциями в экономике, напомнил Маннергейму о бренности бытия. Он потерял столько денег, что не только уже не помышлял о новых инвестициях, но и был вынужден отказаться от задуманной реорганизации воронежского имения.

Уже в 1896 году, через четыре года после свадьбы, отец Маннергейма обратил внимание на тяжелую, давящую атмосферу, которая царила в доме сына, и, по его словам, виной тому был отнюдь не супруг. Лет двадцать спустя Маннергейм рассказывал, что его жена не была приучена к какой бы то ни было систематической работе и к тому же отличалась феноменальной ленью. Она всегда поступала наперекор желаниям и советам мужа. Маннергейм, конечно, тоже был не сахар — педантичный, требовательный, вспыльчивый и раздражительный, легко ранимый. Кроме того, он, судя по всему, не любил жену, если не считать самого первого периода брака.

В 1901 году жена сбежала, не сообщив, куда и как. Переплыв на пароходе Индийский океан, она оказалась на Дальнем Востоке и начала работать сестрой милосердия. Через Красный Крест, с которым Маннергейм, похоже, впервые имел дело, он узнал, что супруга уехала в Хабаровск. Из Хабаровска Ната перебралась в Читу, где год проработала в военном госпитале. Она поступила так же, как сестра Маннергейма Софи, — выбрала себе благородную профессию, практически единственную, которой могла посвятить себя в то время дама из высшего света.

Когда она наконец вернулась, то рассказала про пережитые ею кошмарные испытания. На обратном пути она вылетела головой в снег из перевернувшихся саней и сломала ногу. Она пролежала бог знает сколько, всеми брошенная, на пятнадцатиградусном морозе, сама себе наложив шину, пока ее не подобрала. Товарняк, в который ее поместили, сошел с рельсов и загорелся, предварительно пройдя еще полтора километра вдоль шпал. Беспомощная Ната была уверена, что пришел ее последний час. Однако нашелся отважный герой, которому удалось остановить поезд. В этой истории что ни слово, то ложь. Подобные байки сочиняют люди, мучающиеся угрызениями совести, отправившиеся на поиски приключений из собственной корысти и мечты о счастье и в ослеплении бросившие ради этого дом со всеми вытекающими из такого поступка последствиями. Про сломанную ногу она наверняка сказала правду — перелом оставляет следы. На Маннергейма ее рассказ произвел сильное впечатление, позднее он нередко говорил, какая у него мужественная и смелая супруга.

Пробыв год в Петербурге, Ната забрала детей и покинула мужа навсегда. Она уехала в Канн, а оттуда в Париж, где и прожила остаток жизни — тридцать лет. Там же обосновалась и младшая дочь Софи. Старшая, Анастасия, стала английской монахиней, полностью удалившись от мира. Софи жила в сыром подвале, в грязи, проводя время с друзьями-эмигрантами в ближайшем кабаке. Ухаживала за своими многочисленными кошками и собаками, размножившимися с такой скоростью, что хозяйка почти совсем среди них затерялась. Она была практически не способна позаботиться о самой себе. Когда в начале второй мировой войны, в 1939 году, все парижане бросились доставать противогазы, Софи отказалась, мотивируя это тем, что нет противогазов для собак. Когда немцы приближались к Парижу, жители забили все дороги, пытаясь уйти подальше. Софи тоже пустилась в путь, но вернулась, испугавшись предстоявших трудностей. Если мать хоть в малой степени была той же породы, что и дочь, то появляется желание принять на веру слова Маннергейма. Софи как-то много лет спустя призналась одному своему другу, как она поражена, что из ее отца в Финляндии сделали национального героя, хотя он был таким неисправимым бабником. Очевидно, эта оценка отражает точку зрения, которую при разводе высказывала другая сторона.

1 апреля 1904 года сестра Маннергейма Эва прислала ему из Канна отчет о жизни и настроениях Наты. О воссоединении с законным супругом она больше и не помышляла. На следующий год Маннергейм, преодолев все препоны, ушел на русско-японскую войну, а потом сразу отправился в двухгодичное путешествие по Азии. По возвращении он попал в Польшу, после чего на четыре года на фронты первой мировой, затем воевал в Финляндии и, наконец, стал регентом страны. Тогда-то он и вызвал к себе Софи. Дочь пыталась играть роль хозяйки и в официальной, и в не-

официальной обстановке, на короткое время даже сделавшись любимцей прессы. Но она так и не сумела приспособиться к этой роли, да и не годилась она для выполнения тех задач, которые возлагал на нее ее строгий и педантичный отец. И она незаметно покинула страну вместе с отцом, когда тот уехал за границу, сложив с себя обязанности и полномочия регента.

В детстве дочери не часто видели отца, а потом даже и этого не стало. Они помнили, что папа иногда заглядывал в детскую — в дверях появлялся великан. Софи казалось, что он вообще не сумеет войти — таким громадным он представлялся маленькой девочке. Когда отец приходил в обществе двухметрового великого князя Николая, Софи пряталась под кроватью. Маннергейм обставил детскую по-спартански — трапедия, качели и две походные кровати. Он хотел закалить дочерей по тому же методу, по какому его собственная мать закаливала его. Софи говорила, что боялась отца. По ее словам, он внушал страх и другим. Его не боялись лишь лошади да собаки. Похоже, Софи обладала маннергеймовским, унаследованным от отца и деда, дьявольским чувством юмора.

Весной 1919 года Маннергейм предпринял шаги, чтобы оформить развод официально в Финляндии. Накануне президентских выборов он хотел освободиться от ненужного бремени — русской жены. Женская половина населения республики всегда с большим возбуждением обсуждала супругу будущего президента и писала о ней столько, что возникало чувство, будто президента следует выбирать в зависимости от того, какая у него жена. Маннергейм не желал подобных дискуссий и сумел остановить их раньше, чем они начались.

Русско-японская война

Свои 37 лет Маннергейм встретил в должности командира эскадрона, не сделав никаких попыток поступить в военную академию и Генштаб, чтобы достичь высоких военных чинов. Он был солдат, пожинавший лавры в манеже и светских салонах. Правда, как наездник и учитель верховой езды он получил самое что ни на есть блестящее образование, и, кроме того, к нему часто обращались, когда речь шла о торговле лошадьми, пусть сам он, похоже, не очень-то верил в свой талант в этой области.

Но в описываемое время Маннергейм оказался у разбитого корыта — затеянные сделки окончились неудачей, как и планы по налаживанию хозяйственной деятельности в имении, брак распался. Для соревнования по конному спорту он был уже слишком стар, на личной жизни и других интересах поставили точку обстоятельства.

По многим причинам последние два-три года были для него тяжелые, просто-таки невыносимые. Маннергейм испытывал потребность реши-

тельным образом изменить свою жизнь, встряхнуться, сбросить с себя груз старого, увидеть новые интересные цели. Он сам в этом признавался и даже говорил, что нередко бывал в таком подавленном настроении, что ему буквально приходилось заставлять себя жить дальше.

Он пишет, что решил пойти на войну из-за обременительных долгов. Продолжай он жить в Петербурге, эти долги бы только росли. Офицерского жалованья не хватало ни на что.

Перед ним стоял выбор — либо начать новую жизнь, либо погибнуть. Новая жизнь означала солдатскую жизнь, которую война очистит от всякой мишуры, ограничит и упростит.

Но на пути Маннергейма возникло множество препятствий — это представляется странным, учитывая, что он уходил на войну. Логичнее было бы предполагать, что человека всеми силами стараются выпихнуть на войну. Расстроенные денежные дела означали конец всем его прежним планам. Семья знала о его карточных долгах. В России ему даже не удалось получить страховку, поскольку он отправлялся воевать. Зато удалось в другом месте. И он взял сразу два страховых полиса — один на 20 000 марок, другой на 100 000 шведских крон. Под обеспечение этих страховок он сумел получить большую ссуду, благодаря которой заплатил самые крупные долги, что давало ему возможность уехать. В случае его смерти деньги по страховкам переходили брату Юхану.

За тысячу рублей Маннергейм купил двух лошадей, которых намеревался взять с собой на фронт. Будучи умелым и опытным торговцем, он сразу же продал одну лошадь за 600 рублей, оставив себе другую, чистокровного гнедого жеребца по кличке Талисман — одного из своих легендарных коней. На нем он воевал, пока конь не пал. Жеребец был без единого изъяна и привычный к скачкам с препятствиями. Маннергейм купил еще двух лошадей — шестилетнего серого мерина за 300 рублей и громадного, очень надежного, но медлительного мерина одиннадцати лет за 200 рублей.

Для военных действий в зимний период он постарался экипироваться как можно лучше, для чего сделал закупки в двух ведущих магазинах Стокгольма — "Лейа" и "Нурдиска Компаниет".

Однако отъезд Маннергейма так бы никогда и не состоялся, если бы не его прежний командир эскадрона барон Хойнинген Гюне, который, буквально закатав рукава, два дня упаковывал его поклажу. Помимо трех дорожных чемоданов у Маннергейма было 90 кг багажа для личного пользования. Вещи, предназначенные для передачи разным лицам, весили 160 кг.

Маннергейм велел самовольно изменить воротник, карманы и рукава на своей шинели. Позднее он таким же манером вразрез с уставом переделал финскую форму — например, убрал пуговицы с карманов парадной шинели, чтобы они не усложняли процедуру прикалывания знаков

отличия. Судя по всему, Маннергейм обладал той же склонностью к созданию моделей одежды, что и брат его деда, Август Маннергейм. Экипируясь для фронта, Маннергейм приобрел кожаную портупею для сабли. Когда он крепил ее к поясу, металлическое крепление дало трещину. Маннергейм вернул портупею в магазин Скосырева, где ее изготовили, и в тщательно отобранных выражениях довел до сведения хозяина свое мнение по поводу уровня их обслуживания.

Дорога на Дальний Восток была длинная. За это время Маннергейм успел много чего прочитать, в частности, он изучил устав японской армии и не нашел в нем ни малейшей для себя пользы. Против всех ожиданий он обнаружил там множество недостатков. Дело усугублялось и плохим переводом на русский.

Лошади прибывали следующим составом, поэтому Маннергейм остался ждать их в Харбине. Он воспользовался случаем съездить во Владивосток — поездка заняла два с половиной дня. Недалеко от Владивостока располагался госпиталь, которым руководила очень близкая ему женщина — Бетси Шувалова. Бетси освободилась от работы и приехала в город, чтобы провести эти два дня наедине с Маннергеймом. Первый раз за целый месяц он спал в гостинице. В поезде у него завелись вши, кожа просто горела. Ему пришлось обратиться в госпиталь, очевидно, тот, что возглавляла Бетси, где он получил лекарство, избавившее его от этой нечисти.

На фронте Маннергейм воевал в чине подполковника. По словам немецкого военного инспектора, для человека в таком чине он показался ему поразительно молодым и подвижным.

Гвардейскому ротмистру — собственно чин Маннергейма — на фронте автоматически присваивается чин подполковника, то есть следующий по рангу¹². Немец выразил также свое удивление размерами маннергеймовского коня, но потом вспомнил, что в императорской лейб-гвардии все лошади очень крупные. Маннергейм постарался внушить немцу, чтобы тот не слишком доверял нелестным слухам, которые прибалты распространяют о русских.

Сев в поезд, отправлявшийся на фронт, Маннергейм начал писать книгу, свою первую. Позднее он написал еще три, предназначенные для широкого читателя, — сочинение в двух частях "Верхом по Азии", "Воспоминания" и книгу для Генерального штаба России о военных наблюдениях, сделанных им во время экспедиции в Азию, со своими размышлениями по этому поводу.

В начале дневниковых записей о русско-японской войне Маннергейм говорит о надеждах, которые он возлагает на свое произведение. Он всегда с большим интересом читал мемуары, пишет он, и считает важными писательские впечатления. Одного описания хода событий недостаточно. Отдельное значение имеют анекдоты, байки и сплетни. Маннергейм

рассказывает, что испытал глубокое отчаяние. Обстоятельства самого деликатного свойства привели к такой страшной подавленности, что у него не хватало мужества начать новую жизнь. Решение пойти на фронт явилось первым шагом к этой новой жизни. Без внешнего импульса он был бы не способен ничего предпринять. Этим импульсом, мощнейшим из всех мыслимых, стала война.

Боевое крещение Маннергейм получил, когда он вместе с казаками был на пути к китайской деревне, окруженной глинобитной стеной. Приблизившись на расстояние 100—200 метров, отряд остановился. Внезапно вокруг засвистели пули. Звук напоминал свист нагайки. Конь Маннергейма, 11-летний Аргус, взвился на дыбы, и Маннергейму пришлось приложить все силы, чтобы обуздать его и не покрыть себя позором. С полным самообладанием он, заставляя лошадь то идти шагом, то пуская ее рысью, добрался до укрытия за ближайшим пригорком. Инцидент занял ровно минуту. Маннергейм писал, что, как ему показалось, он стал добычей весьма неприятных ощущений.

Вечером собрались выпить по рюмке коньяка в честь Маннергейма, поздравить его по старинному обычаю с боевым крещением. Маннергейм выпил на брудершафт со всеми присутствующими — теперь они были братьями по оружию. Для офицера, особенно гвардейского, сохранить свое лицо было очень важно, в Азии же — просто обязательно. Четыре последующих года Маннергейм имел дело практически только с азиатами. В этом смысле его непоколебимость и уверенность в себе принесли ему двойную пользу, и одновременно он сам вдвойне нуждался именно в этих качествах. Именно благодаря своей манере держаться он справился со всеми трудностями этой экспедиции.

На фронте Маннергейм оказался на крайнем правом фланге — на самом деле за его пределами, в охотничьих угодьях. Под его началом находилось сборище китайцев, умевших сидеть на лошади. Японцы уже с некоторых пор пользовались такими силами, а теперь и русские начали. Как раз в это время Маннергейма обуяла жажда деятельности, желание углубиться еще дальше на восток, к центру континента. Он подумывал о военной рекогносцировочной экспедиции и сразу же после возвращения в Петербург начал энергично проводить эту идею в жизнь. Еще находясь на Дальнем Востоке, он изложил ее начальству, и таким образом этот план стал известен Генштабу, где его восприняли с большим энтузиазмом. Поскольку инициатива исходила от Маннергейма, он сам определил множество задач экспедиции.

Маннергейму смертельно надоели офицеры, с которыми ему пришлось иметь дело на фронте, надоели выжидательная тактика ведения войны, безынициативность и отсутствие порядка, легко переходившее в панику, надоели безумные попойки, грязные квартиры, паразиты. Ему хотелось вырваться из всего этого, хотелось уехать подальше и от Петер-

бурга и от своих воспоминаний. Китай, бесконечные горы и необозримые просторы Центральной Азии — такова была самая дальняя возможная цель путешествия. Там Маннергейм окажется за границами России. Планы, как представляется, вовсе не означали попытки начать сначала, скорее — желание похоронить прошлое.

Ко времени возвращения Маннергейма в Петербург империя напоминала кипящий котел, трон шатался, волна беспорядков захлестнула страну. Ни тогда, ни в 1917 году у Маннергейма не было ни возможности, ни желания понять революцию, не говоря уж о том, чтобы принять ее.

Два года он провел в Азии, а когда вернулся, ситуация разрядилась, старый порядок был восстановлен. Ему дали полк — это ему было известно заранее. Маннергейм попал в Польшу, недалеко от Варшавы. С крайних восточных границ империи он переместился на ее самые западные рубежи. Подальше от центра, от Петербурга, словно бы он сознательно избегал столицы. Потом война бросила его из Польши в Румынию и далее в Одессу, а оттуда на северо-запад, в Финляндию. Со времени русско-японской войны Маннергейм больше никогда не жил подолгу в Петербурге. Похоже, он стремился окончательно разделаться с воспоминаниями, связанными с этим городом. Семнадцать лет, свои лучшие — и в физическом, и в психическом смысле — годы он провел там, в сердце империи. Потом же жил только в приграничных областях или за пределами страны. Сильное притяжение, которое оказывала на него столица, уступило место неприятию, отталкиванию, желанию уберечься от ее воздействия. Участие в русско-японской войне стало вторым поворотным пунктом в жизни Маннергейма. Первым было поступление в российское офицерское училище. Третьим будет новая жизнь и карьера в независимой Финляндии.

Причиной того, что Маннергейм так старательно избегал Петербурга, считается державшийся в тайне скандал. Говорили, будто Маннергейм ударил одного из великих князей или какого-то генерала за сделанные этим лицом в общественном месте намеки на визиты его жены к мужчинам. Кроме того, ходили слухи о любовной связи Маннергейма с одной из великих княжон.

По дороге на фронт, в Чите, Маннергейм впервые увидел китайцев, двое из которых произвели на него сильное впечатление — того же роста, что он сам, но могучего, атлетического телосложения, с хорошо развитой мускулатурой. Маннергейму же, по его собственному мнению, как раз именно этого и не хватало — он был сухопар и костляв. Он по достоинству оценил упругую красивую походку китайцев. Маннергейм, отличавшийся такой же походкой, утверждал, что научиться этому можно за пару дней. Разглядев китайцев получше, он отметил некоторую женственность их лиц, впечатление, которое подтвердилось в Цицихаре, где его жена во время китайской войны¹³ работала сестрой милосердия в военном госпитале.

Чита была тем городом, куда жена Маннергейма, сбежавшая на Дальний Восток, прибыла из Харбина. Место, по всей вероятности, произвело впечатление на Маннергейма. Статные мужчины его роста, но более могучие и элегантные, вполне могли вызвать у него уколы ревности, чувство неполноценности. В другом же городе, где побывала его жена, в Цицихаре, он обнаружил в китайских мужчинах упоминавшиеся уже женственные черты, что развеяло его прежние подозрения и вернуло покой.

Маннергейм оттачивал свою наблюдательность на встречавшихся ему офицерах — к тому времени он уже научился хорошо распознавать людей. Так, например, генерал Мищенко обладал завидной способностью, независимо от темы разговора, приспособляться к настроению собеседника, улавливать мельчайшие оттенки, сопереживать — талант, который, по утверждению Маннергейма, был присущ большинству русских генералов. Генерал Степанов обил стены своего китайского дома тканью, напоминавшей набивной ситец, пол и спальное место застелил соломёнными матами, а сам носил голубую австрийскую шинель. Он все время играл — однажды, например, снял очки с зашедшего к нему ротмистра и, взяв его за подбородок, начал поворачивать в разные стороны его голову, якобы чтобы составить о нем правильное представление. Спектакль несколько не удивил Маннергейма — он знал, что генерал был гомосексуалистом.

В поле внимания Маннергейма были не только люди, но и лошади. Както, когда он переходил по льду, покрытому водой, реку Ляо, его конь Талисман, пытаясь взобраться по крутому глинистому берегу, потерял опору и рухнул вниз. Мало того, что лошадь, по словам Маннергейма, оказалась в такой беде и без всякой помощи, она вдобавок совершенно растерялась — лежала на спине, задрав копыта, пока к ней не подбежали солдаты и не перевернули ее на бок. Лишь тогда она пришла в себя и обрела способность двигаться. Говоря о психике коня Бурда, Маннергейм сообщает, что он страшно нервничал и боялся сильной канонады. Талисман вел себя намного спокойнее.

Однажды Маннергейм сильно заболел, лихорадка почти лишила его возможности двигаться. Несмотря на это, он верхом, прокладывая себе путь среди толп бегущих в панике русских, отправился через весь охваченный огнем Мукден на поиски санитарного поезда, который нашел к северу от города, на станции Кушитан. Только через четыре дня мытарств он на этом поезде добрался до финской передвижной станции скорой помощи в Гуншулине. Его раздели, вымыли и уложили в постель. Температура была 40,1 градуса. Три дня спустя она спала. На этой "скорой" Маннергейма привезли в Харбин, где профессор Фальтин, его одноклассник по Бёёкскому лицей, дважды сделал ему пункцию левого уха. С тех пор он навсегда утратил слух в левом ухе. У Маннергейма оказалось двустороннее воспаление среднего уха, с которым удалось спра-

виться указанным выше способом, и воспаление простаты — лечение этого недуга заняло два месяца.

Бывший кадет из Фредриксхамна, капитан Хуго Баккманссон, поступивший в кадетский корпус уже после того, как Маннергейм его покинул, тоже сумел выбраться из Мукдена, этого пылающего ада, и пустился на север. Он находился в ужасающем состоянии. Десять дней ничего не ел, даже насильно не мог заставить себя проглотить вонючую консервированную кислую капусту. Правда, во фляжке у него плескался коньяк, а в карманах оказалось несколько кусочков сахара. Интендант финской "скорой" Ситтков пригласил его к себе домой отдохнуть. Баккманссона немедленно усадили за праздничный стол в честь дня Матильды, лопившийся от тортов и пирожных. Он с такой жадностью накинулся на сласти, что потерял сознание. Дело было в два часа дня. Пришел он в себя лишь на следующее утро, обнаружив, что находится в небольшой комнатке, где лежит еще один пациент, читающий "Хуфвудстадсбладет". Этим пациентом был Маннергейм. Маннергейм сообщил, что в газете есть статья о нем, написанная Баккманссоном.

Они недавно встречались на поле боя. Баккманссона привела в ужас отвага Маннергейма, который, не обращая внимания на огонь противника, не отрывался от бинокля. На требование Баккманссона уйти в укрытие, Маннергейм ответил: "Опасности нет". Один из товарищей Маннергейма сказал Баккманссону, что Маннергейм, похоже, ищет смерти. Никакие уговоры не помогали, пришлось привести командира батальона полковника Леша. И лишь тогда Маннергейм ушел в укрытие. Во рву Баккманссон сделал групповую фотографию, но она пропала во время бегства из Мукдена. Кто знает, быть может, она хранится в японском военном архиве.

В своей статье в "Хуфвудстадсбладет" Баккманссон рассказывает, как Маннергейма, впервые попавшего на линию огня, задержали как японского шпиона. Причиной ареста были странные детали его экипировки, особенно купленные в Стокгольме желтые кожаные гамашы. "Дело было не совсем так", — сказал Маннергейм автору статьи, окончив чтение. Дома отец пришел в восторг от этой истории и всем рассказывал, что его долговязого сына, представителя европейской расы, приняли за японца.

Маннергейм провел в лазарете Фальтина всего несколько дней, и тут прошел слух, что к ним собирается с инспекцией генерал Линевиц, назначенный главнокомандующим вместо Куропаткина, чтобы выявить симулянтов и отправить их обратно на фронт. Воспаление простаты у Маннергейма уже шло на убыль, но он не хотел, чтобы кто-нибудь узнал о характере его заболевания, и потому они с Баккманссоном, страдавшим от упадка сил, раздобыли себе костыли. Одна сестра милосердия сфотографировала их, и снимок был опубликован в Финляндии в апрельском номере "Монадсревюн" за 1905 год.

Вернувшись в свою часть, Маннергейм узнал, что его представили к чину полковника. Он по-прежнему служил на крайнем правом фланге. В начале мая, после форсирования водной преграды, Маннергейм сильно простудился. Температура на следующий день поднялась до 39,5 градусов. Тем не менее он продолжал ежедневно садиться на лошадь, пока состояние его не ухудшилось настолько, что его пришлось уложить на конные носилки.

Свое тридцативосьмилетие Маннергейм встретил на марше, несмотря на температуру. Верховая езда причиняла ему невыносимые страдания. Следующей ночью Маннергейм с двумя эскадронами прибыли в знакомое ему местечко Кослонгун. Разбойные нападения довели городишко до полного разорения. Ночь Маннергейм провел в сидячей ванне, а остаток времени использовал на холодные клизмы. Днем стояла дикая жара. Все казалось сплошным безумием. Генерал Степанов, целовавший солдат при любом удобном случае, действовал всем на нервы. Он назначил выход бригады на самое жаркое время дня, только чтобы иметь возможность выпить на вечеринке, устроенной в одном из эскадронов. От какого-то казачьего офицера стало известно, что начались мирные переговоры.

Маннергеймовский конь Талисман был по-настоящему быстроног. Его отец выигрывал дерби. Он отличался горячим нравом, изысканной рысью, элегантным аллюром, красивым шагом. Ел умеренно и хорошо поддавался обучению, благодаря чему Маннергейм успел за зиму обучить его всему. У Талисмана был только один недостаток — злобность по отношению к лошадям. Две другие лошади Маннергейма были робкие, нервные, они вставали на дыбы при звуке выстрелов. Талисман же, под стать хозяину, переносил стрельбу с полным самообладанием. Однажды во время обстрела коня настигла роковая пуля. Маннергейм не понял, насколько серьезна рана, поскольку Талисман продолжал бежать. Когда с его помощью Маннергейм добрался до укрытия, лошадь рухнула на землю и умерла. Это случилось весной. По возвращении в эскадрон Маннергейм сильно тосковал по Талисману.

В августе под началом Маннергейма оказались три тунгусские сотни. Эти разбойники с большой дороги получали 45 рублей жалованья в месяц, но лошадей, одежду, провиант и корм должны были раздобывать сами. Что они и делали, не тратя на это собственных денег, а занимаясь разбоем в свободное время. Ружьями и боеприпасами, однако, их снабжали русские. Ездили тунгусы на сухопарых, горячих, резвых монгольских иноходцах. Да и сами наездники были молодые, сильные, ловкие ребята с гибкими движениями. С ружьем они обращались так же умело, как и с хлыстом. По сравнению с ними русские драгуны казались неповоротливыми и неуклюжими.

В первый переход Маннергейм взял семь русских офицеров-добро-

вольцев, а те в свою очередь по пять русских драгунов в качестве охраны и доверенных лиц. Через два дня из трехсот тунгусов осталось лишь сто сорок. Куда делись остальные, известно одному Богу. С половиной оставшихся Маннергейм сделал марш-бросок на 160 км, чтобы зайти в тыл японцам. Он добрался аж до Монголии. Местность поразила его своей красотой. Они питались кашей и консервами, купались в реке. Маннергейм уже предвкушал приятные стороны своей будущей азиатской экспедиции. Переход продолжался восемь дней. Отряд проехал четыреста километров, и Маннергейм вычертил карты их пути. Пили обычное молоко и кислое молоко, которого у монголов-кочевников было в изобилии. Маннергейм купил себе корову, но она вопреки всем настойчивым попыткам давала молока не больше бутылки. Во время азиатской экспедиции Маннергейм столкнулся с той же проблемой. Корова начинала доиться, только если рядом ставили телят или хотя бы клали шкуру телят.

Маннергейма бесила задержка с присвоением ему чина полковника. Отправься он на фронт в первые же дни войны, сейчас бы уже имел и полковничий чин и полк. Теперь же, по его расчетам, если чин будет ему присвоен в конце августа, а время службы будет засчитано с февраля, то полк он получит не раньше, чем через год.

Дома его ждали невероятно запуганные семейные проблемы — раздел доходов и имущества между супругами. Проблемы, которые он обязан был решить и из-за которых потерял всякую радость в жизни.

Старший брат Карл, несмотря на графский титул, накрепко связал себя с буржуазией. Титул перешел к его старшему сыну. Карл примкнул к "Кагалу", руководящей группе движения пассивного сопротивления. Он продолжал твердую конституционную линию отца. Густав, возможно и сам этого не осознавая, принадлежал к противоположному лагерю, придерживавшемуся политики уступок. Он не признавал категорической, зовущей к борьбе точки зрения. Собственно, он шел дальше руководителей старофиннов, дальше, чем, например, Паасикиви, поскольку считал, что Финляндия, оказывая России значительные, даже великие услуги, завоеует доверие и таким образом вернет потерянные права и преимущества. О подобных идеях нельзя было и заикаться. Финны духовно уже лет десять были готовы бороться с самодержавием, спешно получали военное образование и разрабатывали планы военных действий.

Русские выслали Карла. Он уехал в Швецию. Его женой была известная красавица и певица Айна Эрнуут.

Подпольная газета пассивного сопротивления "Свободное слово", печатавшаяся за границей и нелегально привозившаяся в Финляндию, опубликовала черный список тех финнов, которые, несмотря на чинимые самодержавием притеснения, продолжали верой и правдой, не

протестуя, служить царю. В списке было и имя Маннергейма. Это было равнозначно гражданской казни.

В этот период жизни Маннергейм презрительно, в игривой, свойственной школьникам манере отзывался о финском языке и финноязычных людях. Возможно, это был юмор школьников старших классов. Летом 1905 года он писал сестре Софи, собиравшейся в Тавастланд учить финский, что это язык чуди. Чудь — историческое название, бывшее в ходу у русских. Маннергейм сожалел, что сестра едет не в Швецию, например, а опять к этим "чухонцам".

После возвращения с войны он ко всему относился так же. Он писал, что собирается поступать в полицию, поскольку в жандармерии можно выслужиться до высоких постов. Маннергейму казалось, что на войне его заслуги не были оценены по достоинству, что его отодвинули в сторону. Он стал агрессивен.

Маннергейм возвращался домой поездом. Когда он, проведя в пути целый месяц из-за постоянных остановок, наконец в ноябре прибыл в Петербург, он узнал, что его фамилия значится среди вновь назначенных командиров полков.

В начале следующего, 1906 года, Маннергейм удостоивается аудиенции у императора, где ему присваивают чин полковника¹⁴. Время службы, по его просьбе, ему засчитали с февраля 1905 года. Маннергейм уезжает в Финляндию лечить ревматизм и даже принимает участие в последнем заседании сословного ландтага как представитель рода — эту возможность дал ему отец. Дворянское сословие тоже одобрило парламентскую реформу, по которой в стране образовывался риксдаг на основе всеобщих выборов. Маннергейм был настроен критически. По его мнению, народ еще не созрел до реформы, а новый риксдаг никак не соответствовал даже конституционному самодержавию. Реформа приведет к большим осложнениям и резко ухудшит отношения между Финляндией и Россией. Такое отрицательное отношение сохранялось у Маннергейма многие годы. Он не доверял риксдагу, не верил в компетентность депутатов и надежность подобного парламента. Всеобщие же выборы он в это время просто-напросто высмеивал.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АЗИИ

Научная экспедиция в Китай

В начале марта 1906 года Маннергейм получает от Генштаба России задание отправиться в научную экспедицию в Центральную Азию. Задание было намного обширнее, чем он предполагал. Путешествие заняло два года.

Цель экспедиции состояла в том, чтобы выяснить результаты политики реформ, проводившейся в Китае, и ее влияние на граничившие с Россией области. Маннергейму предстояло составить карты дорог, по которым он будет продвигаться, и изучить их возможное военное значение; составить статистические таблицы плотности населения, природных богатств и производственных мощностей; узнать настроения, царившие среди тех малых народностей, которые полвека назад подняли восстание против центральной и местной администрации Китая. — Маннергейм должен был определить, в какой степени эти народы в кризисной ситуации готовы и способны сотрудничать с русской армией.

Военная рекогносцировка и шпионская деятельность камуфлировались под научную работу. Предполагалось полностью сохранить в тайне принадлежность Маннергейма к русской армии, представив его, скажем, шведским подданным, который принимает участие в крупной исследовательской экспедиции французов. Франция была союзником России, и эти государства тесно сотрудничали и в военной области. Упомянутая экспедиция, правда, не имела ничего общего ни с армией, ни с военными приготовлениями, и ее руководству вовсе не нравилась идея включения в ее состав русского офицера-шпиона. Поэтому отношение к Маннергейму было довольно враждебное, что он немедленно и почувствовал на собственной шкуре.

Маннергейм сам определял объем этнографических и географических исследований. Географические изыскания служили целиком военным целям.

Маршрут путешествия, составленный Маннергеймом заранее и одобренный императором, совсем не совпадал с маршрутом французской экспедиции.

Сначала было решено снабдить Маннергейма французским паспортом, но французское Министерство иностранных дел не согласилось на это, и он отправился в путь в качестве шведского ученого.

Чтобы обмануть китайские власти, почту Маннергейму из России и Финляндии переправляли через Швецию, где письма запечатывались в конверты со шведскими марками.

Связным Маннергейма стал его отец. Как настоящий шпион, Маннергейм посылал в Генштаб промежуточные рапорты, вставляя их в свои длинные письма к отцу. Отец должен был выуживать информацию, представлявшую интерес для Генерального штаба, и отправлять ее по назначению, точнее говоря, начальнику Генштаба, носившему кличку "Федя" — фамилия Палицын не упоминалась.

Маннергейм приобрел два фотоаппарата, которыми учился пользоваться, и множество подарков — в Азии их надо было раздавать направо и налево. Он накупил ножей, солнцезащитных очков, компасов, иголок, духов и леденцов — леденцы он обычно покупал и для себя где только можно, — цветных карандашей, бумаги и конвертов. В выборе подарков ему советами помогал финский исследователь Азии Г. Ю. Рамстедт, владевший китайским, японским и монгольским языками. Руководителя французской экспедиции Пеллиота Маннергейм попросил купить для него в Париже часы, зеркальца, музыкальные шкатулки, цветные открытки с женщинами и даже порнографические открытки. На все это он положил 1000 франков.

Экспедиция Маннергейма финансировалась Генеральным штабом России, финским статс-секретариатом, Антельской делегацией в Финляндии и Финно-угорским обществом (Suomalais-ugrilainen Seura), членом которого был Маннергейм. Жалованье ему выплачивалось в течение всей экспедиции.

У Маннергейма было 490 кг багажа. В Ташкенте, откуда предстояло трогаться в путь, он купил пуд охотничьего пороха, семь берданок и 2000 патронов к ним. Услышав, что император распустил Думу, Маннергейм заторопился. Наверное, он предчувствовал того же рода беспорядки, бурление, свидетелем которых он был во время русско-японской войны и после. С лихорадочной поспешностью он завершил все приготовления.

Маннергейм начал путешествие в соответствии с указаниями Пеллиота. В Ташкенте он подключился к французской экспедиции. Пеллиот был раздражен — Маннергейм не привез обещанной французу денежной помощи в 10 000 франков. Когда же из пяти казаков, присланных при содействии Маннергейма, тот оставил двух в своем распоряжении, Пеллиот пришел в ярость. Пообщавшись с этим всемирно известным французским исследователем всего две недели, Маннергейм в письме к отцу дал ему убийственную характеристику как руководителю экспедиции — мелочный, жадный, самовлюбленный, вмешивающийся во все, упрямый, с тяжелым характером.

В Лопноре, куда направлялись французы, Маннергейму было делать нечего.

Пеллиот пригрозил, что скажет правду, если китайцы начнут интересоваться Маннергеймом. Кроме того, он, скорее всего, будет вынужден запретить ему обследовать маршрут через перевал Музарт и совершать

иные военные разведывательные вылазки вблизи от русской границы, ибо это может сорвать всю экспедицию. И вообще, будет лучше, если Маннергейм просто последует за экспедицией, не становясь ее участником. Маннергейм, поняв, что помощи и поддержки от французов не дождешься, попытался их задобрить — он перевел казаков под начало Пеллиота, дал денег на их содержание и включил большую часть своего снаряжения и багажа в экспедиционный обоз. Но все это не принесло ожидаемого эффекта.

Поль Пеллиот проболтался о Маннергейме врачу экспедиции майору Луи Вэллану и, возможно, фотографу Шарлю Нуаэту. Китайцы быстро разобрались в ситуации, и пекинские газеты вскоре запестрели заметками, что иностранец, фотографировавший мосты и перевалы, русский подданный. Не исключено, что слух распространился благодаря переводчику-китайцу, слышавшему разговоры французов. Маннергейм оставался шведом лишь до Кашгара.

В Кашгаре русский консул показал Маннергейму секретные рапорты об активности японцев в провинции Синцзян, из-за чего тот изменил свой первоначальный план идти на юго-восток и через Ярканд и Хотан двинулся вдоль западной оконечности пустыни Такла Макан, но японцев так и не увидел. Подобные отклонения от первоначальных маршрутов Маннергейму приходилось делать не один раз.

Англичане, внимательно наблюдавшие из Индии за теми же местами, остались в неведении относительно истинного характера задания Маннергейма. Он сам прилагал все силы, чтобы не выдать эту тайну. Даже казаки не знали, что он офицер их собственной армии. Наверняка именно это неведение стало причиной нарушений дисциплины, из-за которых Маннергейму пришлось отослать одного казака обратно в гарнизон. Вместо него ему прислали другого, оказавшегося впоследствии необычайно ловким и расторопным.

Маннергейм начал свое путешествие совсем не так, как он об этом пишет в мемуарах, — он вышел вместе с французами, а не в обществе двух казаков и переводчика. Триста километров он преодолел с французской экспедицией, и только тогда решил двигаться самостоятельно.

Даже длительное путешествие начинается с первого шага. Маннергейм выбрал путь вдоль оросительного канала, чтобы дать лошадям возможность освежиться в этот палящий зной. Внезапно лошадь попыталась выпрыгнуть из канавы на крутой край, сорвалась и грохнулась в канаву, увлекая за собой седока. Один лишь фотоаппарат Маннергейму удалось не замочить. Вода проникла внутрь компаса, в часы, залила бумаги. Хорошо еще, что бумага для рисования и миллиметровка для карт находились в обозе. Самой главной заботой было высушить записную книжку. Только теперь Маннергейм заметил, что он во время этой передряги лишился одного стремени и ремешка — они соскочили с седла и упали в

канал. Один из казаков, находившихся в услужении Маннергейма, по фамилии Рахимьянов, разделся, вошел в воду и принялся ногой искать стремя. В конце концов его усилия увенчались успехом. Таким вот наглядным образом Маннергейм убедился, что стремя для него важнее любых дорогостоящих безделушек, которые он еще какую-то неделю назад, да что там, просто накануне отъезда, хотел, но не мог с собой взять. Маннергейм начал мерить жизнь другими мерками.

В Восточном Туркестане он провел больше года. Этот район входил в китайскую провинцию Синцзян и был населен этническими турками-мусульманами.

Три недели Маннергейм шел по Великому шелковому пути. В Ярканде, красивом, по его мнению, городе, ему пришлось провести пять недель по причине ревматизма. О болезнях такого рода он в своем дневнике пишет неохотно, о некоторых вообще не упоминает.

Через семь месяцев одного из казаков — Янусова — пришлось отправить домой. Рахимьянов оказался покрепче и повыносливее, возможно, потому, что был ленив, требовательней и не так услужлив, как Янусов. Вместо него прислали Луканина, способного, умелого, сильного человека, за все оставшееся время ни разу не захворавшего. У него была хорошая голова — он даже научился говорить по-китайски, чего Маннергейму, несмотря на упорные попытки, так и не удалось сделать.

Самые сложные переходы Маннергейм преодолевал верхом на Филипе, который, однако, имел обыкновение на горных тропинках идти по самому краю скалы, наводя ужас на седока. Две другие лошади погибли от сапа, поэтому Маннергейм находился в полной зависимости от Филипа. Порой он приписывал коню собственные чувства и переживания или считал, что понимает мысли лошади. На одном из труднейших участков обледенелого перевала Филип, увидев валяющиеся повсюду скелеты и черепа лошадей, погибших от непосильной нагрузки или несчастного случая, так перепутался, что совершенно обезумел, и успокоился, лишь когда немного привык к жуткому виду. Врядли лошадь понимала, что эти кости имеют какое-то отношение к лошадям или вообще к каким-либо живым существам. Маннергейм в своих сочинениях нередко персонифицировал лошадей или собак — довольно обычное явление в литературе той поры. Но Маннергейм не читал художественную литературу, и с его стороны это было, конечно, проявлением чувства юмора и естественной склонностью лошадианика идентифицировать себя со своим любимцем.

Филип хорошо справлялся со всеми трудностями пути, хотя несколько раз и умудрялся свалиться в расщелины. Порой ему приходилось по двое суток мучиться жаждой. И ел он как попало — перебивался тем, что находил иногда в пустыне, или угощался кормом, который по приказу китайских властей был выставлен на обочинах дорог. Из чего он состоял,

никто не знал — Филип был вынужден определять это сам по запаху и вкусу.

В Пекине Маннергейм продал Филипа Корнилову, позднее получившему чин генерала, а в то время работавшему военным атташе в Китае. По случайному совпадению именно Корнилов двумя годами ранее в Ташкенте отправлял Маннергейма в экспедицию, а сейчас получил возможность порадоваться его возвращению в цивилизацию. С ним Маннергейму довелось встретиться и позднее. В мировую историю Корнилов вошел в 1917 году, когда двинулся со своими войсками на Петербург, намереваясь свергнуть правительство Керенского. В тот момент Маннергейм тоже входил в группу генералов, не принявших революции.

Во время путешествия по Азии Маннергейм был не совсем отрезан от мира. Через торговые предприятия и русские консульства он посылал письма и даже объемистые посылки. Например, послал на родину головы убитых им горных козлов, различные предметы, представлявшие этнографический и исторический интерес, которые он покупал, а также документы. В свою очередь он получал почту из дома.

Маннергейм проникся весьма имперским по духу, киплинговским пониманием прав и обязанностей белого человека, бремени, которое он вынужден нести. Киргизы и сарты — малые народности России и Китая — беспрерывно жаловались на администрацию белых и ее методы управления. А в это время строились железные дороги, процветало хлопководство, вновь воцарялись мир и безопасность. По мнению Маннергейма, для туркестанских мусульман было характерно отсутствие логики, наивность и неумение видеть дальше своего носа. Маннергейм был совершенно неспособен понять, что развитие империализма и его распространение на слаборазвитые страны могло восприниматься этими странами как угнетение, как лишение живущих там людей прав и собственности.

Впечатления и наблюдения

В свой дневник о путешествии по Азии Маннергейм заносил то, что он видел и чувствовал, наблюдал и переживал непосредственно, не опираясь на предрассудки и шаблоны.

Одно из самых сильных его впечатлений — внезапное окончание монотонной, однообразной дороги и прибытие на место. Вот как он 30 августа 1906 года описывает прибытие в Кашгар:

“Солнце палит нещадно. То и дело спрашиваем встречных сартов, сколько еще осталось до этого Кашгара, до которого, кажется, рукой подать, но до которого мы никак не доберемся. Один отвечает — одна вер-

ста, другой — восемь. Местность все населеннее, все интенсивнее пыль и движение на дороге, а города так и не видно. Солнце печет, голова у меня налилась тяжестью, и я испытываю непреодолимое желание лечь под деревом и плонуть на дальнейшее путешествие. Напрасно я пытаюсь освежиться сочащимися соком персиками. Горло пересохло, язык прилип к гортани. Наверное, у меня легкий солнечный удар.

Мы в городе, проезжаем мимо высокой крепостной стены. Только я успел в отчаянии подумать, что русское консульство, по-видимому, находится в другом китайском городке в 12 верстах отсюда, как вдруг перед нами выросли комфортабельные дома с зелеными железными крышами — свидетельство присутствия европейцев. И верно — это филиал русско-китайского банка, а чуть дальше здание русского консульства с прилегающим к нему садом. На время моего пребывания в Кашгаре меня поселили в просторном доме на берегу реки. Я расстилаю на каменном полу своей плащ и, подложив под голову ягдташ, с удовольствием укладываюсь".

В своем рассказе Маннергейм не забыл ничего. Он владеет искусством схватить картину целиком, не упуская деталей. На это способен лишь хороший писатель, человек, который черпает впечатления непосредственно из жизни и умеет отбросить любые предрассудки и догадки.

Поразительно, какой лирический эффект может вызвать обман чувств: как-то Маннергейм, проезжая по каменной пустыне, обратил внимание на интенсивный зеленый цвет гравия, так что склон казался покрытым травой. На следующий день он увидел холмы такого же зеленого цвета. Удивительнее всего, что, разглядев гравий поближе, он не обнаружил и следа зелени.

Самое гениальное в описаниях Маннергейма состоит в его обостренном до крайности восприятии общей картины, способности активизировать все органы чувств до предела возможного, а иногда и перейти этот предел.

Очень внимателен Маннергейм и к чужим обычаям, чужому образу мыслей. Так, например, он понял, что китайцы, оценивая расстояния, называют разные цифры в зависимости от того, насколько трудна дорога, идет ли она вниз или вверх, другими словами, они преобразовывают усилия, требующиеся на преодоление пути, в определенную длину и прибавляют ее к реальному расстоянию. Таким же образом они уменьшают длину пути, если он облегчается спусками, отсутствием препятствий и твердостью земли.

Глаз обманывает, неправильно оценивает расстояние. Однажды солнечным утром Маннергейм из лагеря в Бурге разглядывал виднеющиеся на юге Агъязские горы. В своем снежном убранстве они, казалось, вздымались совсем близко. Трудно было себе представить, что требуется полтора дня, чтобы добраться до их подножия.

Маннергейм обладал способностью в нескольких словах и очень зримо рассказать о том, что он видел, не забывая при этом упомянуть о своем мнении, которое зачастую бывало весьма субъективным и не всегда совпадало с реальностью. Вот что он рассказывает о встреченном им в степи киргизском свадебном кортеже: "Волосы невесты заплетены в косички, спадающие на лицо. Вид у нее мрачный, самоуверенный, выражение лица неприятное... Лошади буквально утопают в траве". Это высокохудожественная литература. Образ невесты просто потрясает. Невеста должна быть красивой — таково расхожее представление. Маннергейм, походя разбивая этот миф, рисует живой, правдивый образ, обнажая, возможно, тем самым собственные чувства, чувства человека, отвергнутого и опозоренного разводом.

С киплинговской силой описывает Маннергейм Китай внутри Великой стены, атмосферу и настроения первого вечера его пребывания там. 29 ноября 1907 года он верхом въехал во впечатляющие ворота Коуль. С наружной стороны можно было прочесть текст, выбитый на громадном камне: ди-и-сунгуан, первые грозные ворота. Одновременно они являются оборонительным сооружением. Маннергейм располагается на ночь на постоялом дворе неподалеку.

"Из расположенного в крепости небольшого китайского гарнизона доносятся монотонные, протяжные звуки вечерней зори, хрустальным звоном уносящиеся в зимнее ночное небо. Потом раздается пушечный выстрел, призывающий честной люд поспешить домой, и тут я отчетливо слышу, как китайское государство захлопывает свои пять обитых железом массивных ворот, и мы все оказываемся под замком".

Китайский Новый год

Как бы там ни было, а мир везде одинаков. Перед potentатами Центральной Азии Маннергейм был вынужден вести себя еще более изысканно и уверенно, чем при царском дворе. Когда он встретился с 95-летней киргизской княгиней, которая, опираясь на двух слуг, наконец пожаловала из своей юрты в его, где он, согласно этикету, ожидал ее ответного визита, беседа вылилась в обмен пустыми любезностями. Отвечать на них следовало легким поклоном.

В 1908 году Маннергейм остановился в большом городе — Ланьчжоу. Целый месяц он не вел дневника — ему до смерти надоели эти ежедневные записи.

В городе жили миссионеры-европейцы. Там даже был епископ и имелась научная библиотека. Маннергейм заболел и проболел неделю. Он испытывал страшные боли в спине, ногах и голове. Четверо из людей Маннергейма подхватили ту же болезнь. За Маннергеймом ухаживал

миссионер Приди, у которого был еще один пациент, миссионер Коппелтерз, заболевший по пути и вынужденный поэтому остаться в городе. Когда он выздоровел, то поразил Маннергейма и тех, кто за ним ухаживал, заявив, будто на самом деле он умер в Ланьчжоу, а то, что он сейчас жив, чудо. "Не знаю, как выбить эту бредовую идею из головы католика, который верит в чудеса. Все мои попытки оказались безуспешными", — писал Маннергейм. А вокруг китайцы с утра до ночи праздновали Новый год непрерывным карнавалом. Били барабаны, звенели металлические тарелки, рвались петарды. Китайский шум и гам, носивший название музыки, продолжался две недели. По городу маршировали любительские оркестры, состоявшие из 6—9 барабанщиков и стольких же тарелочников. Время от времени музыканты высоко подпрыгивали. Маннергейму крупно "повезло" — один из этих оркестров собирался под его окном, а окно было бумажное. Прежде чем отправиться в путь, оркестр по многу часов исступленно играл. Иногда весь город был на ногах, некоторые сидели в экипажах, запряженных лошадьми. В каждом экипаже было не менее двух расфуфыренных, накрашенных женщин. Всем женщинам полагалось в эти дни выходить из дома — единственные дни, когда им разрешалось показываться на людях. Остальное время года они сидели взаперти. Торговцы носили на больших подносах замороженные фрукты и сладости, громкими криками предлагая свой товар. Между бесчисленными экипажами и пешеходами сновали музыканты с барабанами и тарелками. Впереди оркестра шли два-три человека в женском и мужском платье и в масках, изображавших привидения. К восторгу толпы они с помощью странных ужимок и однообразных прыжков подшучивали друг над другом. В одном месте публику развлекали три парня, выряженные парходами... В другом — пестро одетая карнавальная процессия. Вдалеке величественно, на высоте человеческого роста извивался гигантский дракон, которым управляли с десяток человек. В день военного праздника по городу маршем прошел гарнизон. Штыки старых кремневых ружей были украшены большими желтыми бумажными цветами.

Чем ближе подступали будни, тем оглушительнее и яростнее становилась музыка и треск петард. Мирных китайцев вдруг словно обуял бесшум и музыки.

Вот так описывает Маннергейм китайский Новый год. Он отметил, что классовые различия не так бросаются в глаза в Китае, как в Европе. Точно люди отлиты в одной форме. Одинаковые одежды, одинаковые манеры, одинаковая обязанность принимать участие в празднествах и оплачивать их. Кроме того, все китайцы, по наблюдениям Маннергейма, как низкого, так и благородного происхождения, обладают четко выраженным чувством формы и порядка. Но он с презрением заклеил это их качество как притворство, "надувательство". Не надо забывать, что Ман-

нергейм в то время по причине болезни находился в дурном расположении духа.

Проклятие гор

Маннергейм, будь у него такая возможность, с удовольствием бы нанес кистью несколько ярких мазков на безутешно серый фон горного ландшафта Центральной Азии. Поэтому он так радовался, увидев зеленую траву после бесконечно долгого перехода. Да и чувство юмора у него обострилось — без юмора было не обойтись.

Однажды Маннергейм отругал своих людей за то, что они слишком поздно встали, и на следующий день повар поднял их в полпервого ночи, поскольку ему показалось, будто уже рассветает. Маннергейма разбудили в полчетвертого. Решив как-нибудь вознаградить своих парней, он подарил им часы, однако ни один из имевшихся четырех ключей к часам не подошел, так что завести их было нельзя. Другие часы Маннергейму удалось завести, но они не пошли. Пришлось ему признаться, что если все 15 пар часов такого же качества, то вряд ли будет разумно и х кому-либо дарить.

По дороге к их каравану присоединился один юноша, который намеревался пройти с ними еще какой-то отрезок пути. Но вдруг этот парень вспомнил, что на днях женится, и если пойдет дальше с Маннергеймом, опоздает на собственную свадьбу. Ему было восемнадцать, его невесте — тетке по матери — тринадцать. Маннергейм заметил, что против такой веской причины возразить нечего. В связи с предстоящим расставанием дядя юноши, сопровождавший его, и Маннергейм целый день обменивались любезностями. Это было весьма утомительно. Дядя говорил, что не представляет, как он вынесет боль разлуки.

Маннергейм пытался учить китайский. Кроме переводчика он нанял еще одного китайца, который занимался с ним языком, а поскольку у того был слуга, ему пришлось оплачивать и слугу. Чтобы иметь возможность тренироваться в языке, Маннергейм запретил переводчику говорить по-русски.

Маннергейм обладал удивительной способностью чувствовать себя как дома, где бы он ни находился — будь то Варшава, или Миккели, или китайский глинобитный дом с подогревающимися изнутри скамьями. Там было тепло и спокойно. С почти необъяснимым терпением он принаравливался к ночевкам в каких-то сарайчиках без крыши, и получалось это у него очень естественно.

В начале 1907 года Маннергейм столкнулся лицом к лицу с проклятием горного края. Экспедиция сутками испытывала нужду в воде, поскольку на их пути не было даже снега, который можно было бы расто-

пить. Больше всех страдали лошади. Маннергейм отмечает, что они выдерживали без воды полтора суток. Как-то раз в разгар составления карт его настигла темнота, и экспедиции пришлось искать место ночевки. На крутом склоне высокой горы вырисовывались две киргизские юрты. Маннергейм заглянул в одну из них. Там находились три женщины, три ребенка, девять мужчин, орущий младенец в люльке и 30—40 овец. Маннергейм пошел в другую юрту. Там его встретила старуха, которая вместо приветствия начала что-то сердито бубнить. Снаружи повалил снег. Маннергейм улегся среди овец. Если бы у него было мясо, он поделился бы с хозяевами, но у него ничего не было. Голодные обитатели юрты глодали разбросанные по полу кости, на которых не осталось ни кусочка мяса. Маннергейм нашел два хлебца и несколько кусочков сахара и угостил обрадовавшихся этому дару туземцев. В этой юрте было двенадцать взрослых, четверо детей и сорок овец. В царившей там тесноте Маннергейм не мог даже вытянуть ноги. Он накрылся своей шубой и вдруг заметил две головы, улегшиеся на нее как на подушку. Одна принадлежала ребенку, вторая, как он подозревал, — сердитой старухе, но выяснять это ему не захотелось. Ночью кто-то, отодвинув в сторону изголовье Маннергейма, расчистил место для ягненка, которого чуть не задавили, и хозяин решил таким образом устроить его получше. Кругом пищали дети, блеяли овцы, но Маннергейм крепко проспал до пяти утра — накануне он одиннадцать с половиной часов провел, сидя на лошади, на горном воздухе.

Снег продолжал идти, было холодно и темно. Маннергейму пришлось возвращаться на то место, где он прервал вчера свои картографические работы, — дорога заняла полчаса.

Маннергейм описывает — особенно в дневнике о путешествии по Азии — ситуации настолько выпукло и полно, что создается определенное настроение, а в тексте чувствуется биение жизни человека с обостренными до крайности чувствами.

2 марта 1907 года в китайском городе Аксу Маннергейму посчастливилось провести ночь в настоящем прочном доме, в комнате с очагом и двумя окнами, посидеть на прочном стуле за прочным столом. Ночью ему снились сны — один приятнее другого. Красивые виды чередовались с картинками из старых добрых времен, и все это сопровождалось звуками прекрасной музыки. Проснувшись, Маннергейм, к своему удивлению, обнаружил, что музыка продолжает играть. Загадка вскоре разъяснилась. В одной из ниш стояли часы с маятником, которые хозяин — возможно, ради гостя — специально завел, чтобы в определенное время они сыграли короткую мелодию. Маннергейм пишет, что это заставило его погрузиться в сказочный мир фантазии. Судя по всему, он не был человеком, который верит в сны и о своих снах почти никогда не рассказывает. Но человек — существо хрупкое, и стальная пружинка, и звуки, лью-

щиеся из музыкальной шкатулки, воздействуют на его чувства, даря возможность пережить все радости искусственного рая.

Рассказывают о двух предсказаниях, сбывшихся с начала до конца. Оба события относятся к 1917 году. О первом Маннергейм поведал сам в своих мемуарах. В Одессе, накануне его отъезда в Финляндию, профессиональная гадалка предсказала ему блестящее будущее. В последний день старого года в доме сестры в Гельсингфорсе другая гадалка раскинула на него карты, и на стол легли одни тузы и онеры. Стремительный взлет Маннергейма в 1918 году, превращение никому не известного человека в яркую звезду на европейском небе, из тройки или четверки в туза в политической игре требовали такого предупреждения, мистического вызова, подобного зловещего знака. Его преданнейшие поклонники говорили о судьбе, или Божьем провидении. Сам Маннергейм и его ближайшее окружение довольствовались рассуждениями о магии или теории вероятности.

Чтобы перечертить начисто составленные им карты, Маннергейм был вынужден сделать шестидневный перерыв. Он боялся, что иначе карандашные линии сотрутся и карты будет невозможно прочесть. С глубоким удовлетворением он отмечает, что на карту нанесены последние из 300 километров его пути. Даже горячий суп, приготовленный поваром Измаилом, кажется ему верхом кулинарного искусства. Хорошее психическое состояние Маннергейма связано, по всей видимости, с тем, что он сумел выполнить возложенную на него задачу. Работа сама по себе служила ему наградой за все его усилия. В составленной им серии карт нет ни одного пробела. Он мог проехать длинное расстояние до какого-нибудь бокового перевала и занести его на карту, только чтобы картографическая серия была полной. С такой же тщательностью он описывал мосты через реки, указывал глубину рек, сезоны наводнений, отмечал, есть ли вблизи мостов леса и как далеко они простираются, поскольку важно было знать, можно ли быстро построить новый мост в случае, если китайцы сожгут старый. Он исследовал дороги, по которым можно подойти к деревням или городам, и склоны, укрывшись за которыми было бы возможно без людских потерь осуществить эту операцию. Он считал количество домов, скота, лошадей, измерял посевные площади и даже вычислял урожай. Необходимо было представлять себе, на какое количество продовольствия и фуража можно рассчитывать.

Китайцы с самого начала знали, кем на самом деле был Маннергейм. Куда бы он ни попадал, высшие офицеры и высокопоставленные чиновники показывали ему свои гарнизоны и меткость своих солдат. Один даже приказал своим многочисленным женам продемонстрировать искусство стрельбы. Китайцы были искусные стрелки — это практически единственное, чем они отличались в военном деле, и вполне естественным было их желание похвастаться своим умением. Самым маленьким

подразделением в армии были пикеты из двух человек — с ними Маннергейм неоднократно сталкивался на дорогах. В отдельную законченную картину складываются детали эпизода, случившегося вблизи города Анцзы 22 ноября 1907 года. Рассказ получился весьма выразительным.

“Снегопад прекратился, но сильный восточный ветер с яростью бросал пригоршни снега прямо нам в лицо, снег забивался за воротник шубы и в валенки. Проводник, которому мандарин приказал меня сопровождать, не соизволил явиться вовремя, посему мы тронулись в путь, ориентируясь по телеграфным столбам. Дорогу совсем замело, и лишь по чистой случайности удавалось проехать по ней короткое расстояние. Мы двигались по неровному, кочковатому полю, то перебираясь через сугробы, то лавируя от одного менее заснеженного места к другому. Слева от дороги — небольшая рощица в 200 сажений, чуть подалее справа — другая. В остальном же перед нами простиралась открытая равнинная местность с кочками, поросшими грубой, похожей на кустарник растительностью. В 17,5 верстах от города по левую руку мы увидели небольшую, покрытую льдом речку, которая, описывая широкую дугу, подходит прямо к дороге.

Верстой дальше стоит глиняная избушка. Мы заходим обогреться. В домике два входа — один с дверью, сколоченной из трех досок с зазорами шириной в три пальца; другой вообще без двери. А для лучшей циркуляции воздуха — внушительных размеров дыра в потолке. В этом хорошо проветриваемом летнем помещении без всякой защиты от зимних метелей проживают два солдата из гарнизона Анцзы, откомандированные сюда пасти двенадцать принадлежащих короне кобыл. Двое проходивших мимо китайцев развели маленький костерок из нескольких веточек. Один из солдат, очевидно, тяжело больной, лежал и стонал на глиняных нарах. Китайцы пешком шли из Хунаня в Анцзы просить высокого начальника — их земляка — о работе. Поклажа, упакованная в два небольших ящика, свисала с боков расколотой вдоль бамбуковой палки. К одному из них были привязаны две соломенные шляпы и два зонтика от солнца. У одного из китайцев на редкость красивые, словно высеченные из камня, руки”.

Как мы видим, Маннергейм опять упоминает руки. Он постоянно обращает внимание на руки, внимательно разглядывает их. В те времена платье обычно закрывало человека почти целиком, оставляя на обозрение лишь лицо и руки, если их не прятали в перчатках. В лицах китайцев Маннергейм разбирался не так хорошо.

Через пять дней он забирается еще глубже — в самое сердце ночи, в бессобытийность и пустынную. Земля была уже укрыта снежным одеялом толщиной 30 см.

“Приблизительно в семи с половиной верстах от начала равнины проходим мимо развалин небольшого сарая, а одиннадцатью верстами даль-

ше добираемся до глинобитного домика. Это своего рода полустанок, где в каморке в кромешной тьме проживают два старых солдата. Они едва держатся на ногах и так же, как все остальные, понятия не имеют, каковы их обязанности и в чем состоит служба".

Возникает желание спросить: а где же женщины? Все-таки Маннергейм провел в экспедиции два года. Мужчина в полном расцвете сил с репутацией завязатого ловеласа. Никаких сведений о наличии среди членов экспедиции женщины — ни европейской, ни азиатской — нет. Лишь в самом конце путешествия, когда Маннергейм прибыл в сердце Китая, в город высокой культуры, где увидел одетых по моде, ухоженных женщин, у которых были элегантные манеры, но которые либо сидели под строгим присмотром, либо предлагались на продажу, он начал обращать внимание на местных представительниц прекрасного пола и обнаружил их эротическую притягательность. В июле 1908 года он то и дело пишет о женщинах.

"Мы расположились на вечерний отдых в деревне Мей-тюрр. Меня атаковала невероятно откровенная старуха, настойчиво уговаривая навестить одну девицу двадцати лет, которая, по словам старухи, представляет собой нечто особенное. Женщины в этом краю на мой вкус не такие уродливые, как в других местах, — высокие, с красивой походкой. У них прямой нос, овальной формы лицо и красивые глаза". Здесь Маннергейм декларирует требования, которые он предъявляет к женской красоте. Среди них на первом месте стояли высокая культура и благородные манеры. Еще больше он восторгался человеческой красотой в начале путешествия, увидев долонцев. Упитанные, руки правильной формы с длинными, тонкими пальцами, ступни тоже хорошей формы, второй палец длиннее большого. По традициям японского искусства и искусства Возрождения, у красавиц второй палец на ноге всегда длиннее большого, и остальные, равные по длине второму, тонкие, гибкие и подвижные, как пальцы рук. Только в этом случае пальцы ног могут считаться красивыми. Здесь мы вновь находим подтверждение тому, что Маннергейм прежде всего обращает внимание на руки человека.

В городе Аксю проходил карнавал. Молодая, прелестная девушка из народа сартов, одной из малых национальностей Китая, продавала с тележки разные мелочи. Маннергейм подошел поближе, чтобы сфотографировать эту представительницу прекрасного пола, но девушка оказалась переодетым мужчиной, который так вошел в свою роль, что закрывал лицо паранджой. В ответ на просьбу Маннергейма разрешить ему сделать фотографию, он веером лишь плотнее прижал паранджу к лицу. Красавец-трансвестит. Подобная многозначность, мистика запретного, элегантность, ее скрывающая, кокетство и юмор, делающие ее менее мрачной, частично способствовали сохранению иллюзий, пусть и придавая им другой характер. Маннергейм ценил иллюзии и тоже умел их сохранять.

Чудесная неделя

В начале мая 1907 года Маннергейм оказался в гостях у калмыцкого вождя Насумбатова, могущественного и богатого человека, имевшего две сотни солдат, всадников и полторы тысячи лошадей. Два-три часа Маннергейм ездил по владениям Насумбатова, осматривая лошадей. Среди них было 400—500 первоклассных кобыл, которых с радостью принял бы любой конный завод. Крепкие, сильные животные с чуть тяжеловатой, но благородной формы головой и изящной шеей, высокий хвост, хорошо развитые ляжки и брюшина, великолепные сухожилия. Только колена и лопатки с небольшим изъяном. Насумбатов подарил Маннергейму рослую лошадь, у которой, правда, были слишком мясистые ноги. Маннергейм сделал ответный подарок — берданку с патронами. По его мнению, то были равноценные дары. Увидев, что Маннергейм не выразил горячей радости по поводу подаренной лошади, Насумбатов предложил заменить ее другой, которую он собирался принести в жертву богам. Все эти детали стали кирпичиками целого, явившегося одной из кульминаций экспедиции.

От гостеприимного Насумбатова Маннергейм отправился к реке Агъяз, чтобы разбить там лагерь. На берегу он обнаружил камень, по форме напоминавший человеческое лицо, и решил его сфотографировать. Однако нужное освещение было лишь рано утром и днем между часом и половиной второго. И Маннергейм с фотоаппаратом в руках терпеливо дожидался этих коротких мгновений. Он уже стал профессиональным фотографом, даже с психологической точки зрения. Чтобы снимать людей в этих краях, где фотография, вероятно, воспринималась как угроза душе и собственному "я", поскольку могла их похитить, требовались либо невероятное умение уговаривать, либо определенная беззастенчивость.

Вокруг лагеря вздымались могучие, поросшие лесом горы. Река была бурная. Однажды Маннергейм с местным охотником стариком Нумганом, который был в его группе, перебирались верхом через стремнину, и Нумган свалился вместе с лошадью и поклажей в воду. Маннергейма больше всего поразило, что старик и не подумал пройти вброд оставшиеся несколько метров, а упрямо пытался взобраться в седло, хотя во время этих многочисленных попыток вода не раз накрывала его с головой. Но старик не успокоился, пока все-таки не забрался в седло.

Маннергейм любил ночью, лежа в своей палатке, слушать шум стремнины, напоминавший ему шум финских водопадов.

После многочасового перехода вдоль реки группа добралась до места, где река разделялась на два рукава. Там, на сочной траве, они разбили лагерь.

Назавтра повар-калмык рассказал, что на склоне горы видел полсотни горных козлов. Подняв глаза, Маннергейм успел насчитать семнадцать. Но пока седлали лошадей, намереваясь пуститься в охоту за козлами, поднялся обычный для горных краев буран — казалось, ветер дул со всех сторон сразу.

Повар с мешком сухарей за спиной начал варить суп. Мешок он держал при себе, чтобы кто-нибудь не стащил сухари. Запасы провизии были на пределе, и сухари составляли важную часть рациона — точно на корабле в открытом океане.

Когда наконец стало возможным выбраться из палатки, Маннергейм решил взобраться на гору. Но дважды оперированное колено не выдержало такого напряжения. После обеда колено сильно разболелось, а к вечеру оба колена распухли из-за внутреннего кровоизлияния. На ночь Маннергейм сделал себе шерстяные повязки. В четыре утра он уже был на ногах и предпринял еще одну попытку подняться на гору. Но и на сей раз ему пришлось вернуться с полпути. Нумган же не сдался и в обществе новичка, ловкого казака Луканина, тринадцать часов подряд искал горных козлов — на кон была поставлена его охотничья честь.

Нумган предложил перенести лагерь на 16 километров дальше, к месту, где склоны были настолько пологими, что на них можно было взобраться верхом. Лагерь разбили на берегу небольшого притока Ону-су.

На следующий день, 22 мая 1907 года, Маннергейм решил, чего бы это ему ни стоило, уложить своего первого горного козла. По обе стороны реки на склонах виднелись группы в 4—5 животных. Только Маннергейм подобрался к перевалу, где разгуливали козлы, как опять налетел буран. Ветер донес запах человека до животных, и они исчезли.

Наконец в одной пологой ложбине обнаружили четырех горных козлов. Запыхавшийся Маннергейм прицелился в одного, но тут вожак учуял опасность, и хотя охотник выстрелил в него, животные убежали. Тем не менее следы крови доказывали, что Маннергейм попал в цель. Все это происходило на высоте в 4100 м.

По совету Нумгана, спустились в глубокую расщелину, а потом взобрались наверх по противоположному склону, на вершине которого паслось шестнадцать серн. Голова одной была увенчана такими громадными рогами, каких Маннергейм никогда раньше не видел, — захватывающая дух картина. Маннергейм стрелял в положении лежа с расстояния в полкилометра. Серны удалились с большим достоинством, то и дело останавливаясь, чтобы понаблюдать за стрелком. Потом неспешно поднялись на заснеженную вершину, на мгновение застыли, образовав необыкновенной красоты группу на фоне неба, и пропали из вида. По другому склону взбирались еще два стада, которых охотники раньше не заметили, а на одной из горных вершин вырисовывалась небольшая группа животных, обозревавших простирившуюся внизу долину. Над многоцвет-

ной мозаикой сверкали в солнечных лучах брызги воды из горных ручьев. По определению самого Маннергейма, место было просто райское.

Дождь вынудил их вернуться в лагерь, откуда они увидели шестнадцать стервятников, кружившихся над местом, где Маннергейм подстрелил горного козла. Взобравшись туда, он со своими людьми обнаружил великолепный экземпляр десятилетнего горного козла — в километре от того места, где его настигла пуля.

На обратном пути Маннергейм вместе с лошадейю покатился с крутого склона вниз головой в расщелину. Лошадь из-за тяжести седока не сумела сдержать падения, несмотря на две отчаянные попытки. Маннергейм был уверен, что пробил его последний час. Но ему все-таки удалось схватиться за ветку большого дерева. Ветка сломалась, но замедлила скорость падения настолько, что он сумел удержаться на месте. Лошадь, освободившаяся от груза, тоже выкарабкалась.

Назавтра, 23 мая 1907 года, Маннергейм вышел на охоту без Нумгана с твердым намерением раздобыть охотничий трофей. Нумган накануне отправился стрелять козлов и до сих пор не вернулся, очевидно, заночевав в горах. Однако Маннергейм и его люди потратили почти весь день на поимку собственных лошадей — накануне он распорядился пустить лошадей пастись, не спутав им передние ноги. К двум часам удалось поймать восемь лошадей из двенаддати. И тут вновь разразился буран. Температура мгновенно упала на 15 градусов, дождь превратился в снег. Искать оставшихся лошадей было бессмысленно. В пять часов, после 25-часовой охоты, вернулся Нумган — вместо горного козла он сумел подстрелить лишь серну. Маннергейм к этому времени тоже успел уложить одну, которая оказалась намного больше чем у Нумгана. Репутация охотника была подмочена. Маннергейм же был очень доволен.

На следующее утро, 24 мая 1907 года, планировалось сделать последнюю попытку. Однако из-за продолжавшегося сильного бурана Маннергейм решил сниматься с этого места. Снегу навалило на два пальца, выл северный ветер. На полпути к месту предыдущей стоянки группа увидела на горном склоне по другую сторону реки несколько горных козлов. Караван продолжил путь, а Маннергейм с Нумганом поскакали вслед за животными. Но когда охотники переправились через бурную реку, те успели убежать так далеко, что не было смысла гнаться за ними. Тем не менее по прибытии в лагерь Нумган попросил позволения отправиться на их поиски. Маннергейм разрешил, но, после того как Нумган уехал, тоже пустился в путь — мысль о возможной удаче Нумгана была для него невыносима. Маннергейм двигался по руслу притока Хаптваун — в этих местах они не бывали. Через час или два Маннергейм и его проводник заметили внизу на склоне группу горных козлов. Охотники, спрятав лошадей, начали, прячась за елями, подкрадываться к своей добыче. Через какое-то время Маннергейм лег на землю и пополз по-пластунски. Добравшись до

точки, откуда открывался хороший обзор, он остолбенел — козлы исчезли. Маннергейм был уверен, что они внизу. А они стояли, как он вскоре обнаружил, примерно в двухстах метрах над ним, наблюдая за его смехотворными телодвижениями. Он вскинул ружье, и животные стали взбираться наверх. Когда они остановились, чтобы посмотреть, чем занимается охотник, он выстрелил. К своей неопишуемой радости, Маннергейм увидел, как одно животное замедлило бег и потом рухнуло в расщелину. Это был десятилетний козел. Одна пуля пробила грудь и легкие, вторая, пройдя через челюсти, попала в мозг. Маннергейм убил своего первого горного козла и сделал это самостоятельно, без помощи Нумгана.

Назавтра, когда экспедиция вновь снялась с места, Маннергейм подстрелил еще одного крупного козла. На всем бегу животное, сделав в воздухе сальто-мортале, исчезло в расщелине. Нумган, которому Маннергейм поведал о своем подвиге, не поверил. Маннергейм предложил ему проверить. В расщелине было пусто. Выражение лица Нумгана не поддается описанию. Тогда Маннергейм решил сам спуститься туда. Склон был крутой, и вскоре Маннергейм оказался на крошечном уступе — он не мог ни спуститься дальше, ни повернуть назад, даже развернуться на этом пятачке стоило больших трудов. И ни малейших следов его спуска. Он начал кричать. Только через полчаса послышался ответный крик откуда-то слева из-за горы. Маннергейм сделал два сигнальных выстрела в воздух — и опять ему пришлось ждать целую вечность, пока сверху не появилась бородастая рожа Нумгана. Старик спустился, после чего снова полез вверх — Маннергейм ступал ему след в след.

Нумган был горец, Маннергейм — равнинный житель. Он научился по достоинству ценить ловкость горцев, их способность переносить холод, голод и жажду. Во весь опор они преодолевали крутые склоны. Его проводник привязывал лошадиные подковы прямо на свои босые ступни и бодро скакал на них, словно горный козел, по кручам и обрывам.

После того как Нумган спас Маннергейма, он спустился в расщелину с другой стороны и нашел убитого там горного козла. Пуля попала животному в сердце. На скалистой тропинке они обнаружили еще одного козла, которого Маннергейм ранил — сейчас животное было мертво. Маннергейм и Нумган общими силами в знак победы отрезали животным головы — брать с собой туши было не с руки.

Караван уже исчез из виду, когда Маннергейм и Нумган подъехали к лагерю. С грустью смотрел Маннергейм на место стоянки, ведь он больше никогда его не увидит. Сочная зеленая трава, бурная, пенная река, величественные горы вокруг — лучшего места для лагеря и представить себе нельзя. С тяжелым сердцем распрощался Маннергейм два дня спустя и с рекой Агъяз, с ее горным пейзажем, пастбищами и густыми еловыми лесами. Здесь он провел самую, быть может, счастливую неделю в своей жизни.

Позднее Маннергейм познакомился с другими горами и горными реками. В конце первой мировой войны он попал в лесистые Карпаты, перед второй мировой войной ежегодно охотился в австрийских Альпах, в Тироле, где арендовал 24 000 гектаров земли, а последние годы своей жизни провел в тесных альпийских долинах Швейцарии. Для человека мира, политика и государственного деятеля такая надежная, тесная горная долина была местом, где можно обрести покой. Вся Швейцария была таким местом в воюющей Европе.

Отчет Маннергейма

По завершении экспедиции Маннергейм написал в Пекине отчет о ней и по пути домой ненадолго — всего на восемь дней — заехал в Японию.

Работа над отчетом в 150 страниц заняла шесть недель. Он был опубликован Генеральным штабом небольшим тиражом в серии книг об Азии. В книге 192 страницы.

Разрабатывая возможные военные операции на обследованных им территориях, Маннергейм как бы выступает в роли главнокомандующего. Главное наступление русских должно быть сосредоточено на столице провинции Синьцзян, дальше продвигаться не имеет смысла. Важнее всего отрезать центральный район Китая от остальной его части.

Чтобы достичь Ланьчжоу — главного города провинции Ганьсу, русским войскам потребуется полгода, кроме того, от него слишком велико расстояние до Пекина. Решающий этап боевых действий следует проводить только в Маньчжурии.

Железная дорога, которую китайцы собирались вести до Синьцзяна, по уверению Маннергейма, будет готова еще очень не скоро. И действительно — усилиями китайской армии ее построили только в 1963 году. Реформирование армии началось совсем недавно, и в приграничных районах его эффект еще не заметен.

Из Пекина Маннергейм выезжал всего раз на встречу с далай-ламой, который жил в Китае на правах пленника под постоянным присмотром. Организовать встречу было невероятно трудно, а когда Маннергейму наконец удалось сделать это, ему пришлось приложить немало усилий, чтобы отправиться туда одному — без своего сопровождающего.

Далай-лама сразу же поинтересовался, не привез ли Маннергейм ему какого-нибудь послания, — вероятно, он ждал известий от царя или правительства России. Но у Маннергейма не было с собой ничего, даже подарка для далай-ламы, и он отдал духовному вождю Центральной Азии свой пистолет.

В мемуарах Маннергейм с радостью отмечает, что далай-ламе удалось вернуться в Тибет и, воспользовавшись ослаблением великих держав,

создать независимое государство. Маннергейм, который и сам совершил подобный подвиг, воспринимал далай-ламу как близкого человека и в большой степени отождествлял себя с этим вождем Тибета.

В Петербурге Маннергейм посетил царя, чтобы отчитаться о результатах экспедиции. Аудиенция вместо положенных 15—20 минут продолжалась час двадцать. Рассказ Маннергейма, к которому он тщательно подготовился, врезался в память императора настолько, что он упомянул о нем в беседе со шведским исследователем Центральной Азии Свенем Гедином, посоветовав ему связаться с Маннергеймом.

Во время экспедиции Маннергейм составил карты трех тысяч километров дорог. Он собирал сведения и о наличии и состоянии проселочных дорог, даже если сам ими не пользовался. Расстояния он мерил, считая количество шагов, сделанных конем. Эта привычка так въелась в него, что однажды во время ночного наступления в годы войны он автоматически начал считать шаги лошади и обнаружил, что они взяли неверное направление. Оказалось, проводник действительно ошибся и пошел не в ту сторону.

В течение всего путешествия Маннергейм вел метеорологические наблюдения с помощью имевшихся в его распоряжении пяти измерительных приборов. Измеряя давление воздуха, он определял и расположение местности относительно уровня моря.

Маннергейму удалось привезти внушительную коллекцию китайских пословиц, собранных французскими миссионерами. Он сделал более полутора тысяч фотографий, имевших отношение к этнологии, географии и истории культуры. Срисовывал древние наскальные рисунки и надписи, собирал старинные книги и рукописи по местной истории. Обнаружил тексты на древнеиндийском языке и на одном из североиранских наречий, известном под именем сакского, — на нем говорили в небольшом ареале в Центральной Азии. Отрывок текста, найденного Маннергеймом, кочевал по всем европейским университетам, поскольку до сих пор существовало лишь два-три письменных источника на этом языке.

Маннергейм нашел и буддийский текст, написанный квадратным монгольским письмом "пагс-па". В конце XIII века указом Кублай-хана это письмо стало официальным письмом монголов, просуществовав до середины XVI века. Алфавит не встречался ни в книгах, ни в памятниках. Так что находка Маннергейма была настоящим раритетом — профессор Рамстедт посвятил ей отдельную статью.

Маннергейм занимался также и популярными в то время антропологическими измерениями. Он измерял головы и другие части тела у представителей различных племен и народностей, вычисляя их соотношения. К этой работе он испытывал глубокое отвращение из-за невероятной нечистоплотности и уродливости своих объектов, а ведь на измерение одного индивида уходило не менее получаса. Поэтому Маннергейм частенько заставлял своих подопытных предварительно помыться.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

В Польше

Выслушав отчет Маннергейма об азиатской экспедиции, царь поинтересовался его дальнейшими планами. Маннергейм выразил надежду на получение полка — из-за столь долгого отсутствия он оказался обойденным по службе. Император посоветовал ему не расстраиваться: полком он еще успеет накомандоваться, а вот совершить такое в высшей степени интересное путешествие удастся далеко не каждому.

Поскольку назначение на должность командира полка по какой-то причине задерживалось, Маннергейм взял длительный отпуск, во время которого в начале 1909 года изездил Швецию вдоль и поперек. Там-то его и застало известие о назначении командиром 13-го Владимирского уланского полка¹⁵, расквартированного в Новоминске в 40 км к востоку от Варшавы.

Через два года Маннергейм получил полк получше — лейб-гвардии Уланский полк в самой Варшаве¹⁶. Маннергейм был чрезвычайно доволен — теперь он обошел своих сверстников, от которых раньше всегда отставал.

К этому периоду относятся размышления Маннергейма о жизни, изложенные им в сжатой форме на бумаге. При этом он пользуется странным языком игрока в азартные игры. Возможно, оглядываясь назад, он в самом деле воспринимал русско-японскую войну и экспедицию в Азию как азартную игру, где ставкой была его собственная жизнь. В письме к брату Юхану он пишет, что верит в периодичность. В один период тебя преследуют неудачи, в другой — удается все, за что бы ты ни брался. В первый период следует быть осторожным даже сверх меры, во второй — действовать дерзко и решительно. Сам он не следовал этому правилу, и потому ему так неслыханно не везло. Смена полка доставила большую радость, потому что позволяла ему еще раз начать все сначала.

Получив это свое последнее назначение, Маннергейм был вынужден приехать в Петербург на представление императору. Командир гвардейского полка обычно имел чин генерал-майора, посему Маннергейму и присвоили этот чин¹⁷. Два года спустя он получил чин бригадного генерала¹⁸, обсуждался вопрос о переводе его в Петербург командиром кирасирской бригады. Он отклонил предложение, которое ему было вовсе не по душе, надеясь занять освобождавшееся вскоре место командира гвардейской кавалерийской бригады в Варшаве. Маннергейму нравился этот город, где он был принят в круг высшего света и где уже успел обзавестись собственным домом. 6 января 1914 года он получает желаемое назначение. В бригаду входил его прежний Уланский полк и Гродненский гусарский полк.

Осенью 1913 года Маннергейма командировали в знаменитое военное училище Сомюра во Франции для участия в военной игре и многочисленных учениях, что являлось составной частью военного сотрудничества между Францией и Россией.

Лето 1914 года Маннергейм провел в Висбадене, лечя свой застарелый ревматизм. Вновь он приступил к исполнению своих обязанностей 22 июля 1914 года. Бригада была на военных учениях, во время которых лошадь сбросила Маннергейма на землю, и он подвернул ногу — это случилось в момент начала войны. Еще не зная об этом, он сложил чемодан и постригся — он был уверен, что война вот-вот разразится.

Маннергейм был принят во многих аристократических домах Польши, состоял в весьма почетном охотничьем клубе. Одними из его самых близких друзей стали Любомирские, особенно жена. Во время войны, да и после, он усердно с ней переписывался и сохранил все ее письма, которые очень ценил и давал читать своему ближайшему окружению. Переписка свидетельствует о высочайшем уровне их отношений.

Инициативу — по крайней мере, на этот раз — проявила княгиня Мария Любомирская. Ее супруг, бывший председатель городского совета Варшавы, и после оккупации Польши немцами занимал высокий административный пост. Княгиня оказалась между двух огней — то ли она должна, выполняя супружеский долг, оставаться рядом с мужем, то ли имеет право из-за прихода грозной немецкой армии бросить и его и Варшаву. Она выбрала последнее и уехала, сначала в Россию, потом в Скандинавию и Западную Европу. В одном из писем княгиня делает странные намеки — она пишет, что больше всего ей бы хотелось остаться в своем польском имении и быть погребенной там среди его развалин, но у нее есть ее маленькая голубоглазая Доротея... Мария просила милого барона не смеяться над ней, как он имеет обыкновение делать. Письмо заканчивается просьбой уничтожить послание, поскольку оно слишком личное и заслуживает сгореть в адском пламени.

Из содержания послания невольно напрашивается вывод о том, что между ними когда-то существовали тайные интимные отношения, а упоминание о дочке как единственном существе, удерживающем княгиню от рокового шага, и ее голубых глазах наводит на мысль, что отношения эти не остались без последствий.

Под впечатлением от ужасов войны княгиня Мария спрашивает Маннергейма, способен ли он по-прежнему наслаждаться звуками вальса после вкусного обеда, как это было в старые добрые времена.

В ответном письме Маннергейм с сожалением замечает, что все прекрасное в этом мире приходит к человеку слишком поздно — иногда запаздывает намного, иногда всего на какой-то час.

"Ожидание длится долго, прекрасные мгновения скоротечны", — отвечает на это княгиня. В феврале 1915 года Маннергейм и Мария Любо-

мирская встречаются в Варшаве. После этого свидания княгиня пишет ему, что он произвел на нее впечатление человека, закованного в броню, через которую наружу не проникает ничего личного, живого. Ее же собственная откровенность, с сожалением отмечает она, оказалась ей только во вред. Мария просит Маннергейма с этого времени присылать ей лишь короткие весточки о себе, как это принято между друзьями, сообщать новости, и все. Длинные письма внушают ей ложное чувство, будто Маннергейма можно любить. "...Я украдкой бросаю на вас взгляд и тихо ухожу", — пишет Мария Любомирская в апреле 1915 года, прилагая к письму перья фазана, убитого филином.

За последние сто лет птичье перо было послано лишь однажды — офицеру, струсившему в бою и дезертировавшему с поля брани. Оно означало, что офицеры не желают больше иметь с ним дела и требуют его отставки.

Маннергейм ответил, что прикрепит перья к своему головному убору и будет в свите княгини в любой выбранной ею стране.

С презрением к общественному мнению Маннергейм обещал обнаружить свой позор и вызвал княгиню на новый поединок, время и место которого она укажет сама.

"Мне по душе одинокие, надежно огороженные сады, куда допускаются только немногие избранные", — писал Маннергейм в мае 1915 года.

В июле того же года княгиня прислала ему свою фотографию.

В октябре Мария, перебравшаяся с ребенком в Россию, вспоминает о свидании в Варшаве, которое произвело на нее неизгладимое впечатление. Маннергейм тогда был похож на прямую линию, а она сама — на непрерывную волнистую, и эти линии никогда не пересекутся. Княгиня потребовала от Маннергейма уничтожить письмо.

Создается впечатление, что Мария Любомирская все время шла навстречу Маннергейму, а тот оставался холодным и неприступным.

Получив от Маннергейма прощальное письмо, княгиня возмутилась. Еще раньше она сообщила ему, что собирается через Скандинавию либо вернуться в оккупированную немцами Польшу, либо уехать в Англию. Тем самым переписка становилась невозможной.

"Не жалейте, что на мгновение приоткрыли свою броню — проговорились, что мой отъезд причиняет вам боль, ибо мне было сладостно услышать эти слова..." — причитает княгиня.

Переписка носила явно любовный характер. Маннергейм флиртовал вовсю, но при личной встрече замкнулся и пошел на попятный. Он желал любить на расстоянии. Боялся ли Маннергейм общественного или семейного скандала или просто не любил княгиню? Она вернула ему все письма, а он сохранил ее послания как самое большое сокровище. Ему было намного легче так поступить — он не был женат.

На фронте

29 июля 1914 года Маннергейм обедал в Польском охотничьем клубе в Варшаве, куда ему принесли письмо, предписывавшее явиться в штаб бригады в 12 часов ночи. В штаб поступила телеграмма о начале мобилизации. Маннергейму надо было вскрыть запечатанный сургучной печатью пакет, хранившийся в сейфе. В пакете содержались подробные инструкции. Бригада должна быть готовой к отбытию через шесть часов. Она была готова через четыре. В то время, как Маннергейм только читал письмо, его подчиненные уже принялись за дело. Это говорит о том, что Маннергейм не требовал от своих людей лишь жесткого, формального подчинения, а предоставлял им определенную свободу действий и инициативы, уча их схватывать невысказанные желания и принимать нужные меры в каждой конкретной ситуации. Через шесть часов войска собрались на вокзале. Стоя на тротуаре, Маннергейм желал удачи и счастливого пути проходившим мимо солдатам. После чего, не сомкнув в эту ночь глаз, сел в машину и отправился к месту назначения, чтобы там встретить свою бригаду.

Бригаду поездом переправили в Люблин, откуда они верхом проследовали 40 км к городу Краснику, находившемуся в 30 км от австрийской границы, для защиты железнодорожных путей на отрезке Варшава—Люблин—Холм, вдоль которого концентрировалась 4-я русская армия. Граница, как и железная дорога, проходила севернее реки Сан, которая текла на юго-восток. У австрийцев там было расположено предместное укрепление длиной 50 км и глубиной 10—15 км, откуда они серьезно угрожали железной дороге. Бригада Маннергейма и 13-я кавалерийская дивизия образовали кавалерийский отряд под командованием генерал-лейтенанта Туманова, на который возлагалась оборона 60-километрового отрезка.

Австро-Венгрия объявила войну на шесть дней позднее Германии, то есть 6 августа 1914 года. Через одиннадцать дней австрийцы со своего предместного укрепления пошли в атаку. Маннергейм получил в Краснике приказ Туманова занять позиции на южной окраине и во что бы то ни стало удержать город. Приказ был написан на обороте разведрапорта, в котором сообщалось, что атака на город будет предпринята силами одной пехотной бригады, трех орудийных батарей и большого числа кавалеристов. Маннергейм еще раньше произвел рекогносцировку позиций на южной стороне города, но сейчас уже не было времени занимать их — возможно, Маннергейм боялся, что австрийцы именно в этот момент начнут атаку. Полкам было приказано во весь опор гнать по трем действующим дорогам в южном направлении и, спешившись, обороняться там, где их вынудит к этому огонь противника. Не успел еще стих-

нуть стук копыт, как с холмов на южной окраине города слышались разрозненные выстрелы. Враг подошел к ним совсем близко. Бригада приняла бой, растянувшись фронтом на семь километров. Из шести орудий русской батареи австрийцы сразу же вывели из строя четыре. Два оставшихся пришлось переместить, чтобы их не постигла та же участь. Маннергейм констатировал, что ни одна из европейских держав не извлекла уроков из русско-японской войны. Русская артиллерия вела огонь с открытого места, не имея никакого прикрытия. Маннергейма беспокоили фланги. Левый он укрепил двумя сотнями солдат пограничной охраны, а находившемуся на правом фланге 13-му уланскому полку приказал растянуться, обойти противника с тыла и ударить ему в спину. Подошедший вечером русский пехотный полк сменил бригаду Маннергейма на этом участке фронта, а австрийцы, увидев в процессе этой операции такое количество русских, в беспорядке начали отходить, в результате чего было взято множество пленных. Судя по рассказам пленных, принадлежавших к двум различным полкам, австрийцы помимо этих полков имели три артиллерийские батареи и кавалерийскую дивизию, вовсе не участвовавшие в сражении. Подобная несогласованность действий отличала и русскую сторону, что привело, в частности, к роковым последствиям в самом начале Танненбергской битвы в Восточной Пруссии, где из-за этого погибли две русские армии¹⁹.

Таково было первое сражение Маннергейма — сражение легкое, короткое, в ходе которого он принаравливался и отработывал тактику. Маннергейм действовал решительно и мужественно, пытаясь сразу же окружить вражеский фланг и расширить, в силу присущей ему осторожности, собственные фланги, — тактика, использовавшаяся кавалерией еще во времена Тридцатилетней войны. Маннергейма наградили георгиевской саблей²⁰.

В похожей ситуации он позднее оказался к югу от железнодорожной ветки Люблин—Ивангород. Железные дороги были очень важным объектом, поскольку осуществляли массовые перевозки и переброску войск. Австрийцы подошли на расстояние 30 км от железной дороги, грозя ее отрезать. От русских их отделял приток Вислы — речка Ходель, к югу от которой находилось село Ополе. Предполагалось, что именно там австрийцы форсируют реку. Маннергейм со своими войсками направился на южный берег, где попытался обойти с фланга дивизию, которая могла оказать сопротивление, и взял два села. Противник же в это время в свою очередь предпринял маневр, чтобы окружить фланг Маннергейма, и поджег оба села. Маннергейм был вынужден отвести свои войска обратно на северный берег Ходеля. Впервые за эту войну он видел, как уничтожается местность, превращенная в поле боя, и как страдает мирное население. 13-й кавалерийской дивизии, входившей вместе с бригадой Маннергейма в кавалерийское соединение, тоже не удалось поме-

шать австрийцам, которые построили четыре предмостных укрепления на северном берегу, форсировать реку.

29 августа Маннергейм получил приказ взять переправы. В подкрепление ему дали казачий полк.

Враг оказывал сильное сопротивление и расширял свои предмостные укрепления, но Маннергейм нашел открытый фланг противника и развернул там боевые действия, а ротмистр Носович со своим отрядом сумел переправиться через реку справа и зайти австрийцам в тыл. Атака удалась. Австрийцы были отброшены на другой берег.

На следующий день прибыло подкрепление — 91-й полк 23-й пехотной дивизии, которым командовал финляндец Эрнст Лёфстрём, "опекун" Маннергейма в кадетском корпусе Фредриксхамна, его бывший мучитель. Задача Лёфстрёма была оборонять переправы, задача Маннергейма — наступать. Кавалерия лучше годится для атаки, пехота — для оборонительных боев. У Маннергейма были развязаны руки, никаких подробных приказов он не получил. Он сообщил Лёфстрёму, что собирается обойти австрийцев с левого фланга и ударить им в спину — по недавно использованному рецепту. Маннергейм знал, как он пишет в своих мемуарах, что Лёфстрём не сумеет сдержать попытки австрийцев форсировать реку — у полка не было военного опыта, и боевое крещение ему еще предстояло.

Передовой отряд Маннергейма форсировал реку справа, не встретив ни одного вражеского солдата. В ту же минуту с переправ послышалась ожесточенная орудийная и ружейная стрельба. Шесть австрийских полков пошли в наступление, заставив полк Лёфстрёма отступить на север.

Непроезжими лесными тропами, форсируя болота, Маннергейм привел свои войска к селу Ополе. В три часа его основные силы достигли межи на западной окраине села Ополе, лежавшего на перекрестке дорог, и сразу же отрезали те, что вели на юг. Австрийские пехотные цепи шли на север. Маннергейм открыл по ним и по селу артиллерийский огонь. Эффект неожиданности удался на славу. Среди находившихся на левом фланге австрийских войск, обнаруживших, что русские зашли им в тыл и отрезали путь к отступлению, началась паника. И они стали отступать на юго-восток — это было единственное, еще не блокированное направление.

Как вспоминает Маннергейм, на долю 91-го пехотного полка Лёфстрёма выпала благодарная задача захватить вражеские предмостные укрепления, которую он успешно и выполнил, взяв более тысячи пленных. Полк пожал лавры. Если припомнить события в Финляндии весной 1918 года, натянутые отношения между Маннергеймом и Лёфстрёмом и то обстоятельство, что Маннергейм даже 15 лет спустя с горечью говорил о самодовольстве Лёфстрёма, который, как руководитель операции по взятию Выборга, приписал себе целиком все заслуги и всю славу, начи-

наешь отчетливо видеть, как Маннергейм, описывая сражение в Ополе, специально расставляет акценты и делает разные намеки, чтобы доказать одно — слава, которую стяжал Лёфстрём в своем первом бою, стала возможной только благодаря безупречной, опасной и дерзкой операции, проведенной Маннергеймом.

На следующий день русские сбили австрийский самолет. Падая, летчик выбросил рапорт, позднее подобранный, из которого следовало, что наступление в Ополе осуществлялось силами почти всего армейского корпуса генерала Куммера. Ему противостояли 24 эскадрона Маннергейма и 12 орудий, не имевших достаточного количества снарядов. Каким же образом им удалось выиграть сражение? Маннергейм пишет в мемуарах, что на войне нередко решающими бывают психологические факторы. Противник, чувствуя себя слабее, на самом деле слабее, даже имея очевидный перевес в силе. Говоря о соотношении сил, Маннергейм ни словом не упоминает полка Эрнста Лёфстрёма, который тем не менее принимал участие в сражении, принял на себя главный удар и понес самые большие потери. Полк сражался без передышки, он сковал действия намного превосходившего его силой противника и отвлек на себя его внимание, в результате чего у противника не было ни времени, ни возможностей уследить за тем, что происходит на флангах.

В сентябре 1914 года произошло драматическое событие — погиб ротмистр Бибигов. Умелый наездник, не раз участвовавший в скачках, он был любимцем светского общества Варшавы. Его эскадрону было приказано укрыться в окопах и начать атаку, но эскадрон не двигался с места. Маннергейм отправился узнать, что происходит. На вопрос, почему он не идет в атаку, Бибигов ответил, что эскадрон понес очень большие потери, у него осталось лишь 14 человек. Противник, расположившийся напротив, вел прицельный, убийственный огонь. Маннергейм спросил, уж не испытывает ли Бибигов страха. Тогда тот немедленно отдал приказ атаковать и поскакал впереди своих людей к позиции противника — и замертво упал под шквальным огнем. Эпизод классический.

Вернувшись домой, Маннергейм отказался от ужина и всю ночь проворочался без сна. Утром он рассказал всем о случившемся, подчеркнув, что это происшествие не дает ему покоя. Он был готов просить о посмертном награждении Бибигова Георгиевским крестом 4-й степени и устроить ему пышные похороны. Бибигов нашел свой последний приют в громадной конюшне, часть которой освободили и прибрали. По православному обычаю Маннергейм поцеловал покойного в лоб и сказал, что лучше бы он сам погиб вместо Бибигова. Присутствовавший там английский военный атташе Нокс записал в дневнике, что Маннергейма обвиняли в пренебрежительном отношении к человеческим жизням²¹. Мария Любомирская, подруга сердца и постоянный адресат Маннергейма, слышала в Варшаве такие же обвинения. В светских кругах говорили, что он

посылает своих людей на смерть. Речь, естественно, шла не о простых солдатах — их судьба светское общество не трогала. Возмущение вызвал инцидент с Бибиковым, человеком их круга. В этом кругу он был соперником Маннергейма. Не повлияло ли это последнее обстоятельство на действия Маннергейма? Возможно, его неразумные требования и презрительные слова были и впрямь вызваны неосознанным, издавна глеющим соперничеством. Оба — любимцы светского общества, но Бибиков моложе и, вероятно, с более открытым, приветливым и веселым характером, то есть он обладал качествами, которые отсутствовали у Маннергейма. Судя по фотографии, Бибиков был хорошо сложен, хотя и коренаст, с черными выющимися волосами и волооким взглядом больших глаз на красивом лице. Конкуренция между двумя любимцами — средних лет и молодым — была просто неизбежна.

Сведения о крупных потерях в войсках Маннергейма причудливым образом дошли и до Гельсингфорса. 15 сентября 1914 года профессор Аспелин-Хаапкюле услышал, что командир "Желтой гвардии"²² барон Маннергейм, приехавший в Гельсингфорс навестить отца, якобы сказал, что он больше не видит смысла в жизни, поскольку его полк не существует и кавалергарды целиком погибли в боях в Восточной Пруссии. В этих слухах, скорее всего, нет ни грама правды. Подобные истории — обычное явление в начальный период любой войны.

Зимой 1914—1915 годов русская армия разрабатывала планы по захвату Карпат, что, как предполагалось, заставило бы Румынию вступить в войну на стороне русских. С этой целью бригаду Маннергейма перебросили в Галицию и включили в состав 8-й армии, которой командовал генерал Брусилев, тот самый Брусилев, что был начальником кавалерийского училища, где Маннергейм возглавлял образцовый эскадрон.

Брусилев выехал верхом навстречу бригаде, которая прошла перед ним торжественным маршем. Позднее, уже в штабе, он спросил, нет ли у Маннергейма каких-нибудь пожеланий. Тот ответил, что хотел бы продолжать командовать своей бригадой при условии, что ее преобразуют в дивизию. Брусилев ответил, что Маннергейм может считать вопрос решенным.

Вечером, когда Маннергейм ужинал со своим штабом, принесли телеграмму от Брусилева. Он предлагал Маннергейму принять командование 12-й кавалерийской дивизией, командира которой, генерала Каледина, ранило. Не успел Маннергейм закончить ужин, как принесли новую телеграмму того же содержания. Он поспешил к Брусилеву, чтобы поблагодарить за доверие и попросить совета. 12-ю дивизию Маннергейм совершенно не знал, а они с Брусилевым накануне обсуждали другую альтернативу, которая больше устраивала Маннергейма, поскольку в этом случае он бы имел дело с уже известными ему полками. Брусилев торжественно ответил, что 12-я дивизия — элитная, и предложение при-

нять командование ею просто нельзя отклонить. Маннергейм немедленно согласился²². В настоящий момент дивизия вела бои в 140 км от этого места. Вагон к паровозу уже был прицеплен, и Маннергейм, ни с кем не попрощавшись, уехал. Единственное, что он успел сделать, так это отдать приказ, чтобы ему вдогонку прислали его лошадь и личные вещи. В 12-ю дивизию входили Ахтырский гусарский полк, Белгородский уланский полк, Стародубовский драгунский полк, Оренбургский казачий полк и артиллерийская часть.

Дивизия с боями, утопая по колено в снегу, продвигалась вперед, и Маннергейм все дальше и дальше уходил от высланных ему вслед лошади и личных вещей. Восемь дней пришлось ему сидеть на армейской лошади, да добавок у него кончился табак, что отравляло ему существование.

Прежнего командира, генерала Каледина, в дивизии так боготворили, что Маннергейм не решился на персональные замены в штабе. Естественно, в самом начале к его поступкам и высказываниям там отнеслись настороженно. На первом совместном обеде Маннергейм произвел на штабистов впечатление человека, обращающего на себя внимание, высокого, статного и очень холодного. Позднее выяснилось, что он редко говорит "нет" и почти всегда соглашается с чужим мнением. А когда бывал все-таки с чем-то не согласен, то выражал это не словами, а давал отчетливо понять другим способом — откидывал назад голову и молча вперял взгляд, полный спокойной иронии, в какую-нибудь дальнюю точку. Он умел, когда хотел, резко прервать разговор. Маннергейм каким-то необъяснимым образом направлял беседу с начала до конца. С ним можно было разговаривать лишь о том, о чем он сам хотел. По-русски он говорил с ужасающим шведским акцентом. Порой случалось, что он не мог по-русски выразить свою мысль.

Итак, первое впечатление было неблагоприятное. Это потом подтвердил его адъютант Де Витт.

Летом 1916 года Брусилов предпринял широкомасштабное наступление по образцу тех, что велись на западном фронте, — именно там следовало искать учителей. После колоссальной артиллерийской подготовки армия бросилась в атаку на сильно укрепленные позиции австрийцев, не пожалевших на свои оборонительные сооружения ни бетона, ни колючей проволоки. Кавалерийская дивизия Маннергейма непрерывно передвигалась вдоль линии фронта, с тем чтобы сделать брешь, зайти противнику в тыл и отрезать его от важнейших коммуникаций. Но сделать такую брешь не удалось.

У Луцка Маннергейм действовал совместно со стрелковой дивизией Деникина, того самого, что позднее сражался против большевиков. Дивизия Маннергейма находилась немного впереди, справа от Деникина. Перед линией русского фронта было несколько никем не занятых высот, которые Маннергейм, видя, что Деникин туда свои войска не посы-

лает, занял сам. Немцы, явившиеся укрепить фронт своего более слабого союзника, тут же атаковали их, и положение стало угрожающим. Маннергейм позвонил Деникину с просьбой взять на себя оборону высоток, которые в противном случае окажутся в руках немцев. Деникин отказался. Он сейчас полным ходом перегруппировывал свои войска, готовясь к наступлению, и потому ответил, что овладеет высотками, когда они ему понадобятся. В данный момент они ему не нужны. Маннергейм заметил, что тогда будет нелегко отбить высотки у немцев. "Где вы видите немцев? — заорал в трубку Деникин. — Здесь никаких немцев нет". На это Маннергейм сухо ответствовал, что немцы прямо перед ним и он хорошо их видит.

В своих мемуарах Маннергейм отмечает, что русские по собственной самонадеянности недооценивали факты, которые не вписывались в их планы.

Ночью дивизия Маннергейма отошла в резерв, и немцы овладели высотками. Утром планировалось наступление Деникина. Маннергейм позвонил командующему армией и, выразив сомнение в успехе, предложил, чтобы его дивизию перевели в другое место, откуда можно ударить по двум направлениям. "Вы получили мой приказ, генерал?" — спросил командующий. "Получил", — ответил Маннергейм. "Выполняйте", — последовал приказ, и трубку положили. Через несколько часов дивизию Маннергейма перебросили в тот ключевой пункт, который он упомянул в телефонном разговоре, но она уже успела перебраться в место, откуда надо было, чтобы достичь цели, обойти огромное болото, на что и ушел остаток дня. Тем не менее с этой новой позиции одна из его казачьих сотен осуществила хорошо продуманную контратаку. В это время русская пехота в панике отступала, бросая оружие. Вечером командующий поблагодарил Маннергейма по телефону. Контратака спасла армейский корпус от полнейшей катастрофы. Темнота помешала Маннергейму бросить в эту операцию большие силы и тем самым одержать победу. Наступило временное затишье.

В ноябре 1916 года дивизия Маннергейма предприняла семисоткилометровый марш-бросок на юг, по разбитым дорогам через разоренную страну, чтобы выйти к румынскому фронту. Румыния вступила в войну против Германии, которая в результате молниеносной военной операции оккупировала большую часть страны. Россия была вынуждена бросить на помощь целых 42 дивизии, все свои боеспособные резервы, как выражался Маннергейм, активно использовавший резервы. Пропускная способность железных дорог была далека от желаемой, поэтому и пришлось идти так долго. Маннергейм гордился, что во время марша они не потеряли ни одной лошади.

Маннергейм был представлен командующему 2-й румынской армией генералу Авареску. Поскольку ситуация несколько стабилизировалась,

Авареску предложил дивизии Маннергейма отдохнуть пару дней. Но в ту же ночь ей пришлось вступить в бой. Немцы атаковали железнодорожную станцию в Путне, которую обороняла румынская бригада полковника Стурдзы. Ее отдали под командование Маннергейма. Теперь он отвечал за участок длиной в 60 км. Немцы наступали вдоль четырех горных рек, пересекавших этот участок, стремясь выйти к долине Серет в пойме реки с тем же названием. Бои за станцию Путна были ожесточенные, войска Маннергейма терпели большие потери. Среди погибших был подполковник Богальди из Ахтырского гусарского полка, которого Маннергейм считал незаменимым. Немецкий натиск был столь силен, что на подкрепление сил союзников пришлось бросить две русские дивизии, четыре румынские и одну румынскую бригаду.

2 января 1917 года произошло нечто невероятное. Русская дивизия, находившаяся слева от Маннергейма, исчезла. Оставив свои позиции, она куда-то ушла, никого не поставив в известность. Заполнить образовавшуюся брешь не представлялось возможным, чем и воспользовались немцы. Неделю-две спустя Маннергейм узнал, что произошло. Командир дивизии сообщил своим войскам, что полностью потерял доверие к румынской армии и поэтому решил предоставить дивизию в распоряжение ближайшего русского армейского корпуса. Интересен приговор, вынесенный Маннергеймом. Генерал Крымов грубейшим образом нарушил правила ведения войны. Поскольку он ничего не сообщил о том, что намерен отвести дивизию, было невозможно даже попытаться исправить нанесенный ущерб. "И за подобное преступление уважаемый офицер Генерального штаба не понес никакого наказания". Ударение здесь лежит на словах "офицер Генерального штаба". Маннергейм никогда не упускал случая щелкнуть их по носу — эти несчастные офицеры ведь были теоретиками.

С этим Крымовым и генералом Врангелем Маннергейм в конце лета — начале осени 1917 года вел тайные переговоры о свержении Временного правительства.

Когда в сентябре немцы взяли Ригу, генерал Корнилов, назначенный главнокомандующим, потребовал восстановления порядка и дисциплины. Это был тот самый Корнилов, который в Ташкенте благословил Маннергейма в азиатскую экспедицию, а два года спустя в Пекине радовался его возвращению в цивилизацию. Керенский, недавно ставший премьер-министром, воспротивился этому. И Корнилов послал в Петербург две кавалерийские дивизии, чтобы арестовать Керенского и свергнуть правительство. Командиром одной из дивизий он назначил Крымова. Перо Маннергейма, повествующего об этом в своих мемуарах, источает яд. Нетрудно заметить смесь горечи и зависти в том, что он пишет о Крымове, которого "удостоили чести стать командующим в тот момент, когда он был готов выложить свой последний козырь. Керенский вызвал его в

Зимний, и Крымов отправился туда один. После бурного разговора, содержание которого, вероятно, останется тайной, генерал поехал к себе домой и застрелился. На следующий день главнокомандующего арестовали в его ставке в Могилеве, после чего была провозглашена республика".

Ненадежный однажды ненадежен всегда. Таким человеком был генерал Крымов. Маннергейм верил в судьбу, в то, что жизненный цикл каждого человека имеет свою структуру, свою неизменную, однозначную форму. Он в равной степени обладает силой и слабостью, которые проявляются как в целом, так и в частностях. Жизнь человека — это сам человек.

После месяца боев соединение Маннергейма было распущено для отдыха и переформирования. Его 12-я дивизия получила приказ передислоцироваться из Трансильванских Альп в Бессарабию, где сеновалы были забиты сеном и, значит, решался вопрос фуража. В конце января 1917 года дивизия расположилась неподалеку от Кишинева, столицы Бессарабии. Когда на одном обеде, устроенном новым командующим 4-й русской армии, хозяин начал ругать румынскую армию, хотя за столом сидел румынский офицер связи, Маннергейм, будучи человеком чести, возразил, сказав, что пусть румынские части, находившиеся под его началом, по своим боевым качествам и отличались от русских, но полковник Стурдза проявил такое мужество и владение тактикой, что он, Маннергейм, желал бы всем своим подчиненным отличаться схожими качествами. После чего поделился своими впечатлениями от румынских солдат. Однажды два немецких эскадрона отрезали Маннергейма с двумя ординарцами от его штаба, шквальным огнем заперев их на узкой горной тропинке на перевале между двумя крутыми скалами. Дорога через перевал была для них единственной. Их спас один хромоногий румынский офицер. Он с половиной спешившегося эскадрона атаковал немцев, отвлек их огонь на себя и дал тем самым Маннергейму и его людям возможность проскочить перед самым носом у противника. Маннергейм назвал действия румынского офицера героическими и достойными всяческой похвалы.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Маннергейм и русская революция

В марте 1917 года случай бросил Маннергейма прямо в вихрь русской буржуазной революции — в том месте и в тот момент, когда она началась. Счастливая находка для талантливого журналиста, каковым в ту пору оказался американец Джон Рид, удостоенный даже чести быть похороненным у Кремлевской стены. Работая над своими мемуарами, Маннергейм тоже оценил эту прихоть судьбы. Глава, посвященная событиям тех дней, изобилует гораздо большим количеством подробностей, чем какая-либо другая.

В конце января 1917 года Маннергейм отправился в Финляндию в отпуск. Добравшись до Петербурга, он решил съездить в Царское Село повидаться с императором — будучи офицером царской свиты, он имел на это право и никогда не упускал возможности им воспользоваться. Даже после войны он навещал императрицу-мать, поселившуюся в Дании, а в Париже посещал тогдашнего главу дома Романовых великого князя Николая.

В тот день, когда Маннергейм прибыл в Царское Село, император дал согласие принять лишь двух человек. Маннергейму аудиенция была дана незамедлительно. Царская семья против всех ожиданий жила довольно изолированной, повседневной жизнью, как только предоставлялась такая возможность, — в Царском она была. Маннергейм предполагал, что царю, всегда интересующемуся опытом и знаниями других людей, будет особенно любопытно послушать о событиях на далеком и не похожем на другие румынском фронте, тем более что еще никто — как думал Маннергейм — не успел ему об этом рассказать.

Он начал свой рассказ о ситуации в Румынии.

Царь слушал явно рассеянно.

По окончании аудиенции Маннергейм поинтересовался у флигель-адъютанта, принимает ли царица. Царица была больна. Но Маннергейм все же счел своим долгом проявить к ней внимание и попросил сообщить царице, что просит аудиенции. Царица ответила, что будет рада увидеть его завтра.

Таким образом, два дня Маннергейм потратил на эти формальности, проявляя странное усердие. Может быть, вспомнил старинную поговорку — с глаз долой — из сердца вон. Император был формально его главнокомандующим, обладавшим властью повышать в чине своих генералов, давать им новые поручения и назначать их на любую должность. Но у Маннергейма не было ни просьб, ни предложений, собственно, никакого дела. Возможно, он надеялся на новое задание, был готов защищать

царя, попытаться спасти его, поскольку говорил об этом после начала революции.

Императрица выглядела изможденной, волосы у нее поседели. Но на сей раз, отбросив свою обычную сдержанность и холодность, она проявила живейший интерес к гостю. Цесаревич, этот красивый, избалованный мальчик, больной гемофилией, которому недавно исполнилось десять лет, с большим вниманием слушал рассказ Маннергейма, наверняка тщательно продуманный, о румынском фронте. Когда он в какой-то связи с похвалой отозвался о румынском полковнике Стурдза, императрица прервала его вопросом: "Не тот ли это Стурдза, который, по слухам, перешел на сторону врага?"

Маннергейм ответил, что он всего лишь две недели назад уехал с фронта и никак не может поверить подобным слухам. Полковник Стурдза просто не способен совершить такой поступок — Маннергейм готов дать руку на отсечение.

Императрица на это ничего не сказала, вдаваться в дискуссию со своим подданным не стала и не подумала отдать приказ выяснить этот вопрос. Она чувствительно щелкнула его по носу — императрица лучше знала о событиях в Румынии, чем Маннергейм, который рассказывал о них так, словно перед ним сидел человек, не имеющий ни малейшего представления об этой стране.

Только вернувшись в гостиницу, Маннергейм узнал, что Стурдза стал перебежчиком и с самолета сбрасывал листовки, призывавшие румынские войска переходить на сторону немцев.

Маннергейм один раз пожалавры в Царском Селе, когда столь живописно повествовал о своей азиатской экспедиции, что царь забыл о времени, и аудиенция продолжалась в три раза дольше положенного. Похоже, ему захотелось повторить успех. Но события на румынском фронте в тот момент не имели решающего значения и не могли развеять подавленного состояния хозяев, которые наверняка прекрасно осознавали, что их час вот-вот пробьет и что грядут тяжелые времена. Судя по мемуарам, Маннергейму даже в голову не пришло, что время и место были выбраны им неудачно и его рассказ несколько не интересовал слушателей. На самом деле императрица одной-единственной фразой перечеркнула всю его историю. Но, кажется, и этого Маннергейм не заметил. Он был приверженец формы. А в это время мир вокруг него терял и формы, и нормы.

В Петербурге Маннергейм успел отметить, что царя критикуют открыто. Народ устал от войны, экономика находилась в состоянии полного хаоса, транспортная система развалилась. Даже разменная монета была в дефиците. От жестоких морозов замерзли тысячи паровозных котлов, на станциях скопились десятки тысяч вагонов. В столице не было ни хлеба, ни топлива. Во Франции революционный взрыв произошел тогда, когда

жизнь столицы оказалась парализованной. Так случилось и в России. Причины, конечно, кроются глубже, но именно полная безнадежность и паника вывели людей на улицы и площади, чтобы смести государство, которое ни на что не годилось.

23 февраля 1917 года Маннергейм уехал, как и планировал, в Финляндию.

В Гельсингфорсе он встретился с сестрой Софи и сводной сестрой Маргерит. Пробыв в Финляндии две недели, Маннергейм 9 марта выехал на фронт. На следующий день он прибыл в Петербург, где поселился в гостинице "Европейская". Вечером в воскресенье 11 марта 1917 года он смотрел балет в Оперном театре. Днем в центре города было беспокойно, слышались выстрелы — солдаты по приказу императора пытались навести порядок. Народ грабил продовольственные магазины. В Оперу Маннергейм пошел по годовому абонементу своего друга. Рядом с ним в зале оказался его давний знакомец, государственный нотариус Хольм, благообразный старичок, помогавший офицерам в вексельных операциях. Маннергейм спросил его, не согласится ли тот перевести свой годовой абонемент на него, Маннергейма, в случае, если он, Хольм, умрет первым. У Хольма не было ни семьи, ни родных, о чем Маннергейм знал. Тот весьма вежливо согласился. Трагикомизм ситуации усиливался, естественно, тем, что Маннергейм отправлялся на фронт, где смерть поджидала на каждом шагу.

Когда Маннергейм вышел из Императорского оперного театра, город как будто вымер, транспорт исчез. Невозможно было раздобыть ни автомобиля, ни извозчика. Бывший приятель Маннергейма по полку предложил в своем автомобиле довезти его до гостиницы. На Большой Морской и на Невском были расставлены вооруженные посты. В ресторане гостиницы Маннергейм столкнулся со своим другом, директором компании Нобелей, Эммануэлем Нобелем. По предложению Нобеля, они пошли в находившийся неподалеку клуб, где обычно собирались депутаты Думы. В клубе было пусто. Швейцар сказал, что за целый день сюда никто не заходил. Они пошли дальше, заглянули в контору компании, где узнали, что беспорядки уже охватили центр города, и вернулись в гостиницу.

Собственно революция началась на следующий день. Шесть полков, из них один казачий, считавшийся абсолютно надежным, по слухам, перешли на сторону восставших. Уже утром в центре разыгрались настоящие бои. Восставшие захватили несколько тюрем и выпустили на свободу заключенных, разграбили и потом подожгли склад с оружием. Была устроена настоящая охота на жандармов, городских и генералов, которых расстреливали на месте. Военного коменданта Петербурга повесили.

Утром Маннергейм из окна своего номера на четвертом этаже наблюдал за беспорядочной толпой на улице. Перед гостиницей толклись вооруженные солдаты и штатские. Кто-то заметил Маннергейма — на нем

был генеральский мундир. Толла устремилась в гостиницу. Швейцар кинулся наверх, чтобы предупредить постояльца и показать ему, как можно выйти черным ходом. Маннергейм успел сказать ординарцу, что уходит и постарается позвонить попозже. Он предусмотрительно надел шубу, не имевшую знаков различия, и снял шпоры.

Он пошел той же дорогой, что и прошлым вечером, в контору Нобеля на Екатерининском канале. Карл Васильевич Хагелин рассказывает в дневнике, что Эммануэль Нобель послал одного из своих людей за гражданским платьем для Маннергейма, в которое тот и переоделся. Об этом Маннергейм в мемуарах не упоминает, как не приводит свои слова: "Мне бы только попасть на Выборгскую, и все образуется". Он отправился туда в обществе Эммануэля Нобеля и французского корреспондента нефтяной компании Эжена Бо, во дворец семьи Нобелей, расположенный на противоположном берегу Невы.

По пути троица в ужасе остановилась у сгоревшего здания полицейского участка. Из бесновавшейся там толпы раздались выкрики: "Этот вот — переодетый офицер!"

По свидетельству Хагелина, Маннергейм и его спутники сделали попытку перейти Марсово поле. На поддороге их нагнал какой-то солдат, который сказал:

— Один из вас — офицер.

— Совершенно верно, я — офицер, — подтвердил француз, доставая свой военный паспорт. Он воевал на западном фронте и лишь недавно вернулся на работу в Россию. Солдат отдал честь и удалился.

На мосту через Неву один внимательный гражданин, подойдя к Маннергейму, положил руку ему на плечо и велел проходившему мимо солдатскому патрулю проверить документы у задержанных им троих граждан. Бумаги француза были в полном порядке. Нобель сказал, что его документы остались дома, а Маннергейм объяснил, что только сегодня утром приехал из Финляндии и его бумаги лежат в чемодане в камере хранения Финляндского вокзала. Начальник патруля не имел никакого желания ехать с Маннергеймом на вокзал и отпустил троицу.

Жилище Нобеля располагалось рядом с их заводом, поэтому Маннергейм не хотел задерживаться у него — рабочие могли устроить беспорядки, узнав, что в доме находится генерал. Он дождался вечера и перебрался к финляндскому лейтенанту Селину, жившему поблизости. Селин при какой-то встрече с Маннергеймом пригласил генерала к себе, если тому не удастся найти гостиницу. Сводный брат Эммануэля Нобеля Эмиль вывел Маннергейма из заводского района на улицу. Повсюду горели костры, возле которых грелись люди. Разъезжали набитые солдатами, штатскими и "распутными" женщинами грузовики, украшенные красными флагами. Небо над городом полыхало заревом пожаров. Гремели выстрелы.

В прихожей Селина Маннергейм столкнулся со своим зятем Микаэлем Грипенбергом, только что прибывшим из Гельсингфорса. Вскоре пришел и хозяин в обществе отставного генерала Лоде, который тоже приехал из Финляндии, но чуть раньше, и жил у Селина.

Во вторник 13 марта в квартиру с проверкой явился солдатский патруль — они утверждали, что здесь проживает генерал. Селин не стал отрицать, сказав, что это отставной генерал Лоде. Солдаты начали обыскивать квартиру. Маннергейм в халате сидел в прихожей и разговаривал по телефону, пытаясь связаться с ординарцем, оставшимся в гостинице. Солдаты заметили, что он в сапогах, на которых видны следы от шпор. Маннергейм объяснил, что он из Финляндии и до смерти рад, что ему вообще посчастливилось достать пару сапог в такой мороз. Солдаты поверили ему и ушли.

Назавтра Маннергейм все-таки сумел связаться со своим ординарцем, который приехал за ним на автомобиле и отвез в гостиницу. В гостиницу был назначен комендант, имевший в своем распоряжении солдат, призванных защищать постояльцев. Кроме того, комендант имел право выписывать удостоверения личности, служившие в качестве пропуска. Революция полным ходом наводила свои порядки.

Ординарцу удалось получить для Маннергейма разрешение на отъезд в Москву и место в спальном вагоне в поезде, отправлявшемся в тот же день, вечером 14 марта.

Приехав на следующий день в Москву, Маннергейм стал свидетелем начала революционных событий и в этом городе, в котором вскоре запестреют красные флаги и потянутся бесконечные демонстрации. Одну из первых он наблюдал, сидя в санях возле Брестского вокзала. Демонстрация шла по той же улице, что коронационная процессия императора двадцать один год назад, но в противоположном направлении. В тот же день 15 марта Маннергейм узнал об отречении императора в пользу своего брата, великого князя Михаила, что вселило в генерала некоторую надежду. Однако через два дня Михаил тоже объявил о своем отречении. Маннергейм все еще находился в Москве. Пообедав где-то за городом, он поехал на вокзал и сел в поезд. И в Киеве, следующем городе на его пути, бушевала революция. На шее статуи Столыпина, убитого царского министра, болтался красный галстук. Маннергейм ехал по гребню штормовой революционной волны.

Император, отрекшись 15 марта от престола от своего имени и от имени сына, передал власть Временному правительству и будущему Учредительному собранию, в задачу которого входило принятие конституции. Следовательно, для сторонников царя новое буржуазное правительство, назначенное Думой, было вполне законным. Однако Маннергейм не умел мыслить такими категориями. Современные идеи его нисколько не трогали, он не имел о них ни малейшего представления и не желал в них

вникать. Он цеплялся за старое, за вчерашний день, считая, что его долг оставаться верным присяге, принесенной им царю. Он был закован в маннергеймовскую броню, твердый панцирь, цитируя письмо, недавно полученное им от княгини Любомирской. Эта мудрая женщина говорила о нежелании Маннергейма любить и оказаться опаленным любовью. Но он оказался опаленным революцией. Это было для него тяжелой травмой, заставившей его еще враждебнее относиться и к революции, и к возникшему в результате ее государству, с которым он так никогда и не сумел примириться.

Маннергейм переживал революцию по другую сторону баррикад. Для нее он был смертельным врагом и чуть было не стал одной из ее первых жертв. Он и не пытался понять революцию, как-то исправить сложившееся у него отрицательное представление о ней. В Финляндии даже самые закоренелые бюргеры вышли на улицы праздновать с красными бантами в петлице. Маннергейм этого не видел. Когда он приехал туда девять месяцев спустя, бюргеры давно уже посрывали с себя красные банты.

29 марта Маннергейм был в своем штабе. Армия присягнула Временному правительству. В одном из писем Маннергейм писал, что это глубоко возмутило его офицеров и солдат. Петербургский гарнизон, нарушив присягу, привел к власти правительство, которое теперь тоже требовало от них присяги. Маннергейм считал это ошибкой, такое правительство не имело на это права. Сегодня оно сидит у власти, а завтра будет сметено рабочими и солдатами. Правительство-однодневка не полномочно привязывать к себе людей на длительный период.

В мемуарах Маннергейм утверждает, что сразу же по прибытии на фронт связался с командующим русскими войсками в Румынии генералом Захаровым и призвал его возглавить движение сопротивления. По мнению генерала, время еще не созрело.

Прошла неделя или две. В одном из писем Маннергейм говорил, что людей, как ему кажется, превратили в безвольных кукол, предоставили на милость судьбы, и поэтому их бросает из стороны в сторону. Он начинает сомневаться, что обещанное гражданам царство свободы, справедливости и равенства когда-нибудь будет построено. Все изменилось. Даже люди. Маннергейму было трудно переварить большевистский фарс. Дисциплина в войсках падала, все чаще политики вмешивались в военные действия.

В свое время уход отца из дома привел к развалу семьи и смерти матери, к тому, что детей разбросало в разные стороны, к бедности и зыбкости существования. Сейчас происходило то же самое. Были подорваны надежнейшие основы жизни. Очевидно, катастрофа, случившаяся в детстве, не прошла для Маннергейма бесследно, потому-то он с самого начала и занял такую резко отрицательную и агрессивную позицию по отношению к революции.

Маннергейм не принес присяги Временному правительству. Он не принял участия в торжествах, сославшись на неотложные дела, больше того — немедленно предложил восстать против этого правительства. Похоже, у него и в мыслях не было, что для Финляндии революция могла означать начало новой эры, как это и произошло.

Когда одна из дивизий Маннергейма отказалась спускаться в траншеи, он приказал артиллерии открыть огонь. Хватило двух снарядов, чтобы солдаты послушались и заняли позиции.

В мае 1917 года Маннергейму присвоили чин генерал-лейтенанта — приказом, со старшинством с 1915 года, — и назначили командиром 6-го кавалерийского корпуса. Одна из трех дивизий, входивших в корпус, была его собственная, 12-я. В связи с этим он издал приказ по дивизии — ведь в каком-то смысле он ее покидал. По своему содержанию приказ поразительно во многом совпадает с самым известным из всех приказов Маннергейма — тем, что он издал после окончания Зимней войны, и включает в себя перечисление географических названий и описаний природы, совместно пройденных дорог: "Сражаясь не на жизнь, а на смерть на равнинах Галиции, в болотах Волыни, на берегах Днестра и Прута, в бескрайних горных районах Румынии, среди снегов и под палящим солнцем, дивизионные полки и батареи своей кровью и беззаветной храбростью добыли новые лавры в венок своей бессмертной славы".

Армейский корпус Маннергейма не участвовал в большом летнем наступлении. Войска как бы отдыхали, и Маннергейм получил возможность получше изучить задние позиции и вообще составить более полную картину страны. В Буковине он посетил конезавод Радданца, где пока еще не было лошадей. Познакомился с широкой дельтой Дуная, знаменитой своими камышами и пеликанами. Осмотрел многочисленные немецкие колонии, обратив внимание на прекрасные дома, чистые улицы и крепостные стены. С радостью отметил, что ничто не мешает местной молодежи служить в рядах русской армии.

В июле 1917 года 12-ю дивизию, которая, как и ее бывший командир, лучше других уберечь от революционной заразы, послали в Одессу наводить порядок. Дивизия выполнила задание самым надежным и простым способом — уничтожив винный склад. Шампанское из сотен разбитых бутылок текло пенистой рекой.

20 августа 1917 года Маннергейм увидел чудо — маленький городок на севере Румынии без малейших признаков войны. Единственные шинели были на нем самом и его адъютанте. Впервые за три года он провел несколько часов в мире без войны. Радости его не было предела. Маннергейм обладал исключительной способностью воспринимать местность как единое целое, включая все свои органы чувств, — искусство, которому еще не придумали названия.

Маннергейм навел командующего армией генерала Лавра Корнилова. Тот как раз держал пламенную речь перед солдатами о необходимости дисциплины, а в конце поклонился и сказал:

— Все теперь зависит от вас, братцы. В ваших руках власть.

Российским офицерам больше нечего делать в армии, констатировал Маннергейм.

В войсках Маннергейма дисциплина по-прежнему соблюдалась. День его 50-летия, 4 июня 1917 года, корпус отметил парадом и традиционными празднествами. В то же время зрел заговор. Однажды, когда Маннергейм обедал со своим штабом, ему принесли послание. Он незаметно выскользнул из-за стола — встретиться с Врангелем и Крымовым, генералами-единомышленниками. На этой тайной встрече они говорили о походе на Петербург для восстановления порядка, но пришли к выводу, что это невозможно, так как транспорт и связь находились целиком в руках революционеров. Без железных дорог, телеграфа и телефона бесполезно даже пытаться что-то сделать.

Маннергейма спасала его уверенность в себе. Один из его подчиненных рассказывал, что Маннергейм каждое утро в сопровождении двух ординарцев куда-то отправлялся. Им приходилось проезжать деревни и лагеря, где бродили беспорядочные толпы забывших о дисциплине пехотинцев. Маннергейм ехал с каменным лицом, ни один мускул у него не шевелился. И это производило впечатление. Солдаты становились во фронт и начинали ворчать, только когда он скрывался из виду.

В одном из эскадронов появились все-таки признаки непослушания. У каждого эскадрона был свой ангел-хранитель, и день ангела по традиции отмечался празднеством. Этот же эскадрон наплевал на традицию. Маннергейм спустился в траншею, собрал людей и повел в лес, где обратился к ним с речью.

— Драгуны, сегодня ваш праздник. Я поздравляю вас, но среди вас нет одного человека, вашего командира, который так часто храбро водил вас в бой и всегда был вам вместо отца. Вы забыли подарки, которые он подарил вам к эскадронному празднику? Вы проявили к нему неуважение, и сегодня, в этот торжественный день, вам следует послать ему телеграмму и попросить извинения.

Драгуны арестовали своего командира за то, что он произнес монархическую речь, и отвезли в Кишинев, где все еще держали его под арестом.

Телеграмма была отправлена.

Когда в корпус приехал новый комиссар армии, Маннергейм, поздоровавшись с ним, сразу же исчез, поручив одному из своих подчиненных позаботиться о госте. Этому подчиненному Маннергейм с гримасой отворачивания сказал, что генерал этот предал армию и перешел на сторону большевиков исключительно ради своей выгоды. Немного позже Маннергейм с комиссаром отправились в драгунский полк, чтобы погово-

рить с людьми из эскадрона, арестовавшими своего командира. Маннергейм приказал уволить виновных, и один из унтер-офицеров отвел их в штаб полка. В эскадроне им больше места нет. Однако комиссар разрешил им вернуться после отбытия наказания. Это было уже слишком, последняя капля, переполнившая чашу терпения Маннергейма. У него появилось чувство, что пора подавать в отставку.

Наконец комиссар собрался уезжать. В машине ему пришлось из-за травмы ноги занять лежачее положение. Маннергейм появился, только чтобы коротко попрощаться. Прощание получилось холодным.

Армейский совет послал к Маннергейму своих представителей на переговоры. Генерал приказал до их прибытия убрать из кабинета все стулья, кроме его собственного, — таким образом, ему не нужно было просить их садиться.

Маннергейму не удалось защитить своего офицера, уже упоминавшегося командира эскадрона. Он чувствовал себя бессильным, ненужным, оскорбленным. Это чувство вызвало реакцию или укрепило ее — он принял вызов с презрением и ненавистью. Вскоре после этого эпизода резвый конь Маннергейма поскользнулся и упал в яму. Седок отлетел в сторону и так сильно повредил ногу, что ему был прописан постельный режим месяца на два. Маннергейм получил разрешение уехать в Одессу лечить ногу. 25 сентября 1917 года из штаба 8-й армии пришла телеграмма. Его переводили в резерв в Одесский военный округ, поскольку он не сумел приспособиться к существующим порядкам.

Маннергейм был обижен и оскорблен. Одному из своих подчиненных, уехавшему в Москву в краткосрочный отпуск, он писал, что ему предложили две возможности: отказаться от должности или восстановить свое доброе имя. Последнее означало, что он должен завоевать доверие новой власти, а это в глазах Маннергейма было бы как раз полной потерей доброго имени.

Когда большевики в начале ноября по новому стилю захватили власть, Маннергейм немедленно собрал знакомых ему офицеров и призвал их начать борьбу. Но все были словно в параличе, дрожали от страха.

Маннергейм пробыл в Одессе до 3 декабря. Жил в удобной гостинице "Лондон". Из-за забастовки портных он не смог сшить себе цивильного платья, а поскольку сапожники тоже бастовали, ему пришлось остаться в сапогах. Зато он раздобыл шляпу и галстук. Носить готовую одежду, не говоря уж о том, чтобы купить что-то с чужого плеча, для Маннергейма было делом невыслышимым.

Отъезд откладывался — Маннергейм ждал окончания забастовок. Но ожидания оказались напрасными, и ему пришлось ехать в своем опасном генеральском мундире. По первоначальному плану отъезд в Финляндию был намечен на 10 ноября, следовательно, Маннергейм зря прождал три

недели. По его расчетам, приехав в Гельсингфорс в гражданском платье, он сумел бы раствориться в толпе. Судя по всему, это ему удалось уже в Петербурге.

Нога практически зажала, но травма послужила Маннергейму хорошим предлогом, чтобы достать разрешение на выезд в Петербург — мол, ему требуется лечение, которое возможно только там. Он получил разрешение и для своего денщика Карпатьева. Маннергейм нанес прощальный визит в штаб своего армейского корпуса, а в последний вечер Ахтырский гусарский полк устроил в его честь обед.

Маннергейм сколотил вокруг себя небольшой круг людей, им лично отобранных, которые хотели уехать вместе с ним. Это была очевидная мера предосторожности. Туда входили две англичанки — сестры милосердия из Красного Креста, английский морской адъютант, три врача из Румынии, Карпатьев и молодой Мартин Франк, доброволец из Финляндии, взятый Маннергеймом под свою опеку.

В Красном Кресте Маннергейм раздобыл в собственное пользование целый вагон, снабженный отчетливыми эмблемами. 3 декабря 1917 года общество выехало из Одессы и достигло Петербурга, цели своего путешествия, 11 декабря.

Во время этой поездки жизнь Маннергейма была отдана на волю случая. Его рослая, внушительная фигура, бесстрашие и умение владеть собой, авторитет, который он излучал, производили впечатление на незнакомых ему солдат. Он был аристократ и не пытался этого скрывать. Это забавно проявилось по прибытии в Петербург. Как офицеру ему не пристало что-то нести в руках, поэтому он стал искать носильщиков. Вокзал был битком набит бездельничавшими солдатами. Маннергейм увидел генералов, которые сами тащили свои чемоданы, что в его глазах было полным падением. И он нашел двух солдат, с радостью согласившихся за деньги поднести его багаж.

На одной станции произошел опасный инцидент. Личный вагон Маннергейма настолько раздражал и солдат и штатских, что его объявили непригодным и отказались цеплять к составу. Маннергейм не сдавался. В это время в вагон ворвалась толпа горящих революционным рвением солдат. Они схватили Маннергейма с намерением вытащить его на перрон. Расстрел офицеров на станциях стал обычным явлением. Маннергейм не пошевелил и пальцем, чтобы защититься или начать драку. Он отдал Франку приказ очистить вагон. Юноша, словно не видя и не слыша этой вооруженной толпы, выхватил из ножен саблю и заорал, веля солдатам, людям, которые давно перестали слушаться чьих-либо приказов, освободить вагон. В этой ситуации Франк наверняка действовал чисто рефлекторно. В тот же момент состав дернулся, и солдаты поспешили вон. Если бы Маннергейм вступил с ними в драку или попытался спастись бегством, смерти ему было бы не избежать.

В столице Маннергейм поселился в знакомой ему гостинице "Европейская". Получив в статс-секретариате Финляндии справку о финляндском гражданстве, он отправил ее вместе с рапортом об отставке в Генеральный штаб. В рапорте он просил вычеркнуть его из армейских списков²⁴. Поскольку Финляндия стала теперь независимой, ему невозможно числиться в реестрах русской армии. Паспорта статс-секретариат выдать ему не мог. Разрешение на выезд выдавалось большевиками. Они держали под контролем все въезды и выезды. Маннергейм сумел раздобыть только бумагу, которая удостоверяла, что он — гражданин Финляндии, направляющийся на родину. Единственным удостоверением личности у него было командировочное предписание из Одессы в Петербург. Генеральный штаб не имел полномочий ему помогать. У большевиков он сам отказывался что-то просить, не хотел иметь с ними никакого дела.

Патрульные солдаты на Финляндском вокзале, которым Маннергейм предъявил свое командировочное удостоверение, оказались ингерманландцами, не умеющими читать по-русски. Маннергейм сказал, что он финляндец, объяснил ситуацию. Говорил он по-фински, хотя практически не владел этим языком, если не считать нескольких слов, говорившихся с ужасающим произношением. Абсурдное положение трудно себе представить. Единственно, в чем нуждался Маннергейм, так это в капелке везения, и удача не подвела его и на этот раз, как не подводила в течение всей революции.

Для хорошего солдата везение — естественная необходимость. Такова была жизненная философия Маннергейма.

Попутчиком Маннергейма оказался Хуго Бакманссон, случайно встреченный им на вокзале. По дороге к паспортному контролю им пришлось пройти через станционный зал, набитый революционерами. По свидетельству Бакманссона, одетого, очевидно, в военную форму, они говорили по-русски, чтобы все думали, будто он русский офицер.

Маннергейм сел в поезд и уехал в Гельсингфорс, напрямик в историю Финляндии и мира. Когда он сошел на перрон гельсингфорсского вокзала, история уже началась.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА

Нужный человек в нужном месте в нужный момент

18 декабря 1917 года. В Гельсингфорсе стоит серая, дождливая погода. Сюда, в столицу Финляндии, двенадцатью днями раньше провозгласившей свою независимость, из Петербурга прибыл ночным поездом бывший генерал-лейтенант русской армии Карл Густав Эмиль Маннергейм. Он был в гражданском костюме, который ему удалось раздобыть в Петербурге. Мало кто в Финляндии знал его или просто слышал о нем. Маннергейма сопровождал его денщик, улан Карпатьев, украинец из областей, принадлежавших Польше, который однажды на фронте спас жизнь своему господину. Верность Карпатьева была настолько велика, что он не только последовал за своим начальником в гражданском платье, но и решил поехать с ним в чужую страну, где говорили на двух, совершенно незнакомых ему языках. Оказавшийся в том же поезде художник и царский офицер Баккманссон рассказал Маннергейму, что финский сенат принял решение создать оборонительную гвардию²⁵. Он не понимал, как это возможно, поскольку красные кишат повсюду.

— Гвардия будет создана на восточной границе, в Торнео, после чего мы отвоюем нашу страну обратно, часть за частью, — ответил Маннергейм.

С вокзала генерал Маннергейм отправился к своей сводной сестре Маргерит Грипенберг и ее мужу. Грипенберги обрадовались гостю, но они буквально столкнулись в дверях — супруги отправлялись в Стокгольм. Генерал был в хорошем настроении, что может показаться совершенно необъяснимым, если вспомнить, что начиная с марта его жизнь все время висела на волоске.

В Гельсингфорсе жила и старшая сестра генерала, Софи. Из многочисленных детей в этой семье трое уже умерли, двое жили в Швеции. Софи работала старшей сестрой милосердия в Хирургическом госпитале и была непререкаемой главой всей гильдии сестер милосердия в Финляндии. Прибытие брата доставило ей большую радость. Точно так же, как генерал был любимчиком отца, Софи была его любимицей. Остальные дети не смогли забыть и простить отцу те унижения и позор, которые он навлек на семью своим уходом. Софи приветствовала брата, проведшего более тридцати лет в чужой стране, брата, который видел и роскошь и нищету, который пережил разнообразные приключения в двух частях света и который теперь потерял все: жену, детей, службу, пенсию, молодость и практически здоровье. Он уже больше десяти лет страдал такой тяжелой формой ревматизма, что порой терял способность работать.

Тем не менее Густав, как его звали в семейном кругу, был, по мнению Софи, единственным человеком, с которым Финляндия могла связывать свои надежды на будущее. В ее глазах он уже был спасителем страны.

Софи связала брата с егерями-активистами. Они собирались с оружием в руках освободить Финляндию от русского ига и сумели создать финский егерский батальон в составе немецкой армии. В данное время этот батальон находился в Латвии, где большинство личного состава получало офицерское и унтер-офицерское образование. Обучение велось уже несколько лет. Батальон ставил своей целью освобождение Финляндии. Но хотя он считал, что способен самостоятельно справиться с задачей, сил у него было явно недостаточно. На самом деле истинная цель состояла в том, чтобы вовлечь в выполнение этой задачи Германию. Но это было лишь самонадеянностью. В рамках германских планов один батальон не имел никакого значения. Германская армия уже потеряла не меньше тысячи батальонов.

В последний день старого года двоюродный брат Маннергейма с материнской стороны, известный промышленник Якоб фон Юлин, случайно столкнулся на Сенатской площади с Карлом Энkelлем, чиновником Министерства иностранных дел нарождающейся Финляндии. Фон Юлин сказал Энkelлю, что им обязательно надо найти место для Маннергейма, который вернулся из России и нуждался в работе. Маннергейм еще в детстве и молодости причинил Юлиным столько хлопот и расходов, что беспокойство и забота о нем, похоже, вошли в кровь и плоть этой семьи.

В неделю между Рождеством и Новым годом Маннергейм, человек мужественный, вновь отправился в Петербург, этот адский котел. Он хотел лично узнать, как развиваются события. Он встретился с графиней Бетси Шуваловой, умной и красивой аристократкой, намного старше его самого. Лет десять назад в Петербурге поговаривали об их возможном церковном или гражданском браке — в ту пору графиня овдовела, а жена Маннергейма сбежала от мужа и детей сначала на Дальний Восток, а потом, вернувшись ненадолго домой, забрала детей и уехала в Париж.

В Петербурге Маннергейм увиделся также и с главой французской военной миссии генералом Нисселем. Тот оценил ситуацию в Финляндии как серьезную. В стране было 100 000 красноармейцев. Именно в связи с этим Маннергейм попросил Нисселя устроить так, чтобы белофинны смогли купить оружие из тех огромных запасов, которые французы отправили в Мурманск. Затем оружие на оленях или лошадях должно было быть доставлено в Финляндию. Ниссель благосклонно отнесся к этой просьбе и обещал телеграфировать в Париж. Маннергейм спешил в Гельсингфорс, поэтому он не мог остаться и дожидаться ответа.

Ниссель сказал, что ответ будет передан через его представителя в Гельсингфорсе. Дело не выгорело. Маннергейму следовало бы это предвидеть. Финляндцы сочли, что просить Францию о военной помощи не

соответствует интересам Финляндии, поскольку такую помощь они уже получили от Германии и надеялись на дополнительную военную поддержку. Попытка Маннергейма шла вразрез с внешней политикой, проводившейся премьер-министром Свинхувудом и сенатом. Фактически действия Маннергейма даже противоречили намерениям сената. Таким образом, этот конфликт, продолжавшийся подспудно в течение всей освободительной войны, а после ее окончания ставший настолько неприемлемым, что Маннергейм был вынужден отступить, начался еще до того, как скрестились пути Маннергейма и правительства.

Военный комитет

В Гельсингфорсе регулярно собирался Военный комитет, состоявший из финских офицеров. Собственноручно и в силу своих полномочий он планировал и организовывал состояние мобилизационной готовности в стране. Маннергейма рекомендовали в состав комитета, но его членам было известно отрицательное отношение генерала к немцам, и они не верили в его способность переменить свою точку зрения столь коренным образом. Тем не менее вопрос был рассмотрен, и комитет единогласно поддержал кандидатуру Маннергейма, узнав, что Маннергейм — прекрасный фронтовой командир.

Два члена комитета отправились в гостиницу “Кемп” поговорить с Маннергеймом. Он попросил предоставить ему информацию, после чего пришел на заседание, проходившее в Дворянском собрании. Он был принят в комитет 7 января 1918 года. В тот день сенат признал комитет государственным органом, что придало ему официальный статус. Два дня спустя Маннергейм нанес визит Карлу Энкеллю в здании сената. Маннергейм попросил сенат достать оружие и ускорить возвращение егерского батальона в Финляндию.

На третьем по счету заседании комитета с участием Маннергейма рассматривалось сообщение одного из командиров шюцкоров. Он хотел занять береговой форт русских и захватить их склад оружия. Предложение было встречено молчанием, и после минутной паузы решили отложить решение этого вопроса до следующего заседания. Затем началась оживленная дискуссия по поводу каких-то незначительных вопросов кредитования. Каждый рвался высказать свою точку зрения. После чего председатель закрыл заседание. Тогда Маннергейм в нарушение правил попросил слова и, поблагодарив за доверие, объявил о своем выходе из комитета. Он реконструировал ход только что завершившихся дебатов и подчеркнул, что уже сам факт проведения трех заседаний в трех разных местах доказывает бессилие комитета. Его членов могут задержать в любой момент. Если у господ есть возможность уехать сегодня же на север

ночным поездом, надо поторопиться. Прибыв на место, где они намерены организовать штаб будущей армии, они должны немедленно приступить за дело. Если господа не сумеют уехать сегодня, следует уехать самое позднее завтра.

Все пришли в замешательство, председатель был оскорблен. Маннергейма и председателя попросили завтра представить в письменном виде предложение относительно необходимых мер. Маннергейм закурил сигару и удалился. У него и в мыслях не было писать какие-то предложения.

На следующий день несколько членов комитета явились к Маннергейму за предложением. Такового у него не оказалось. Гости сказали, что председатель Шарпентьер написал свое. Его содержание точно соответствовало тому, что Маннергейм изложил на предыдущем заседании. В конце своего меморандума Шарпентьер заявил о сложении с себя полномочий председателя. После того как Маннергейм вошел в комитет, положение Шарпентьера стало невыносимым, исчезло согласие и с ним возможности дальнейшего сотрудничества. Услышав это, Маннергейм возмутился и в свою очередь сказал, что оскорблен до глубины души. Это возмущение явственно проступает в его мемуарах.

Присутствовавшие при сем члены комитета тут же попросили Маннергейма взять на себя обязанности председателя. Маннергейм поспешил их заверить, что он всегда полностью подчинялся руководству Шарпентьера. Об этом он неоднократно говорил и раньше.

Члены комитета повторили свою просьбу, сославшись на разговор с премьер-министром Свинхувудом о возможном назначении Маннергейма на этот пост. Свинхувуд уверил их, что сенат готов принять такое решение.

Таким образом, члены Военного комитета поставили Маннергейма, казалось бы, перед свершившимся фактом. Но он сумел обойти и эту ловушку. Он сообщил, что желает лично обсудить этот вопрос со Свинхувудом и услышать, как сенат оценивает ситуацию в целом.

В один миг Маннергейм взлетел настолько высоко, что обсуждал разные вопросы уже не с членами комитета, а с самим правительством страны.

Поведение Маннергейма отличалось весьма продуманной тактикой и в то же время было глубоко человеческим. Чувствительный, словно мимоза, он остерегался прямых прикосновений. Умело маневрируя, он освободился от отношений, которые стали статичными и застревали в разных инстанциях, комитетах и правлениях. Теперь он диктовал им новые условия и занял свое прежнее место, как будто ничего не произошло. Сослуживцы оказались у него в подчинении, коллегия превратилась в канцелярию или штаб командующего, у фирмы появился новый исполнительный директор, который оздоровил ее и заставил работать и действовать. Вначале Маннергейм был единственным, кто работал. Остальные лишь толпились вокруг него, слепо следуя его примеру.

Военному комитету не хватало ни четкого плана работы, ни смелости или способности перейти к вооруженной борьбе. Еще раньше, осенью Игнациус выдвинул идею о том, чтобы немецкие подводные лодки потопили военные корабли в порту Гельсингфорса, — там зимовала большая часть русского Балтийского флота, так как в прибалтийских портах он рисковал стать добычей немецких сухопутных сил. Гельсингфорс был отдан на милость Свеаборгской крепости и тяжелой артиллерии Балтийского флота. Страх перед пушками подавлял всякую инициативу. У Маннергейма в голове уже сложился план действий, и он спешил его осуществить. Еще в конце лета он, будучи на юге Украины и в Буковине, вместе с русскими генералами разрабатывал эту идею. Из генералов он хорошо знал Врангеля, Каледина и Деникина, которые через год начали на юге военные операции против войск правительства Ленина. Однако в 1917 году эти господа считали, что время действовать пока не пришло. Действовать надо немедленно, в Финляндии, решил Маннергейм.

15 января 1918 года Маннергейм и Шарпентьер явились в здание сената, чтобы сообщить Свинхувуду о новом председателе Военного комитета, — им стал Маннергейм.

На следующий день Маннергейм снова встретился со Свинхувудом. После чего сенат поручил Маннергейму организовать в Эстерботтене финляндские силы порядка. В качестве условия генерал потребовал, чтобы сенат не просил помощи из-за рубежа, будь то Швеция или Германия. Свинхувуд согласился на его условия, как утверждал позднее Маннергейм, который предложил также, чтобы Военный комитет во главе с председателем незамедлительно перебравшись в Эстерботтен.

Свинхувуд не сказал, что правительство еще в декабре обратилось за помощью к Германии и что золото Финляндского банка перевезено из столицы на север Финляндии. Поэтому, когда Маннергейм вскоре начал свою деятельность в Эстерботтене и страшно нуждался в деньгах, воспользоваться этим золотом он не смог. Но одно Маннергейм знал наверняка — бывший министр продовольствия, член Военного комитета, в октябре разместил все закупленное по сверхвысоким ценам зерно в стратегически важных с точки зрения военных действий и надежных местах. Сверхвысокие цены внушили земледельцам надежды на дальнейшее повышение цены, и в стране не было района, где бы зерно продавалось по обычной цене, крестьяне предпочитали хранить его в амбарах. Информацию о завышенных ценах предполагалось сохранить в тайне, но сведения, конечно же, просочились. В стране свирепствовал голод, грозивший взрывом.

Маннергейм, естественно, намеревался создать армию, а не новую полицию. Но еще 24 января 1918 года он осторожничал и в письме к Свинхувуду предложил расширить егерский батальон после его возвращения на родину до полка в 4000 человек. Эти люди станут хорошим резервом для последующего набора в полицию городов и сельских местностей. Ес-

ли же в Финляндии будет создана армия, то ее костяк составят кадры из этого полка. Это заказное письмо так и не дошло до адресата — оно находилось на почтамте, когда Красная гвардия захватила власть на юге, и пролежало там всю войну.

Сенат не выделил Маннергейму ни копейки, и генералу пришлось самому раздобывать средства на войну. По счастливой случайности он встретился на улице со своим бывшим соучеником, а теперь директором "Приват-банка" Акселем Эрнруутом, с которым и поделился своими заботами. Эрнруут, посоветовавшись с несколькими банкирами, обещал выделить Маннергейму 15 миллионов марок. Еще в начале 1917 года банкиров и промышленников пригласили в Биржевой клуб Гельсингфорса, где ротмистр Ханнес Игнациус попросил их выделить деньги для Военного комитета, дабы покончить с анархией в стране. На вопрос Акселя Эрнруута, о какой сумме может идти речь, Игнациус назвал 700 000 марок. Эрнруут и его коллеги с трудом удержались от смеха.

19 января 1918 года в 10.30 утра Маннергейм из Эстерботтена позвонил Эрнрууту и попросил 3 миллиона марок, необходимых ему немедленно, при этом он страшно торопил собеседника — телефонная связь могла прерваться в любой момент. Эрнруут, будучи профессиональным банкиром, задумался о поручительстве и позвонил премьер-министру Свинхувуду — правительство должно выдать гарантию под этот заем. Свинхувуд велел ему прибыть в здание сената в 12.00. Эрнруут явился за несколько минут до двенадцати, но премьера нигде не было. Он пришел только в два часа, навеселе, громогласно неся какую-то чушь. Эрнруут чуть не лопнул от злости. Он потребовал от правительства составить протокол, в котором бы было записано, что правительство берет заем и возмещает возможные убытки. "Ладно, ладно, получишь свой протокол", — пообещал Свинхувуд, и Эрнруут сломя голову помчался за деньгами для Маннергейма. Этого протокола никто никогда не видел.

16 мая 1918 года, в день великого парада, когда Маннергейм устроил грандиозный спектакль, проведя маршем свою армию по улицам Гельсингфорса, долг Гарантийного фонда достиг 9 миллионов. Документа, подтверждающего это, не было.

Эрнруут открыто говорил, как будет весело, когда он представит счет сенату. Он был одним из самых возбужденных и нетерпеливых зрителей триумфального марша Маннергейма — никак не мог дожидаться окончания представления и все время перебегал с места на место, чтобы иметь возможность прорваться к генералу и дернуть его за рукав. Случай представился, когда Маннергейм с Сенатской площади направился с огромной свитой в здание сената. Толкучка была на руку Эрнрууту, который сумел-таки незаметно проскользнуть внутрь и сказать Маннергейму, что долг должен быть уплачен немедленно. Это было сделано через одиннадцать дней.

В Эстерботтене

18 января Маннергейм ночным поездом уехал в Васу. С ним были члены Военного комитета.

Маннергейм ехал по фальшивому разрешению на имя купца Густава Мальмберга. Документ давал ему право свободно передвигаться по всей стране. Когда поезд отошел от вокзала, Маннергейм и полковник Хольмберг легли спать в своем двухместном купе. В Таммерфорсе в поезд вошли три русских солдата, которые начали проверять документы. Маннергейма разбудили, и он, полусонный, увидев русскую форму, спросил по-русски, чего им надо.

— Почему говоришь по-русски? Никакой ты не купец.

Маннергейм заверил, что он действительно торговец и владеет несколькими языками.

— Никакой ты не торговец.

В эту минуту появился молодой станционный смотритель Эйно Лэхтеенмэки, которого вызвал кондуктор, поскольку инцидент грозил задержать отправление поезда. Подобные случаи были редки. Лэхтеенмэки припомнил лишь три-четыре за все четыре года его службы здесь. Поезд отправлялся в 0.05, еще была возможность не выбиться из расписания.

Лэхтеенмэки увидел высокого человека со склоненной набок головой и грустным выражением лица в окружении солдат паспортного контроля. Смотрителю показалось странным, что человек не говорит по-фински. Но документы его были в порядке, о чем Лэхтеенмэки и сказал солдатам. И они ушли. Все произошло за считанные секунды. Лэхтеенмэки было 28 лет, и он владел русским. На этом языке и произошло объяснение.

Позднее, приехав как-то в Таммерфорс, Маннергейм спросил на вокзале, где ему найти молодого человека. Никто не знал его и не слышал о происшествии. Лэхтеенмэки тоже забыл о нем и вспомнил лишь в 1950-х годах, прочитав мемуары Маннергейма. В то время он был ректором классического лицея Таммерфорса. На Маннергейма же этот случай произвел устрашающее впечатление. В начале марта в Петербурге, а особенно во время поездки из Одессы в Петербург в декабре его тоже могли расстрелять в любой момент. Именно в поездах искали офицеров, и если находили, то не утруждали себя и вершили суд прямо на перроне.

Губернатор ляна Васа встретился на улице со знакомым директором банка Хальбергом, который рассказал о решении Военного комитета собраться в Васе и возглавить шюцкоры. Учитывая грядущие события, Военный комитет организовал также Ставку главного командования армии, а главнокомандующим был назначен Маннергейм. Ставке требовалось шесть-семь комнат, но получить их оказалось на удивление трудно. В городе не хватало жилья, и, кроме того, домовладельцы не желают сдавать квартиры для таких целей — кто добровольно предоставит свой дом

в распоряжение военных! Вполне вероятно, здесь скоро начнутся бои, и они, конечно, будут концентрироваться в непосредственной близости от дома или прямо у его стен. Губернатор пообещал выделить для штаба семь комнат с прихожей в своей резиденции и еще две комнаты для obsługi. И дать дрова и свет — всем этим его тоже обеспечивало государство. 20 января Маннергейм осмотрел дом и остался им доволен. Губернатору он сообщил, что сенат одобрил эту идею — ведь дом принадлежал государству. На двери повесили табличку, извещавшую о том, что в резиденции располагается государственное учреждение.

Одним махом Военный комитет превратился в штаб армии, и уже 21 января в шюдкоры была разослана телеграмма с составом штаба.

Решающее заседание военного совета состоялось 25 января 1918 года. Он поддержал идею Маннергейма о нападении и уничтожении русских гарнизонов. Последним высказал свое мнение по этому поводу человек, имевший самый высокий чин среди членов совета — генерал-майор Лёфстрём. Он только что вернулся из России и, чтобы защитить семью, все еще находившуюся в России, использовал девичью фамилию матери — Толь.

Лёфстрём сделал блестящую карьеру в царской армии, дослужившись до командира гвардейского Семеновского полка²⁵. В кадетском училище во Фредриксхамне он учился одновременно с Маннергеймом, только классом старше, и был назначен его так называемым опекуном — каждому новичку полагался такой опекун или инструктор. Возможно, с той поры и вела свое начало их скрытая взаимная неприязнь, которая разгоралась по любому поводу и в еще большей степени дала себя знать после войны, когда трения в отношениях этих двух людей стали настолько сильны, что прямо-таки высекали искры.

По мнению Лёфстрёма, нельзя было и думать о нападении на гарнизоны. Ведь речь идет об одном из полков 106-й русской дивизии, которым командовал весьма способный полковник, во время войны разрабатывавший и осуществлявший операции красных. Посылать плохо вооруженных штатских людей сражаться с армейским соединением Лёфстрём считал чистейшим безумием.

Одного военного совета Маннергейму хватило на всю жизнь, больше он никогда не собирал никакого совета. Армии демократия не нужна, да и вообще, по его мнению, от нее мало пользы. После этого первого и последнего военного совета Маннергейм вызывал своих подчиненных к себе по одному, и они излагали ему свои соображения по тому или иному поводу, если он их об этом просил или приказывал, но коллегиальных собраний и обсуждений больше не устраивал. Такие беседы с глаз на глаз растягивали рабочий день Маннергейма до шестнадцати часов в сутки и отнимали много сил. Подобный метод работы некоторым офицерам казался непрофессиональным, напоминая им, что Маннергейм

не получил нужного для штабиста образования. Он не умел эффективно использовать ресурсы штаба и потому вмешивался в дела, относившиеся к более низкому уровню, тем самым пренебрегая нормальной служебной иерархией, а это, как утверждали офицеры, нарушало порядок.

Маннергейм не испытывал ни малейшей радости по поводу прибытия в Васу нескольких сенаторов. Их было четверо, но этого вполне достаточно: для принятия решений хватало троих. Самое любопытное, что белофинны испортили пути прямо перед носом поезда, на котором ехали эти господа. Поезд сошел с рельсов, а сенаторы отделались легким испугом. Дело в том, что Маннергейм отдал приказ отрезать железную дорогу в Эстерботтен, но вовсе не для того, чтобы погубить сенаторов или воспрепятствовать их приезду. Цель была одна — помешать присылке русского подкрепления в связи с тем, что шюцкоры начали приводить в действие план сделать Эстерботтен своей базой.

Сенат не имел комиссии по военным вопросам, поскольку в стране не было армии. На этой стадии следовало бы поскорее образовать военное министерство, но на это Маннергейм не соглашался ни при каких условиях.

Премьер-министр Свинхувуд и большая часть министров прятались в Гельсингфорсе, и Маннергейм какое-то время мог вообще не обращать на них внимания. Сенаторы сидели тихо, чувствуя свое бессилие и унижительность ситуации. Лишь когда правительственные войска стали одерживать победы и особенно когда забрезжил светлый исход, начались конфликты между сенатом и главнокомандующим.

Еще в самом начале на помощь Маннергейму поспешил молодой штабной офицер из Швеции. В Финляндии испытывали острую нужду в профессиональных офицерах-штабистах, способных разрабатывать планы военных операций и организовывать оперативные соединения. Молодым же шведским офицерам, в свою очередь, не хватало военного опыта, которого они надеялись поднабраться у Маннергейма.

Начальником этапного штаба, то есть тыловой службы, стал человек из бумажной промышленности, бывший лейтенант финского военного соединения Рудольф Вальден. Сперва он был начальником охраны штаба. В то время это был важный и значительный пост. Ставку ничего не стоило уничтожить, поскольку район полностью еще не очистили, и с любого участка фронта, только-только начинавшего формироваться, ее мог атаковать сильный вражеский отряд. Когда острота положения спала, Вальден стал заниматься сложным армейским хозяйством, и столь успешно, что сделался ближайшим человеком Маннергейма, своего рода вице-Маннергеймом, его вторым "я".

Как-то в 30-х годах Маннергейм обмолвился, что понятия не имел, в какую страну приехал в конце 1917 года. Он и представить себе не мог, что это была страна мелких господ. Наверно, он хотел этим сказать, что все

думали, будто они большие господа, и крепко верили, что обладают необходимой для этого мощью.

Шведские офицеры считали Финляндию страной штатской. Набор в армию шел туго. С трудом удалось наскрести 6 батальонов, зато шюцкоры в это время росли как грибы — 10 полков, состоявших в общей сложности из 30 батальонов. Шведские офицеры настаивали, чтобы Маннергейм ввел воинскую повинность, которая даст командирам возможность поддерживать дисциплину и требовать от солдат даже невозможного. С шюцкорами же приходилось обращаться по-иному — идти на уступки и уговаривать. Но когда стали раздаваться призывы казнить по немецкому образцу членов шюцкоров за непослушание, вместо того чтобы не мытьем, так катаньем пытаться уговорить тех, кто без спроса начал отступать, занять позицию на передовой, Маннергейм решительно воспротивился.

Егеря, прибывшие наконец из Германии, взбунтовались против планов, разработанных для них Маннергеймом. Они хотели, чтобы их батальон, усиленный другими частями, начал решительное военное наступление. Собственно, именно это и предложил Маннергейм в январе 1918 года в письме Свинхувуду, том самом, что не дошло до адресата. Теперь же он отдал приказ распустить батальон, а егерей назначил командирами регулярных егерских полков. Возникшую кризисную ситуацию Маннергейм разрешил просто: вызвал к себе трех главных егерей, один из которых — Эрик Хайнрикс — впервые видел генерала, и прямо им все объяснил. В качестве жеста доброй воли он взял себе адъютанта из егерей. Выбор пал на Хейкки Кекони, ясноглазого, круглощекоего пасторского сына двадцати четырех лет из сельской общины Хейнола. Хейкки оставался на этом посту лет десять, как и Хайнрикс, больше десяти лет бывший любимцем Маннергейма.

Весной 1918 года Маннергейм, считавшийся человеком медлительным, развил бешеную деятельность. Уже 18 февраля он сказал шведу Пейрону, что необходимо скорее овладеть югом Финляндии, чтобы захватить большую часть русского Балтийского флота, запертого льдом в Гельсингфорсе. По первоначальному плану Маннергейм собирался занять Петербург и свергнуть большевистское правительство. Флоту ни в коем случае нельзя было дать уйти в Кронштадт, где он, как только вскрыется лед, будет в полной боевой готовности. Немцы вошли в Гельсингфорс, а русский флот приветствовал его флагами. Заключенный с Германией договор гарантировал неприкосновенность флота. Последние корабли ушли из гавани только после того, как немцы заняли город, Красных, которые пытались укрыться на борту, русские моряки просто вышвырнули. Верные обещаниям, данным немцам, они не вмешивались в военные действия, оставаясь нейтральными.

На юбилейных торжествах, посвященных пятнадцатой годовщине взятия Таммерфорса, Маннергейм нарисовал не имеющую аналогов по на-

глядности и целостности географическую картину западной операции — он обладал талантом географических описаний. Вот его слова: "Зажатая между морями, освободительная армия шаг за шагом с боями продвигалась к южным просторам. Путь к свободе Финляндии был открыт". Можно подумать, что он говорит о родах.

Первый набросок великой Таммерфорсской операции сделал шведский офицер Пейрон за столиком кафе в Васе 24 февраля 1918 года. Маннергейм в сопровождении своих ближайших помощников ушел встречать егерей, прибывших на кораблях в порт. Шведов он с собой не взял, поскольку они ходили в шведских мундирах. Время тянулось медленно, Пейрон мучился от безделья. В штабе Маннергейма, несмотря на строгую дисциплину, царил атмосфера свободы, и его помощникам разрешалось выдвигать собственные предложения, даже если командующий об этом не просил. Он не подавлял фантазию и инициативу своих подчиненных. Пейрон был, как и Маннергейм, кавалеристом. По его замыслу, Таммерфорс нужно было взять в широкое кольцо и уничтожить, открыв тем самым беспрепятственный путь на юг Финляндии.

Шведские офицеры, работавшие в штабе, отмечали, что Маннергейм желал невозможного, чтобы достичь возможного. Он предъявлял слишком высокие требования ради одной цели — получить наилучший результат.

Каждую задачу надо выполнять до конца, ничего нельзя бросать на подороге. Это свойство характера Маннергейма с годами лишь усиливалось. Его ближайшие подчиненные в годы войны свидетельствовали, что он давал время и себе и другим на размышление и планирование, но как только решение принималось, надо было немедленно претворять его в жизнь. Маннергейм мог проявлять большое нетерпение и порой требовал совершенно невозможного, даже не думая, что на выполнение любого дела требуется определенное время.

Маннергейму уже исполнилось пятьдесят, он был генералом, прошедшим суровую школу, человеком, понимавшим мир и людей. Он участвовал в войне, закончившейся поражением, а поражения учат тому, чему не учат победы, — понимать побежденных.

Маннергейм любил общество и редко бывал один. Весьма характерно, что он не читал художественной литературы, то есть литературы, меньше всего проникнутой духом коллективизма. Он читал лишь то, что ему было нужно для работы и социального общения. Даже когда на склоне лет он увлекся книгами по истории и мемуарами, он как бы общался со знакомыми ему людьми. На полях он вписывал собственные реплики, исправлял ошибки. В центре жизненной философии и мировоззрения Маннергейма стояли люди. Однажды во время освободительной войны шведский штабной офицер пожаловался ему, что по какому-то вопросу они зашли в тупик из-за упрямства и самонадеянности финляндцев, ко-

торые стояли на своем и отказывались даже обсуждать вопрос. Маннергейм ему ответил так: "Дорогой капитан, я убежден, что вы, получивший хорошее воспитание, найдете способ преодолеть эти трудности".

В общении Маннергейм бывал уступчив и любезен, избегал конфликтов, возможно еще и потому, что спорить и ругаться — вульгарно и незелегантно. Лишь тонкая и злая ирония придает спору изысканность и наслаждение. В этом разговорном жанре он поистине не знал себе равных.

Перемирие между Россией и Германией закончилось 18 февраля 1918 года. Быстрое наступление немцев завершилось взятием Ревеля, столицы Эстонии. Говорили, что на очереди Петербург. Через три дня после взятия немцами Ревеля Маннергейм выразил свои опасения, что немцы подойдут к Петербургу раньше финляндцев, а именно Финляндия должна успеть первой — даже для Петербурга было бы предпочтительнее иметь финляндцев в качестве завоевателей и оккупантов.

По мнению Маннергейма, задача была легковывполнимой. Он видел собственными глазами, какой хаос царит в российской армии и администрации, и не нашел среди белого движения людей, обладавших достаточным мужеством и силой, чтобы организовать вооруженное сопротивление. Большевикам удалось взять и удержать власть лишь потому, что никто не вступил с ними в борьбу. Это был обоюдоострый меч. Обстоятельства помешали большевикам стать настоящими бойцами.

Целых полгода Маннергейм тщетно искал — и в России, и в Финляндии — правые реакционные силы. Именно этим он занимался в декабре 1917 года, курсируя между Петербургом и Гельсингфорсом. В самой Финляндии ему пришлось собственноручно создавать такие реакционные силы. А сделав это, ему надо было сначала с оружием в руках освободить Финляндию и только потом думать об освобождении Петербурга. Возможно, этим-то и объясняется, почему он с такой необычной для себя быстротой провел освободительную войну — освобождение Финляндии было первым шагом в осуществлении его истинной миссии.

В подобной ситуации каждый действует быстро, не особенно раздумывая о сложности задачи, теоретической чистоте своих поступков, во что это выльется и как будет оценено другими. Большинство факторов, вызывающих трение, улетучивается. Если судить по последующим шагам Маннергейма, его главной целью было взятие Петербурга. Стоит понять это, и все сразу становится на свои места. Его действия, которые казались и характеризовались как импульсивные и непредсказуемые, становятся естественной составной частью политики того времени. Маннергейм был верен не только отдельным людям, но и идеям, ставшим его собственными. Таких основополагающих идей он за свою жизнь имел не слишком много, но отличавшая его верность им со временем обычно бывала вознаграждена. Он обладал способностью из малого творить великое и делал это неоднократно и в самых различных областях.

Маннергейм был наделен фантазией, полет которой выдавал в нем художника. Его называли великим актером, но все написанное им — а написал он поразительно много, включая четыре собственных произведения, — свидетельствует, что он был еще и писателем. Уже три поколения его семьи произвели на свет людей искусства — брата деда Августа, отца и сестру Эву. Фантазия Маннергейма, носившая творческий характер, умела находить средства для воплощения идей в жизнь. В этом отношении 1918 год стал для него звездным.

Для операции "Петербург" была еще на ранней стадии образована другая фаланга, необходимая с внутривосточной точки зрения. Финляндия должна была получить конкретную пользу от этой операции, чтобы пойти на нее. Россия, которой Финляндия окажет столь огромную услугу, окажется в великом долгу перед ней и навечно признает независимость Финляндии. Финляндцы купились на мысль о возможности одновременно присоединить и принадлежавшую России Восточную Карелию. Но мотивировка Маннергейма была не только тактической уловкой. Он хорошо знал истинную мощь России и уже в 1918 году думал о той великой державе, что вновь поднимется из руин. Кроме того, ему было известно, что в России вряд ли кто-нибудь согласится на отделение Финляндии. Поэтому Россию надо вынудить пойти на компромисс, представить выгоду как цену за выгоду — настолько Маннергейм был реалистом. Последующие события, в особенности вторая мировая война, показали, что в мире маннергеймовских представлений товаром могло служить что угодно; то, что Финляндия в разные моменты и в различных ситуациях сделала или могла сделать, но не сделала. Именно из такого рода отрицательной бездеятельности или затяжек — и вряд ли из чего-то иного — противная сторона, враг, имела возможность извлечь выгоду. Маннергейм охотно брал заложники, он ведь тоже был один из фон Юлинов. Многие годы торговал лошадьми и знал, как делаются дела.

Еще 17 февраля 1918 года представитель Англии в Стокгольме рапортовал в Лондон, что, по свидетельству одного из петербургских знакомых Маннергейма, тот исключительно враждебно относится к Германии и считает необходимым для Финляндии достичь соглашения с Россией. Десять дней спустя посол Германии в Стокгольме писал в Берлин, что, как он слышал от некоторых финляндцев, Маннергейм ставит палки в колеса немцам и шведам, поскольку он нагль, тщеславен и любит русских. Маннергейм всю свою жизнь был человеком лояльным. И по отношению к России тоже.

Когда сенат вторично обратился к Германии с просьбой о помощи, Маннергейм вскипел, так как его об этом не поставили в известность. В одном разговоре он напомнил о несчастной судьбе Польши. Финляндии грозит та же участь — превратиться в поле битвы великих держав. Маленькая страна, вступая в союз с большой, теряет политическую свободу

действий. Он лично был свидетелем такого хода событий в Румынии, когда воевал там.

Маннергейм отдал приказ не посылать ледокол "Сампо" на Аландские острова, чтобы встретить немцев. Сенат был уже готов назначить нового главнокомандующего.

Маннергейм предъявил немцам собственные условия. Немецкие войска должны перейти к нему в подчинение. Гинденбург обещал также не вмешиваться во внутренние дела Финляндии. 7 марта сенат присвоил Маннергейму звание генерала кавалерии, с тем чтобы он был чином выше, чем самый высший немецкий офицер, посланный в Финляндию. Маннергейм отреагировал с сарказмом и издевкой, как он всегда реагировал на действия сената, сказав, что в России он был генерал-лейтенантом кавалерии и командовал 40 000 кавалеристов, а теперь его произвели в генералы, хотя в подчинении у него всего 40 человек.

Во время второй мировой войны Маннергейм рассказывал в своей Ставке, что его связной при сенате Харальд Окерман привез ему послание сената, где выражалось недовольство по поводу чрезмерного увлечения спиртными напитками в Ставке. Маннергейм рассвирепел и разорвал письмо, сказав, что это и есть его ответ, который должен быть передан сенату.

Как-то один высокопоставленный бюрократ отказался выдать ставке некоторые карты, и Маннергейм приказал посадить его под арест. Сенаторам, приехавшим к нему в Ставку в Хаапамэки на совещание, пришлось практически все время посвятить тому, чтобы попытаться уговорить командующего освободить чиновника. Маннергейм отказался, заявив, что чиновник будет освобожден только после окончания войны. После чего угостил сенаторов бутербродами и виски — виски, сказал он, единственная пушка Финляндии. Никто из сенаторов не отказался от предложенного напитка. Маннергейм считал, что выпивающие люди получают от жизни гораздо больше.

После того как большая часть сил красных на западе была окружена и уничтожена в Таммерфорсе, центр тяжести переместился на восток. Сходный, тщательно разработанный план начал осуществляться в районе Выборга. Маннергейм перевел свою Ставку в Миккели. Одновременно туда же перебросили войска. Тыловые службы работали безупречно. Вальден обладал организаторскими способностями и был еще более требовательным, чем его начальник.

Операция на востоке

Свинхувуд прислал в Ставку в Миккели письмо с требованием не назначать Лёфстрёма командующим восточной армией, поскольку он являет-

ся персоной нон грата. Был найден компромисс, и Маннергейм сам возглавил руководство операцией.

По свидетельству Лёфстрёма, план военных действий был разработан шведским штабным офицером Раппе. Другой швед, Тёрнгрен, которого Маннергейм взял с собой на встречу с Лёфстрёмом, по пути предложил внести изменения в этот план, одобренный главнокомандующим. Раппе потом рассказывал, что он в полном недоумении покинул переговоры, и его шеф Лёфстрём тоже был озадачен. Вместо того чтобы нанести главный удар по Выборгу, финская армия долго лавировала вдоль границы с Россией, желая выведать планы ленинского правительства и проверить на прочность договор с Германией. Договор действовал. Русские не переходили границу, чтобы захватить обезоруженных финляндских красногвардейцев, которые перебрались в Финляндию, вернув захваченных ими в плен белогвардейцев. С военной точки зрения этот обходной маневр дал весьма большой эффект. Маннергейм учел и политические факторы, и международную обстановку, имевшую, как оказалось, решающее значение. Он был поистине генералом-политиком, военачальником, что доказал на практике еще при осаде Таммерфорса. По политическим мотивам необходимо было взять город немедленно, до установленного срока, с тем чтобы обеспечить победу до прихода немцев.

Во взятии Выборга принимали участие двенадцать из восемнадцати полков белой армии — настолько она выросла за три месяца, хотя все еще нуждалась в вооружении и профессиональной подготовке.

24 апреля на вокзале Сант-Андре генерал Лёфстрём приготовил Маннергейму неприятный сюрприз. Штабные поезда обоих генералов стояли на соседних путях. Выйдя утром из своего вагона, Маннергейм чуть не лишился рассудка — поезд Лёфстрёма исчез. Лёфстрём укатил, не желая больше чувствовать, как Маннергейм дышит ему в затылок. Переведя дух после потрясения от такого своеволия, непослушания и наглости, Маннергейм отправил Лёфстрёму телеграмму, в которой указывал, что командующий армией не имеет права перебрасывать свой штаб без разрешения вышестоящего начальства. Лёфстрём ответил, что подобного правила не существует. Он был прав — он имел право размещать свой штаб где ему вздумается. Однако вывод, сделанный после тщательного изучения этого инцидента и сравнения с действующими правилами и обычаями в армиях разных стран, гласил, что Лёфстрёму все-таки следовало заранее предупредить своего непосредственного начальника о перемещении штаба.

После войны Лёфстрём написал статью, в которой утверждал, что именно он руководил выборгской операцией. Маннергейм в письме Тёрнгрену в Швецию признался, что статья его позабавила, особенно потому, что необычайно ясно продемонстрировала, как далеко может зайти человек в своей самонадеянности и переоценке собственного "я".

"Правда, в этом случае генерал Лёфстрём восхищается генералом Толлем, но Селестин — это Флоридор, а Флоридор — Селестин".

Тёрнгрен же вполне разделял и одобрял действия Лёфстрёма. Осуществлять операцию было намного важнее, чем поддерживать связь со Ставкой.

Маннергейму было нелегко признать свою ошибку. На полях журнала он оставил запись о том, что средний командир обязан все время поддерживать связь с подчиненными ему штабами и непременно со своим начальством.

В письме к Тёрнгрену четырнадцать лет спустя он все еще спрашивает: "Помнишь, как генерал Толль устроил нам сюрприз на вокзале Санкт-Андре, когда укатил на своем штабном поезде, не поставив никого в известность об этом и тем самым прервав связь как наверх, так и вниз? Наверняка ты не забыл этот случай и наше нелепое положение, когда мы утром вышли из вагона и не обнаружили ни Толля, ни его штаба".

Тридцать лет спустя Маннергейм в своих мемуарах страница за страницей ощипывает Лёфстрёма. Никто другой подобной чести не удостоился.

Лёфстрём жаловался, что Ставка непрерывно вмешивается в его дела и даже прислала шпиона, мелочно контролирующего его поступки и высказывания.

Тем не менее Маннергейм никогда не приписывал себе чести победы в Карелии. По утверждению Хайнрикса, он и права на это не имел. Это была операция Лёфстрёма. Да и как бы Маннергейму могло прийти в голову поставить себе в заслугу то, что он считал длинной цепью ошибок.

Ошибок было не счастье, по мнению Маннергейма. Он перечисляет их: Выборг не удалось взять с первого раза. Южная колонна Вилькмана, которая должна была атаковать с востока, опоздала, потому что увязла в бессмысленных, малозначительных боях. Нарушив приказ главнокомандующего, Лёфстрём не позаботился о том, чтобы сосредоточить главные удары на востоке на северо-западе, где находились силы красных, которых надо было окружить, не дав им возможности отойти к Выборгу. Приказ Лёфстрёма о наступлении запоздал. Вдобавок он снял оттуда целый полк, отправив его на юг как раз в тот момент, когда следовало немедленно начать преследование противника в восточном направлении. Таким образом, сложилась такая же неблагоприятная ситуация, как в Таммерфорсе, поскольку Лёфстрём провел операцию лишь наполовину. Красные сумели отойти к Выборгу, следовательно, пришлось ввязаться в уличные бои, а хуже этого не бывает ничего. Красные с помощью крепостной артиллерии отбили первую атаку — не удавшуюся так же, как первое общее наступление в Таммерфорсе. В резерве у Маннергейма было два полка. Один из них он отдал Лёфстрёму, а потом решил отдать и второй, но тут Лёфстрём исчез, не сообщив куда, и потому не смог получить подкрепления. Лёфстрём занял город без упомянутого подкреп-

ления, взяв в плен 15 000 человек и трофеи, состоявшие из 300 пушек и 200 пулеметов. Победа была легче, но очевиднее и эффектнее, чем та, что одержал Маннергейм при Таммерфорсе. Там было взято в плен 11 000 человек, и трофеи составили всего только 30 пушек.

После парада Маннергейм устроил "скромный" обед, на который пригласил руководство восточной армии, президента Верховного суда Выборга, епископа епархии Нюслотт и председателя городского совета. Присутствовал там и немецкий офицер связи, находившийся при Ставке, который произнес речь. Маннергейм ответил на немецком, а сидевшему рядом в качестве почетного гостя епископу сказал, что его немецкий, конечно, оставляет желать лучшего, но судить об этом епископу. Дело в том, что в свое время этот самый епископ поставил Маннергейму неудовлетворительную оценку на выпускных экзаменах, в результате чего ему пришлось несколько недель спустя, когда его товарищи уже стали студентами, явиться на переза экзамен. "Быть этого не может!" — в ужасе воскликнул епископ. Вот такой подходящей к случаю историей заканчивает Маннергейм рассказ о взятии Выборга.

В конце апреля Маннергейму удалось пополнить свой гардероб. Он попросил брата Юхана прислать ему из Стокгольма двенадцать рубашек и к каждой по две пары манжет, две пары ботинок со шнурками из желтой кожи английской, не американской, модели — на всякий случай он указал размер, 43-й — и два тростниковых хлыста.

Вернувшийся из Швеции Яльмар Линдер, недолго бывший зятем Маннергейма, практически был единственным из белофиннов, кто писал в газетах о массовых казнях красных и выступал против концентрационных лагерей, в результате чего потерял остатки доверия и репутации. Его финансовые дела пришли в полный упадок. Последние свои дни он провел во Франции, где, как рассказывали, раздал последний миллион беднякам Марсея и отравился. В своих статьях Яльмар Линдер бичевал себя и своих братьев по сословию. "Из-за десятилетней вялости в борьбе против социалистической политической агитации, из-за поэтической, но далекой от действительности веры в культурное сознание финского народа, из-за беспечности, с какой мы отнеслись к выборам, в результате чего укрепилась вера в преимущество социализма, из-за полного отсутствия у нас дисциплины, что проявилось сейчас как никогда раньше; из-за роскоши, в которой купалась большая часть высшего класса, и в первую очередь я сам, благодаря крупным военным победам, из-за нашего абсолютного презрения к неудобным законам (посмотрите на антиалкогольный закон в теории и на практике), мы, естественно, вызывали чувство зависти, которое было нетрудно превратить в ненависть.

И если мы поглубже заглянем в собственную душу, то должны будем признаться, что несем свою долю ответственности за эту народную катастрофу".

Линдер не понимал, что гражданская война была столкновением общественных сил, частью борьбы за власть. По его мнению, причины крылись в падении нравов и эмоциональной нестабильности людей.

Статью Линдера, опубликованную в газете 28 мая 1918 года, можно назвать гражданским самоубийством. "То, что происходит в стране, ужасно. Несмотря на запрет главнокомандующего, расстрелы продолжают беспрерывно. Красное безумство сменилось белым террором. Расстрелы тем более дают впечатление полного произвола, поскольку жертв выбирают и казнят в местах, где не совершалось никаких актов насилия. В лагерях для военнопленных узники мрут как мухи".

Сводный брат Яльмара Линдера Пауль Линдер дослужился в русской армии до звания гвардии полковника. В годы между первой и второй мировыми войнами он сделался — по причине отсутствия средств — прилежным писателем. Он входил в ближайшее окружение Маннергейма, но был настроен критически. Маннергейм приглашал его к завтраку, но денег не давал из принципа. Пауль Линдер говорил, что Маннергейм знал счет деньгам и даже был скуповат. Пауль, служивший при русском дворе, не упускал случая подчеркнуть, что Маннергейм никогда не имел тесных связей с двором. Он, как и позднее генерал Аиро, считал, что для здоровья полезно раз в час пропускать рюмку водки, и это никак не отражается на производительности труда. За такое время организм успевает сжечь это количество алкоголя. Оба считаются верными учениками Маннергейма.

Накануне войны 1918 года Яльмар Линдер уехал в Швецию. Когда началась Зимняя война 1939 года, Пауль Линдер пришел к Маннергейму с просьбой дать ему полк.

"Ни один из нас не годится больше в командиры полка", — сказал Маннергейм и посоветовал Линдеру уехать в Швецию. Что тот и сделал, как будто этот совет был приказом.

Лагеря для военнопленных и казни

Отношение к пленным красногвардейцам было неоднозначное и непоследовательное. Когда после войны начали просачиваться статистические данные о количестве казненных и умерших в лагерях, военные и гражданские власти стали обвинять друг друга, пытаясь снять с себя ответственность. Белыми было казнено в общей сложности 8400 красных пленников, среди них — 364 малолетние девочки. В лагерях от голода и его последствий умерло 12 500 человек.

Маннергейм следовал жесткой линии и отдавал строгие приказы. Один из них был зачитан во всех церквях страны 25 февраля. Согласно этому распоряжению лица, которые втайне от армии разрушают мосты, дороги, уничтожают продовольствие, портят электрические, телеграф-

ные и телефонные линии, подлежат расстрелу на месте. Также подлежат расстрелу лица, оказывающие вооруженное сопротивление законным военным силам страны, те, кто без ведома армии носит оружие, и те, у кого через восемь дней после обнародования этого указа будет найдено оружие, на которое у них нет разрешения.

Своими приказами и распоряжениями Маннергейм, судя по всему, преследовал одну очевидную цель. Совершенно ясно, что первым своим радикальным распоряжением он хотел выбить оружие из рук красногвардейцев и напугать тех, кто мог бы примкнуть к Красной гвардии, особенно за линией фронта белых на севере Финляндии. Нагнать страху — вот была его задача. Когда же на севере страны начали расстреливать обычных сельчан за незаконное хранение оружия и безоружных руководителей рабочего движения, Маннергейм рассвирепел и строгонастрого запретил подобные казни. Молодые люди сотнями бежали в Восточную Карелию и Мурманск. Позднее они стали бежать от призыва в армию. Террор оказался обоюдоострым мечом. Он даже способствовал укреплению боевого духа красных — у них не оставалось другого выхода, кроме борьбы. Арест означал смерть. Было необходимо смягчить курс. Теперь казнь грозила только руководителям и зачинщикам, остальным гарантировался статус военнопленных.

Предупредительной мерой и основой более жесткого курса явилось и распоряжение, обещавшее окончательно разделаться с русскими, принимавшими участие в боях. Эти русские служили советниками, пулеметчиками, артиллеристами и штабистами. После взятия Таммерфорса 200 русских было казнено на таммерфорсском вокзале. Среди них оказались белые русские офицеры, прятавшиеся в городе. В Выборге тоже расстреляли взятых в плен русских, в том числе гражданских лиц, мало того, даже поляков, коммерсантов и предпринимателей, поддерживавших белую армию. Маннергейм был вне себя.

Сведения о жестоких наказаниях просочились за границу. Разговоры о белом терроре портили репутацию Финляндии вплоть до 30-х годов и даже позднее. Больше всего об этом писали помимо Советского Союза в Швеции и других Скандинавских странах.

Маннергейм хорошо видел эту опасность. 26 марта он издал приказ о том, что с капитулировавшим после взятия Таммерфорса противником следует обращаться как с военнопленными. В Таммерфорсе находились сотни иностранцев — сотрудников иностранных посольств в Петербурге, которые возвращались домой через Финляндию и оказались запертыми в городе в ожидании возможности пересечь фронт. Приказ Маннергейма гласил, что репутация Финляндии как цивилизованной страны зависит от свидетельских показаний этих иностранцев. Ни единым поступком нельзя запятнать безупречное реноме белой армии.

Итак, в вопросе о пленных красногвардейцах Маннергейм руководст-

вовался практическими соображениями. После взятия Таммерфорса он устроил обед для дипломатических работников. Английскому послу он подробно рассказал об истории возникновения немецкой интервенции и заверил, что приложит все силы, чтобы обеспечить нейтралитет Финляндии. Финляндия не воюет на стороне Германии, несмотря на то что немецкие войска находятся в стране.

Маннергейм никогда не забывал о политическом аспекте войны. На ее заключительной стадии он категорически запретил самовольные массовые казни. Дело каждого пленного должно рассматриваться в суде. До этого распоряжения с указанием точного срока выстрелы гремели с обеих сторон. Но и после него массовые расстрелы продолжались. Ситуация вышла из-под контроля.

В своих мемуарах Маннергейм пишет, что он предложил сенату без поддержки освободить из лагерей простых красногвардейцев, даже если они попали в плен с оружием в руках. Под суд надо отдавать только тех, кто совершил тяжкие преступления. Одна из причин — безнадежное положение с продовольствием в стране. Это предложение Маннергейм выдвинул в мае 1918 года. В это же время Яльмар Линдер опубликовал свою тревожную статью. Был ли то своего рода пробный шар, попытка проверить общественное мнение, желание узнать, какую поддержку имеет такая мягкая точка зрения? Но пробный шар лопнул прямо в руках того, кто его запустил. Знал ли Маннергейм заранее о действиях Яльмара Линдера? Известно одно: Маннергейм никогда не прерывал связи с Линдером, и статья никак не повлияла на их отношения. Летом Линдер пригласил Маннергейма с собой на охоту в Норвегию, где они пробыли довольно долго.

Маннергейм не занимался напрямую проблемой пленных. После взятия Таммерфорса он посетил военный госпиталь, размещавшийся в школе. Не зная, что там лежали и белые и красные, Маннергейм наградил орденами лентами многих красногвардейцев. После его ухода персонал поспешил отобрать у них эти награды. Маннергейму о его промахе не сказали, но он сам догадался о нем в конце своего инспекционного обхода, услышав о красных пациентах. С его точки зрения, ошибка была непростительная. Он опростоволосился. Теперь надо делать хорошую мину при плохой игре и вести себя так, словно ничего не произошло. Маннергейм взорвался как порох. Он приказал немедленно отправить раненых красногвардейцев в другое место, иначе он тут же велит вынести их на улицу. Врачи твердо держались врачебной этики — красногвардейцев оставили в госпитале. Раненые белые тоже были против их перемещения.

По чьей вине все это произошло, так и не выяснили.

После парада победы

16 мая 1918 года сенат ждал Маннергейма в здании сената. Его просили явиться одного, но он пришел в сопровождении впечатляющей свиты, в которой мелькали отдельные солдаты устрашающего вида. Он и взял их с собой исключительно из-за внушительного облика. На напоминание швейцара, ожидавшего его в холле, о четко выраженном желании сенаторов Маннергейм не обратил внимания. И речь его, обращенная к сенату, была выдержана в жестких тонах. Он потребовал передать кормило государственного корабля в крепкие руки. Надо забыть о партийных распрях и не идти на компромиссы, за бесценно отдавая власть правительству.

Итак, между парадом победы и отставкой Маннергейма прошло всего пятнадцать дней. Маннергейм уехал в Швецию. Сенат положил ему пенсию в 30 000 марок в год. Потом частные лица и различные общества собрали ему более 7 миллионов в качестве гражданского дара. С этих денег он имел право получать проценты.

Собрание егерей предложило, чтобы Маннергейм остался главнокомандующим, но его штаб следует почистить. Шведские офицеры, участвовавшие в параде, были для немцев и многих финляндцев как бельмо на глазу. Необходимо было вычистить и офицеров, когда-то служивших в царской армии, оставив лишь самых способных, например, полковника артиллерии Ненонена, считавшегося гением в своей области.

20 мая Маннергейм подал прошение об отставке — средство, которым он по тому или иному поводу пользовался всю жизнь. Тем не менее его второе прошение об отставке, поданное неделю спустя, правительство удовлетворило.

Пока сенат вел приготовления к торжествам в честь Маннергейма, виновник торжества взял и уехал.

Германия была заинтересована в сохранении в России большевистского правительства, поскольку именно оно заключило мир с Германией. По словам тогдашнего премьер-министра Паасикиви, это было и в интересах Финляндии, так как ленинское правительство в отличие от остальных российских группировок признало независимость Финляндии.

Маннергейм с трудом переносил немцев еще и потому, что они защищали большевистское правительство. Их приход в Финляндию и сильное влияние на политику страны сделало невозможной борьбу с большевиками. Немцы помешали Маннергейму осуществить его главный замысел — захватить Петербург. Он хотел быть освободителем и спасителем России. Среди причин своей отставки Маннергейм называет немецкий план, перечеркнувший его собственный организационный план, увольнение из штаба шведских офицеров и то, что его роль главнокомандующего свелась к подписанию приказов, издаваемых немцами, — другими словами, он превратился в резиновую печать.

РЕГЕНТСТВО

Русский вопрос

В 50-х годах говорили, что главной причиной отставки Маннергейма был вопрос Восточной Карелии и России. Единственно, что гарантировало бы прочную независимость Финляндии, — ее вмешательство во внутренние дела России. С либеральной Россией, возникшей бы благодаря вмешательству финляндцев, Финляндия могла бы завязать прочные отношения, верить ей. Своими услугами и полезностью Финляндия приобрела бы доверие и заслужила хорошую репутацию, в чем она так нуждалась. Парадоксально, что Маннергейму и финскому правительству удалось в 1941 году и позже оказать России такие услуги. В выигрыше, правда, оказалось большевистское правительство, а доброе дело заключалось не в завоевании Петербурга, а в первую очередь в том, что оно не состоялось.

Маннергейм всю жизнь носился с великими идеями и замыслами. Нередко он брался за невозможное и достигал возможного, как писал шведский штабной офицер о его военных операциях в 1918 году.

Еще в феврале 1918 года ближайшему окружению Маннергейма стало известно, что тот считает возможным взятие Петербурга. — Пейрону поручили разработать план наступления, который намеревались осуществить в конце лета 1918 года. Маннергейм собирался кинуть на Россию армию в 70—80 тысяч человек.

Английский посланник в Стокгольме писал 4 июня 1918 года, что Маннергейм говорил некоей даме, дружески расположенной к немцам, о своем желании подавить восстание в Финляндии без помощи немцев, чтобы потом восстановить либеральный режим в России и спасти страну от анархии и аннексирования ее немцами. В благодарность Россия признает независимость Финляндии и согласится на установление стратегически выгодных и прочных границ с ней.

Посланник Соединенных Штатов доложил то же самое своему правительству 14 июня.

Кайзер Вильгельм, политические планы которого принимали такие формы, что делались мучением для страны и источником страха для его подданных, предполагал возможность использования Маннергейма если не в Финляндии, то в России, где он бы мог помочь навести порядок. Мысли болгарского царя шли точно в таком же направлении.

За полгода Маннергейм превратился в человека, известного во всем мире.

Летом 1918 года Маннергейм жил в "Гранд-Отеле" в Стокгольме. Он заболел испанкой, унесшей в Европе миллионы человеческих жизней.

Оправившись, уехал в Норвегию — подышать свежим горным воздухом и пострелять белых куропаток.

В начале сентября Маннергейм вернулся в Стокгольм, где и снял на зиму жилье.

В Финляндии нужда стучалась в дверь. Германия уже практически проиграла войну. Связанная с ней Финляндия шла на дно вместе со своим союзником. По предложению Паасикиви, сенат послал Карла Энкеля за Маннергеймом. 4 октября 1918 года тот прибыл в Гельсингфорс на совет с регентом государства Свинхувудом, премьер-министром Паасикиви и министром иностранных дел.

Свинхувуд и Паасикиви, по мнению Маннергейма, слишком нервничали, лишь министр иностранных дел вел себя более или менее разумно.

Двумя днями позже Маннергейм встретился в Гельсингфорсе с бывшим премьер-министром России Треповым. Трепов считал, что Маннергейм — самый подходящий человек, чтобы возглавить армию, которая возьмет Петербург и освободит Россию. Однако армия должна состоять не из финляндцев, а из русских, пусть даже организованных и вооруженных немцами.

Мысль о России не покидала Маннергейма. Он удовлетворил ее законные права и вернул почти все ее бывшие земли. И все же Финляндии следовало держаться от России подальше. Кроме того, Маннергейм считал, что нужно за все — даже за смену правительства в Финляндии и изменение политического курса — требовать компенсацию. А платить будут западные державы.

Надо было сыграть на страхе Англии перед большевиками. В Финляндии свирепствовал голод. Если Англия не признает независимость Финляндии и ее правительство и не пришлет зерна, то страна погибнет, а большевики ее захватят по пути в Англию. Маннергейм предъявил Англии целый пакет требований — 20 тысяч тонн зерна, эскадру для защиты Финского залива, признание независимости, согласие на поход на Петербург и право на создание там правительства, которое бы восстановило порядок.

Невероятное письмо написал Маннергейм Марии Любомирской из гостиницы "Регина" в Париже 28 октября 1918 года — он умел кратко и ясно излагать свои мысли. Он писал, что, к сожалению, не знает, какая Россия лучше — та, которой правят большевики, или новая, которая будет представлять опасность для малых соседних стран. Русские ничему не научились и ничего не забыли. Раньше или позже мы окажемся в ситуации, когда Россия, будучи более сильной империалистической державой, чем прежде, стянет свои войска и двинется восстанавливать великое Российское государство в его прежних границах. Избежать столкновения с такой Россией — а она обязательно возникнет — можно. Россию нельзя уничтожить, стереть с карты мира. Поскольку именно так выглядит положение вещей, лучше всего совершить рыцарский поступок и ос-

вободить Петербург, тем самым заложив основы будущих хороших отношений. Поэтому-то Маннергейм испытывает грусть, видя, как Финляндия упустила свой шанс, не поспешив на помощь генералу Юденичу, когда его армии грозила гибель у стен Петербурга.

Немцы успели туда раньше финляндцев, но случилось это только в 1941 году. И на этот раз они не захотели помощи Маннергейма. Его же рыцарский поступок, дружеская услуга России заключалась в том, чтобы создать предпосылки для независимости Финляндии и налаживания хороших отношений с Россией. Деятельность Маннергейма отличается продуманностью, логичностью и дальним прицелом. Он никогда ничего не делал под влиянием минутного порыва. Скорее его можно обвинить в обратном.

В западных столицах

Правительство послало Маннергейма налаживать отношения с западными столицами — в Париж и Лондон, чтобы там получить наконец признание Англией независимости Финляндии и обещание прислать зерно. Он не запятнал себя дружескими чувствами к немцам, его репутация была безупречна.

На борту парохода, следовавшего в Стокгольм, находилась финская делегация, которая по приказу правительства направлялась в Германию, чтобы сообщить принцу Гессенскому о его избрании королем Финляндии и поторопить его приезд. В разговоре с членами делегации Маннергейм заметил, что их задача потеряла актуальность. В ответ он услышал, что принято решение поставить мир перед свершившимся фактом. Весь мир, следовательно, будет плясать под дудку финского правительства и риксдага. С точки зрения Маннергейма, такой ход мыслей свидетельствовал о мании величия.

В Англию он отплыл из Бергена. Пунктом назначения был Эйбердин. Во время плавания начался шторм, сильнее которого Маннергейму еще не приходилось видеть. Волны захлестывали корабль. Маннергейм оказался запертым в столовой, поскольку пройти в каюту было невозможно. Капитан двое суток удерживал судно в открытом море, боясь зайти в какой-нибудь порт из-за страха перед плавающими минами. Когда шторм утих, они направились к Оркнейским островам пополнить запасы угля. До места назначения Маннергейм добрался через трое суток.

В Лондон он прибыл 12 ноября. Газеты писали о перемирии. Народ ликовал, упоение победой не поддается описанию. У Маннергейма не было сил ликовать. Финляндии лишь в последнюю минуту удалось встать на сторону держав-победительниц. Это обстоятельство, как он предчувствовал, весьма затруднит его задачу.

Как-то раз в уличной толпе Маннергейм увидел даму, вид которой заставил его чуть ли не подскочить на месте. Она была одета в сшитый по фигуре костюм, немного напоминавший военный мундир, — очевидно, форма какой-то полувоенной женской организации. Элегантная, с чувством вкуса, даже обаятельная, высокая, с хорошей фигурой, но некрасивая. Верная своей привычке, перчатки она держала в руке. Остановившись, Маннергейм проводил ее взглядом, пока та не растворилась в толпе, после чего пошел дальше, болтая со своим спутником. Дама была его женой. Спустя полгода он получил официальное свидетельство о разводе с ней в суде Торнео. Такова жизнь.

В Лондон Маннергейму прислали телеграмму, в которой сообщалось, что его хотят сделать регентом. Телеграмма поступила в Министерство иностранных дел Англии.

Возвращение домой

12 декабря 1918 года риксдаг избрал Маннергейма регентом.

Он рассказывал, что в момент выборов находился во Франции. Одновременно было назначено правительство, на чей состав Маннергейм, стало быть, повлиять не мог. Министр иностранных дел Франции поздравил его с избранием, но заметил, что Франция не может доверять новому правительству, поскольку в него входят министры, известные своими пронемецкими настроениями. Хотя Маннергейм разделял точку зрения министра, он заявил, что у него нет ни пронемецких, ни просоюзнических министров, а есть только те, кто лучше всех могут служить Финляндии. Если Франция ему не доверяет, он откажется от поста регента. На следующий день Маннергейм получил сообщение, подтверждавшее доверие к нему со стороны Франции.

Одновременно с возвращением Маннергейма в Финляндию прибыл первый корабль с зерном в соответствии с достигнутыми им договоренностями. Американский политик Гувер, возглавлявший работу по оказанию помощи, выдал хлеб из запасов, собранных в зернохранилищах Дании и Швеции.

В Турку Маннергейм попросил архиепископа благословить его на должность главы государства. Обычай этот в Финляндии был неизвестен. Маннергейм преклонил колена перед архиепископом, а тот, возложив ладонь на его голову, прочитал молитву. Он молился, чтобы это ответственное дело послужило славе Божьей и счастьем отечества. Сразу же после этой церемонии Маннергейм поездом уехал в Гельсингфорс.

Когда осенью в правительстве обсуждался вопрос о выборе Маннергейма на пост регента, некоторые министры говорили, что он будет нужен в таком качестве всего четыре месяца и что благоволение народа к

нему дольше не продержится. Такую, стало быть, временную, короткую роль предназначали Маннергейму.

В спальном купе ночного поезда Маннергейм написал тексты речи и обращения. Главной их темой были единство, залечивание ран и примирение.

На перроне в Гельсингфорсе Маннергейма встречало правительство в полном составе. Пожав руки всем членам правительства, Маннергейм отвел в сторону Вальдена и сказал ему: "Завтра начнем оживлять шюцкоры. Без них стране не справиться". Армия все еще не имела собственных резервов, существовали только шюцкоры.

Маннергейм был не в силах дожидаться завтрашнего дня. Уже вечером в день своего приезда он вместе с Вальденом разработал точный план действий.

Было решено дать шюцкорам собственного командующего с широкими полномочиями и собственный военный штаб. Уже в середине февраля стало возможным издать постановление о шюцкорах, четко определявшее их задачу. Согласно директиве правительства шюцкоры были призваны повышать обороноспособность народа и обеспечивать законный общественный порядок. В стране существовали две армии — государственная, то есть всеобщая, и полусамостоятельная добровольческая армия милицейского типа, которую злые языки называли личной армией Маннергейма. Маннергейм сделал все, что было в его силах, чтобы легализовать и укрепить шюцкоры, приобретшие благодаря этому прочный статус в республике. Одновременно было проведено сокращение армии, пребывавшей в плачевном состоянии вплоть до 30-х годов, когда она наконец обрела свой финский характер, свою тактику и собственные методы обучения. В те же годы под руководством Маннергейма унифицировали и подняли на более высокий уровень командный состав. Перестройка армии не ослабила шюцкоры, которые влились в оборонительную систему страны. В результате осуществления мобилизационного плана полковника Аиро шюцкоры стали основой мобилизации и ее исполнителями. Маннергейм, правда, боялся, что это может подорвать самостоятельность организации и даже как-то назвал Аиро "пожирателем шюцкоров".

Шведский архиепископ, посетивший Финляндию в марте 1919 года, сказал, что Маннергейм спас свою страну дважды в течение одного года.

1918 год подходил к концу. Год головокружительных успехов и невероятного темпа, о чем позаботились события в мире. Медлительный Маннергейм действовал быстрее всех. Но он не всегда осуждал медлительность. Когда во время осады Таммерфорса кое-кто начал обвинять полковника Ветцера в медлительности, Маннергейм оборвал всякие разговоры на эту тему, заметив, что даже первейшая красавица Парижа не может дать больше того, что имеет.

Смена власти

Дипломатический корпус, аккредитованный в Хельсинки, был представлен главе государства 23 декабря 1918 года в 16.00 в большом зале приемов правительственной резиденции. Присутствовали послы Скандинавских стран и Германии, расположившиеся в ряд согласно рангу. Открылась дверь, вошел Маннергейм. Послы разинули рты. Один из них потом признался, что они почувствовали себя школьниками перед Маннергеймом. Разговор проходил на французском, потому что немецкий посол не знал шведского. Один из дипломатов испытал большую неловкость, поскольку его французский был не безупречен.

Появление Маннергейма произвело впечатление. Один человек, знавший его по Варшаве, говорил, что не видел бы никого, кто умел появляться столь эффектно, как Маннергейм. Он же утверждал, что Маннергейм пользовался наибольшей благосклонностью варшавского высшего света.

После окончания выборов в новый риксдаг Маннергейм устроил большой прием. Количество приглашенных колебалось между 700 и 800. Из восьмидесяти депутатов от социал-демократической партии демонстративно не явился никто. Маннергейм вел себя как человек из народа, в его манерах, по мнению некоторых, проскальзывали даже крестьянские черточки. Очевидно, он старался вжиться в роль крестьянского вождя, принятую им на себя в начале боев 1918 года. Тогда Маннергейм отбросил всякие изыски и украшения и позволил финскойязычной прессе называть себя Кустая. Солдаты белой армии распевали песни о "старике" Маннергейме. Его представляли эдаким народным вождем, попыхвающим трубкой, в суконном армяке. Маннергейм, должно быть, испытал немалые психологические трудности, акклиматизируясь в Финляндии. У него не хватало знаний страны и ее народа. Офицерский мундир царской армии, который благодаря своей изысканной простоте был одним из самых элегантных парадных мундиров в мире, не считая парадную форму гвардейцев, приучил его к истинной простоте, без мишуры. Маннергейм предпочитал неброскую элегантность и чистоту линий, хотя в 30-х годах, золотом веке всяческих мундиров, тоже не избежал временного пристрастия к опереточной мишуре. Тем не менее мужицкая грубость и удаль ему были чужды, и он не мог хорошо себя чувствовать в роли, требовавшей этих качеств, поэтому весьма скоро ее отбросил. В Эстерботтене крестьянский образ был, наверное, по оценке Маннергейма, единственной возможностью вызвать нужную реакцию масс. Незнание им финского языка, русский денщик и портрет царя на столе вызывали там недоумение и подозрения в том, что он — русский офицер.

Разрабатывая оборонную систему страны, Маннергейм предложил ввести краткосрочную военную службу, снижение военных расходов и укрепление шюцкоров. Что касается первых двух пунктов, то подобные идеи ни один военный в мире еще никогда не выдвигал. Это доказывает, насколько Маннергейм был гибок и как умел приспосабливаться к ситуации. Его отношение к различным вопросам отличалось практичностью и деловитостью. В данном случае в основе лежали политические соображения.

Русские эмигранты вновь смогли убедиться, что у Маннергейма два лица — с одной стороны, он выдавал себя за друга России, с другой — твердо отстаивал интересы Финляндии.

Практически все белые генералы в России были старинными знакомыми Маннергейма. Теперь они один за другим и все сообща с оружием в руках поднимались на борьбу с ленинским правительством. Гетман Скоропадский, вождь Украины, служил вместе с Маннергеймом в кавалергардах. Генерала Каледина, руководителя казачьего восстания, Маннергейм сменил напосту командира 12-й дивизии. Генерал Краснов, впоследствии известный писатель, занявший этот командирский пост после Маннергейма²⁷, находился у него в подчинении, когда тот стал командующим армейским корпусом. С Деникиным Маннергейма свела судьба на фронте в 1916 году, где они командовали соседними дивизиями.

Теперь западные державы решили, что пора свергнуть ленинское правительство. Маннергейм поставил им новые условия, назвал цену за участие Финляндии в этом предприятии. Командующему английским балтийским флотом предписывалось обеспечить нейтралитет Балтийского моря, другими словами, убрать оттуда военные корабли. В Восточной Карелии следует провести референдум, чтобы узнать, актуально ли ее присоединение к Финляндии. Союзники должны предоставить в распоряжение финляндцев самолеты и броневики и заем в 10 миллионов фунтов стерлингов. Кроме того, от союзников требовалось после взятия Петербурга обеспечить район продовольствием. Маннергейм собирался сам доставить корабль с зерном в Петербург.

Однако перед английским адмиралом стояла другая задача — предотвратить поход финляндцев на Петербург. Англия даже была готова прибегнуть к экономическим санкциям в своем стремлении не обидеть русских белых генералов. Маннергейм уже не был одним из них, он — глава финляндского государства. Согласившись летом на просьбу Маннергейма о защите финляндских берегов, английский флот преследовал и иную цель — помешать Финляндии и оказать на нее известное давление.

Маннергейм уже не был, как летом 1918 года, единственным, кто мог попытаться освободить Петербург. Теперь освободителей было несть числа, в их рядах стало даже тесновато. Англия, Франция и Япония тоже стремились к этому.

Английский адмирал никогда еще не видел такого статного иностранца, как Маннергейм, — высокий, элегантный до кончиков ногтей, великолепно одетый. И вот английские торпедные катера, атаковав с Бьёркэ Кронштадт, потопили русский флот. Англия не хотела военной помощи Финляндии, да и не нуждалась в ней. Она боялась, что у финляндцев разгорится аппетит. Эстонцев выгнать из Петербурга после взятия города будет значительно легче.

3 апреля 1919 года Юденич, этот белый русский борец против большевизма, который из Эстонии напал на Петербург, попросил Финляндию о помощи, обещав отдать ей Восточную Карелию, но не Мурманск, хотя эту территорию она тоже получит, но только после строительства прямой ветки до Архангельска. Уже в то время, стало быть, велись разговоры об этой важной ветке, о которой финляндцы узнали только в 1941 году. Юденич обещал также Финляндии порт на Ледовитом океане Петсамо. А Финляндия обязывалась не пропускать через свою территорию иностранные войска, имевшие целью нападение на Россию. В этой связи планировалось подписание договора о дружбе, что и осуществилось в 1948 году, но тогда его подписали Финляндия и Советский Союз! Все эти факторы сыграли важную роль в развитии отношений между Финляндией и Россией. Маннергейму пришлось то по инициативе одной стороны, то по инициативе другой долго и глубоко заниматься этими проблемами. С географией мы ничего поделать не можем, как подытожил вопрос Паасикиви, цитируя Сталина.

Законный государственный переворот

1 июля 1919 года Сантери Алькио, настоящий народный трибун и демократ, нервно заметил, что Маннергейм и Юденич, похоже, заключили военный союз. Он был уверен, что Маннергейм собирается захватить власть в Финляндии перед президентскими выборами. Военный министр Вальден опроверг эти сведения и пригрозил уйти в отставку, если ему не поверят. На самом же деле уже целую неделю полным ходом шла подготовка к государственному перевороту, который намеревались осуществить законным путем в соответствии со старой конституцией. Маннергейм хотел освободить Петербург и всю Россию.

Английский адмирал отмечает, в какую ярость пришел Маннергейм, поняв, что Финляндию собираются отодвинуть в сторону, отстранить от участия в походе на Петербург.

Представитель белого русского движения в регионе Ледовитого океана генерал-лейтенант Марушевский приехал в Хельсинки в начале июня 1919 года. Он утверждал, что Маннергейм имеет в своем распоряжении 7 дивизий и 100 000 человек, которых можно мобилизовать за десять

дней, и планирует операцию, но намерен идти мимо Петербурга на берега Волхова. В город войдет лишь полицейский отряд в несколько тысяч человек для наведения порядка. При первом удобном случае город будет передан Юденичу. В качестве компенсации Финляндия получит то, о чем Маннергейм неоднократно говорил русским.

Англичане предполагали, что спешка Маннергейма объясняется предстоящими президентскими выборами, сулившими ему поражение. Время подгоняло его.

Адмирал Колчак, наступавший из Сибири в направлении Москвы, передал Маннергейму через англичан две просьбы. Он призвал его двинуться на Петербург, но при условии, что на его стороне будут русские войска. Управление городом должно быть возложено на силы Юденича. 10 июля 1919 года Маннергейм ответил, что сначала необходимо принять выставленные Финляндией условия.

Началась подготовка к операции. Маннергейму было предложено утвердить форму правления, распустить риксдаг, назначить новые выборы и, объявив войну, напасть на Петербург. Наиболее консервативная партия — коалиционная — образует новое правительство.

Лаури Ингман, политический деятель и впоследствии архиепископ, объяснил Маннергейму, что, утвердив новую конституцию, он получит лишь власть, оговоренную этим основным законом для президента. У него не будет права объявлять войну — права, которое он имел согласно конституции Густава III, принятой в 1780-х годах.

Маннергейм нервничал — ему не удалось заставить лидеров коалиционной партии собраться в Хельсинки для обсуждения ситуации. Явившихся к нему двух членов этой партии он отругал за бездействие. "С вас шкуру сдерут живьем, вот увидите. А я как-нибудь выкручусь", — сказал он, намекая на то, что большевики возьмут Финляндию и всех прикончат.

Ингман сказал, что роспуск риксдага не получит единодушной поддержки народа. Если Маннергейм утвердит новую конституцию, то несколько странным будет выглядеть его желание воспользоваться властью регента, предоставляемой ему старой конституцией, и объявить войну. Война не сможет быть успешной, если ее будут поддерживать лишь коалиционная партия и некоторые шведские, а Аграрный союз и прогрессивная партия выступят против.

Маннергейм не колеблясь высказался в пользу предложенного плана. Освободительная война еще не закончена. Решающее сражение состоится по другую сторону Петербурга. Если этого не произойдет, господам придется положить свои головы на плаху.

Тем не менее на партийном совещании был сделан вывод, что поход на Петербург — затея нереальная. Он поглотит столько денег, что без риксдага и его согласия на субсидию не обойтись. Два руководителя партии

отправились к Маннергейму доложить о плачевных результатах совещания. "Что ж, в таком случае я иду утверждать новую форму правления. Солдату без поддержки политической партии в политике делать нечего". И сообщил, что завтра уедет в Рунни, курортное местечко на востоке Финляндии, лечить свой ревматизм.

Утверждение новой формы правления, несмотря на протесты Маннергейма, было объявлено неотложным делом, и риксдаг ее утвердил. Но и после этого Маннергейма не переставали подстрекать, призывая не утверждать новой конституции и продлить свой мандат регента.

Маннергейм пребывал в Рунне, никак не вмешиваясь в ход событий. Он научился писать современным способом, держа ручку между указательным и средним пальцами, сообщал он в письме сестре Софи. Это дает опору нервической руке. В другом письме он рассказывал о лечении. Целебные воды там пили, стоя на колоде, которую в это время раскачивали, чтобы вода внутри переливалась туда-сюда. Раскачивающие колоду поют при этом народные песни и прыгают взад и вперед. Грязевые ванны представляют собой бурую жижу, содержащую родон, а после сеанса ее смывают под душем. Маннергейм со всеми здороваётся и потому чувствует себя то ли хозяином, то ли метрдотелем. Лечебная гимнастика весьма эффективна.

В Рунни Маннергейм провел три недели. Возвращение в Хельсинки превратилось в триумфальное шествие, несмотря на то или благодаря тому, что президентские выборы с большим перевесом выиграл Стольберг.

Стольберг предложил Маннергейму пост главнокомандующего, но когда тот начал выдвигать условия, президент посчитал это за отказ. Требовал же Маннергейм гарантий и информации о том, какую политику президент и правительство собираются проводить. Предложение Стольберга о назначении послом в Париж он отклонил.

Совершенно невероятным кажется эпизод, рассказанный Маннергеймом в Ставке 16 мая 1943 года, который относится ко времени его пребывания регентом. Это произошло в день годовщины победы 1918 года. Маннергейм вместе с министром юстиции отправился инспектировать лагерь для военнопленных красногвардейцев в Экенес. Завершив инспекцию, он велел начальнику лагеря и охране удалиться. Капитан, командовавший охранниками, стал возражать. Он не может оставить регента без охраны, один на один с бандитами. "Марш! Вы слышали приказ?" — отвечивал Маннергейм и, приказав закрыть двери, стал беседовать с заключенными, что было нелегко, поскольку он плохо владел финским. Когда наступило время обеда, он уселся с ними за один стол и принялся за еду, кишечную насекомыми и жуками. Министр юстиции от угощения отказался.

Что касается всяких омерзительных и отталкивающих переживаний, то тут у Маннергейма поразительно богатый опыт — стоит только вспомнить его азиатскую экспедицию. Он был мужественный и смелый чело-

век и в то же время на редкость добросовестный, придирчивый и даже педантичный. Инспектируя лагерь, он ничего не упустил из вида и позволил заключенным высказать свои жалобы без присутствия охраны и начальника лагеря — подобное рассмотрение жалоб известно в армии.

С детских лет Маннергейм стремился казаться мужественным, бесстрашным человеком. Еще маленьким мальчиком он всегда говорил, что ничего не боится.

В октябре 1919 года Юденич со своей белой армией вторично подошел к самым стенам Петербурга. Но их атака была отбита. Тогда Маннергейм написал Стольбергу открытое письмо, которое передал газетам для публикации. Белая русская армия нуждается в эффективной поддержке. Финляндия обязана принять участие в штурме или найти другой способ помощи. После чего станет возможным взамен требовать от России признания независимости.

Маннергейм в этот момент находился в Париже и заразился царившим там оптимизмом.

Однако Лаури Ингман сообщил ему, что представители Англии и Франции, аккредитованные в Финляндии, совсем по-другому оценивают события вокруг Петербурга. Маннергейм ответил, что эти господа вынуждены соблюдать осторожность, находясь в Финляндии, дабы ненароком не связать себя какими-либо обещаниями.

5 октября 1919 года Маннергейм писал сестре Софи, что по дороге в Париж ему кричали "ура" в Хельсинки, освистали в Стокгольме, а в Копенгагене оставили в покое. Когда он прибыл в Лондон, там как раз началась забастовка железнодорожников. Рабочие поезда были украшены красными флагами, гремели марши. Создавалось впечатление, что в городе революция. Нечто похожее Маннергейм наблюдал в России и Финляндии в 1917 году и еще раньше — сразу после окончания русско-японской войны. По его мнению, эта забастовка была настоящей схваткой, может быть, серьезнейшей из всех, между странами-победительницами и Москвой. Но английское правительство, слава Богу, было во всеоружии.

Эпизоды и события революции настолько глубоко проникли в подсознание Маннергейма, что парализовали его способность различать нюансы.

Послание Маннергейма президенту Стольбергу, опубликованное в финских газетах 2 ноября 1919 года, было воспринято скептически. Алькио считал, например, что чем хаотичнее будет обстановка в России, тем лучше для Финляндии. Не в ее интересах восстанавливать там порядок и способствовать переходу власти к прежним руководителям.

4 и 12 декабря Маннергейм встретился в Варшаве с маршалом Пилсудским, с которым обсуждал планы совместного похода на Россию весной 1920 года. Провожать Маннергейма, возвращавшегося поездом в Париж, пришел знаменитый пианист Падеревский.

В Лондоне Маннергейм пытался договориться о походе объединенных армий на Россию. Он связался с Черчиллем. Если деникинская операция на юге России провалится, то на очереди будет захват большевиками Польши и Финляндии.

Совершенно независимо от того, занимал ли Маннергейм официальное положение или нет, мысль о завоевании Петербурга не давала ему покоя. Это была великая задача его жизни. Выполнив ее, он сыграл бы свою всемирно-историческую роль. Но судьба не удостоила ни его, ни кого-либо другого такой чести.

Вернувшегося из России в Финляндию Маннергейма мало кто знал. Он был великий неизвестный и мог стать кем угодно. За его новым обликом, который начинал тогда формироваться, не маячили прошлые стереотипы, поэтому они не повлияли ни на суть, ни на величие этого облика. Фамилия Маннергейма звучала очень по-фински, казалась исконно финляндской. Лидера красных звали Маннер, лидера белых — Маннергейм, фамилия, многими воспринимавшаяся как Маннергеймо. Это наверняка сыграло свою роль. Французская фамилия, например де ля Шапель или Шарпентье — а вначале их прочили в главнокомандующие белой армией, — никогда бы не смогла так быстро укорениться в сознании народа.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ВНЕ АРМИИ

Красный Крест и Союз защиты детей

В 1933 году — через пятнадцать лет после окончания гражданской войны в Финляндии — Маннергейм выступил с речью, в которой призвал перестать спрашивать людей, на чьей стороне они были в 1918 году.

Веселые 20-е Маннергейм далеко не бездельничал, он не только совершал путешествия в далекие страны, охотился и наслаждался светской жизнью. Нет, он работал, четко соблюдая рабочие часы, хотя никто его об этом не просил. Он организовал бюро и посвятил себя проблемам, связанным с весьма широкой областью деятельности, — возглавил Союз защиты детей имени генерала Маннергейма и Красный Крест Финляндии.

Союз защиты детей был создан в начале 1920 года. В начале 1922 года Рикард Фальтин попросил Маннергейма стать председателем финского Красного Креста. Маннергейм съездил в штаб-квартиру Международного Красного Креста в Женеве, по дороге домой ознакомился с деятельностью Красного Креста в Швеции и, вернувшись в Финляндию, принялся за работу. Он организовал два комитета. Один планировал деятельность Красного Креста в военное время, другой — в мирное. Маннергейм входил в руководство обоих комитетов. Целеустремленно, настойчиво он создавал систему полевых госпиталей, которая была готова к началу Зимней войны: десять госпиталей и медсестринский резерв. И сам принимал участие в выборе оборудования и его разработке.

Изготовленные для грузовиков специальные пружинные подставки для носилок Фальтин забраковал за глаза. Маннергейм взорвался. Микаэль Грипенберг дергал его за рукав, пытаясь успокоить, но тщетно.

— Если ты воображаешь, что раненые во время мировой войны были довольны перевозками в ваших санитарных машинах, так ты глубоко ошибаешься. Было бы человечнее пристрелить этих несчастных, чем видеть страдания, которые им причиняли ваши машины. — И, повернувшись к Грипенбергу, произнес: — Что ты так разволновался? Разве не видишь — я абсолютно спокоен.

На важнейшую причину своей общественной деятельности Маннергейм, судя по всему, указал в октябре 1920 года. Необходимо заполнить глубокую брешь, разделяющую народ на красных и белых, и начинать надо с самого начала, с детей, обеспечить их физическое и психическое здоровье и благополучие. Поскольку коммунизм и социализм — это определенная стадия болезни, нужно всячески ограждать детей от их влияния и заразы. Во время призыва приходилось отсеивать много молодых людей с плохим развитием, которые не отвечали требованиям. Армии то-

же была польза от патронажных сестер, курсов материнства, консультаций, яслей, детских садов, сельских клубов, школьных обедов. Полем деятельности стала вся страна. Сестра Маннергейма Софи занимала в этой деятельности важное место как инициатор и разработчик программ. Она слишком хорошо знала, почему в Англии начали работу по защите детей, — здоровье нации во время призыва на бурскую войну²⁸, как выяснилось, коренным, ужасающим образом отличалось от существовавших представлений о нем. То же самое произошло и в Кайаани в 30-х годах, когда из шахтерских поселков и малонаселенных районов Финляндии потоком пошли призывники ростом 120 см и весом 30 кг, юноши, страдавшие от недоедания и отсутствия ухода, не говоря уж о духовных импульсах. Именно этот шок пробудил англичан, как картина нищеты в глухих уголках страны пробудила финляндцев. Больные дети, спавшие в грязи и нечистотах, пробудили Софи Маннергейм.

Частная жизнь

В начале 1923 года Маннергейм предпринял поездку в Алжир и Марокко. В Швейцарии он приобрел себе новый элегантный автомобиль, "мерседес-бенц", но в Финляндию его с собой не привез — дома у него уже было несколько машин. Его шофер, тоже швейцарец, говоривший по-французски, Мишель Гейар, прослужил у Маннергейма с 1923 по 1927 год. Гейар рассказывал, что хозяин каждый вечер вызывал его к себе сверить часы, чтобы он на следующее утро явился бы секунда в секунду. В пути Маннергейм обращал внимание на любые, самые незначительные сбои мотора. Перед каждым выездом шофер должен был составлять точное расписание с указанием расстояния, расчетного времени прибытия и возможных объездов. Маннергейм имел обыкновение комментировать красоту мелькавших мимо ландшафтов и рассказывать о делах той страны, через которую они проезжали. О Финляндии, ее армии и политике он не высказывался никогда. И только один-единственный раз за эти четыре года упомянул военную сферу деятельности. Проведя целый день в машине, они приехали с небольшим опозданием. Свой упрек Маннергейм облек в форму вопроса: "Что бы вы сделали, если бы вам, как мне, пришлось организовывать переброску тысяч людей?"

Гейар вспоминает забавный инцидент из тех, что обычно случаются в путешествиях. Однажды июньским вечером они ехали из Италии в Швейцарию. У перевала Симплон машину остановили швейцарские таможенники, заявив, что проезд будет разрешен только завтра утром. Правило было введено для обеспечения безопасности пассажиров. Оскорбленный Маннергейм вышел из автомобиля, сказав, что позвонит в Берн по поводу специального разрешения. Через минуту или две он появился в

дверях таможенного павильона и сообщил, что разрешение получено. Уже на перевале Маннергейм рассказал, что никуда не звонил, никакого разрешения не получал, одним словом, натянул таможенникам нос. Но таможенники раскусили уловку и на выезде с перевала машину остановили, хорошенько отругали пассажиров и вдобавок взяли с Маннергейма штраф в 50 франков.

За границей для Маннергейма был другой мир, другая жизнь и та свобода, о которой в Финляндии он мог лишь мечтать. На фотографиях, сделанных за границей, он смеется, гримасничает, строит рожи, приседает, словно готовясь к прыжку. После Зимней войны он и там стал знаменитостью и был уже вынужден скрываться от любопытных глаз.

В Алжире Маннергейм вдруг решил сам вести машину. Поездка закончилась аварией. Больше он за руль не сел. Во время второй мировой войны он говорил, что не водил машину несколько десятков лет, а когда однажды в щекотливой ситуации ему так пришлось это сделать, он потерпел фиаско.

В Алжире автомобиль, которым управлял Маннергейм, наехав на виноградник у обочины, свалился в ущелье пятиметровой глубины. Маннергейма выбросило из падающей машины. Лежа на земле и видя, как на него сверху валится огромный, величиной с дом, автомобиль, он, естественно, решил, что пробил его последний час. Но и тут везение ему не изменило. Маннергейм отделался переломами бедра, ключицы и пары ребер. Четыре с половиной часа он провалялся там, пока его не заметили. Под дождем. Он уже начал опасаться, что пролежит так всю ночь. Только после наступления темноты, при свете фонарей, его нашли, перевязали и отнесли в больницу. В результате Маннергейм схватил воспаление легких, мучившее его пару недель. Нога была на растяжке, но у Маннергейма было чувство, что груз недостаточный. Он написал Рикарду Фальтину, объяснив характер повреждения и применяемое лечение. Фальтин подтвердил его подозрения — груз следовало увеличить. Будучи человеком щепетильным, Маннергейм тайно уговорил медсестру подвешивать ему на ночь дополнительный груз, а днем снимать его, чтобы лечащий врач ничего не заметил, — ему не хотелось обижать врача. Перелом бедра сделал ногу короче на два сантиметра. Возможно, отчасти и по причине щепетильности Маннергейма. До конца жизни он был вынужден ходить с вкладышем в одном ботинке и укорачивать с одной стороны стремя. Его походка не выдавала дефекта, заметного только в сауне.

Именно в этот период окончательно сложилась знаменитая походка Маннергейма — слегка раскачивающаяся, с едва заметным приседанием, словно бы он намеренно замедлял шаг.

С 20-х годов и вплоть до начала Зимней войны у Маннергейма служил камердинер-австриец. Маннергейму так понравился семнадцатилетний официант, обслуживавший его в одном ресторане, что он тут же предло-

жил юноше работу у себя. Сначала Маннергейм говорил с молодым человеком по-немецки, но велел тому побыстрее выучить шведский. На обедах этот Ханс Кёпф прислуживал, одетый в национальный костюм Зальцбурга, специально выписанный из Австрии.

У Маннергейма не было особого слуги, который бы стаскивал с него сапоги, это делал Ханс. Ханса он брал с собой и в заграничные путешествия. Во время поездки в Индию Маннергейм даже нанял для своего камердинера слугу. Ханс сопровождал хозяина каждую осень, когда тот отправлялся на охоту в Тироль. Маннергейм стрелял только тех серн и благородных оленей, которые отличались красотой рогов. Рассказывает Ханс: "Особо большого желания убивать их у Маннергейма не было. Ему больше хотелось оставить их живыми. Охотничий домик, который снимал Маннергейм, стоял на красивом месте в горах, но добираться туда можно было только пешком, что обеспечивало ему мир и покой".

Как-то в Индии Маннергейм велел Хансу высушить свои кавалерийские сапоги. Тот передал поручение индийскому слуге, который поставил сапоги так близко к огню, что они покоробились. Маннергейм страшно рассердился, поскольку это были его единственные охотничьи сапоги.

По словам Ханса Кёпфа, Маннергейм был суеверен. Если тринадцатое число выпадало на пятницу, он в автомобиль — ни свой собственный, ни в чужой — не садился, а ехал поездом. И его шофер вместе с Хансом следовали за поездом на машине, чтобы встретить хозяина и продолжить прерванное автомобильное путешествие. Ханс прослужил у Маннергейма с 1926 по 1939 год.

Маннергейм был требователен не только к собственной кухне, но и к тем ресторанам, которые он часто посещал. В Дворянском собрании он имел постоянный столик, и обслуживали его одни и те же официанты. Блюда он заказывал заранее, дня за два — приготовление их нередко занимало именно столько времени.

Любимым блюдом Маннергейма был целиком зажаренный молочный поросенок, нашпигованный жареной гречкой. Разрезать поросенка приходил сам метрдотель, поскольку процедура требовала большого искусства, ведь в неумелых руках косточки плавающего в жиру поросенка могли разлететься по столу. На одном обеде в Дворянском собрании в Миккеле во время Зимней войны поросенок просто упал на пол. Правда, его все-таки спасли — тщательно почистили и вновь поставили на стол. Если блюда бывали особенно удачно приготовленными, Маннергейм шел на кухню поблагодарить поваров. Чаевых он не давал, вместо этого время от времени преподносил подарки — серебряный бокал или какой-нибудь другой ценный предмет. Зато других заставлял раскошелиться на весьма щедрые чаевые. Один метрдотель в Хельсинки рассказывал, как Маннергейм устроил обед в его ресторане для очень высокопостав-

ленных господ из Финляндии. Метрдотель от напряжения и усердия, казалось, несколько повредился в уме. Маннергейм повернулся к сидевшему рядом директору банка и сказал: "У метрдотеля плохое настроение, дайте ему на чай". — "У меня нет с собой денег", — ответил директор. "Но чековая книжка ведь есть", — возразил Маннергейм. Директор банка вынул чековую книжку и авторучку и поинтересовался, достаточно ли будет выписать 200 марок. "Как хотите", — ответил Маннергейм. И тот выписал 200 марок. "Пририсуйте еще нолик", — посоветовал Маннергейм. Что тот и сделал, дав, таким образом, 2000 марок на чай, сумму, составлявшую для многих месячный заработок. Зато своим деньгам Маннергейм вел точный счет. Ему полагалось бы давать царские чаевые, чтобы не стать притчей во языцех. Но он вряд ли даже представлял себе, о какой сумме идет речь. В делах такого рода он испытывал неуверенность. А вот если платили другие, тут он был способен проявлять любую широту натуры.

Из вин маршал предпочитал "Ле Кардинал".

Что касается крепких напитков, то здесь маршал прославился не только тем, что умел пить из рюмки, наполненной до краев, но и горячими дебатами по поводу состава его любимого горячительного напитка. Неясно, когда он ввел его в употребление. Состав держался в тайне, но позднее те, кто был причастен к смешиванию, приоткрыли завесу. В один литр разведенного спирта — это мог быть любой спирт, даже древесный во время войны, или обычная водка — добавляли 200 граммов джина и 100 граммов вермута. Такова версия метрдотеля женского пола.

После обеда в доме маршала пили кофе, который сервировался за круглым столом в соседней комнате. К нему в особо торжественные дни подавали коньяк, арманьяк или венгерский абрикосовый ликер "Баракк Палинка". Обычно эти напитки маршал получал в подарок.

Больше всего историй связано, пожалуй, с умением Маннергейма пить из рюмки, налитой под завязку. У других жидкость проливалась на рукав, на стол или на тарелку. В последнем случае маршал обычно интересовался, в чем причина, — требуется ли приправить блюдо алкоголем, или разбавить соус, или еда страдает другими вкусовыми изъятиями? Поиздеваться он был не прочь.

Об этом обычае пить из рюмки, налитой до краев, ходило немало домыслов. Генерал Аиро однажды спросил маршала напрямую, откуда идет эта традиция. Маннергейм рассказал, что в русской армии во время маневров полагалась стопка водки на завтрак и две к обеду. Выпивка оплачивалась государством, поэтому каждый старался налить себе пополнее.

Маннергейм всегда с любопытством наблюдал, как его гости справлялись с налитой до краев рюмкой, которую надо было выпить, не пролив ни капли. Как-то Маннергейм, принимая у себя в Ставке в Миккеле шведского кронпринца Густава Адольфа, приехавшего инкогнито под

видом шведского подполковника, поднял за столом рюмку с водкой и только отпил, а не выпил до дна, как предписывает исконный обычай и в России, и в Швеции. Принц осушил свою. Маннергейм приказал наполнить рюмки. Церемония повторилась еще два раза. Позднее Маннергейм с некоторым злорадством спросил у Аиро, сколько, по его мнению, рюмок принц одолел бы, если бы хозяин продолжал наполнять их в том же темпе.

В ресторанах Маннергейм требовал соблюдения либо французских, либо русских традиций. Русская кухня похожа на французскую, но обычай подавать водку к еде французы считают варварством, потому что она якобы портит вкусовые нервы. Но Маннергейм, даже заказывая французское меню дома или в ресторане, за едой всегда выпивал рюмку, а часто и не одну, водки. Он рассказывал, что в начале века он в компании нескольких молодых русских офицеров ужинал в каком-то фешенебельном парижском ресторане, в отдельном кабинете. У всех у них был отпуск, и они вели себя раскованно и непринужденно. Сев за стол, они тут же попросили официанта принести рюмки и водку. Метрдотель отказался выполнить просьбу. Компания сердито настаивала. Метрдотель был непоколебим. В конце концов он предложил компромисс. Водку не разрешалось подавать в зале, где люди обедают или ужинают, поэтому компании пришлось согласиться на то, чтобы ее подали в соседнем кабинете, как будто это был коктейль. Маннергейм говорил, что никого в своей жизни так жестоко не оскорблял, как того французского метрдотеля.

Маннергейм обычно насмехался над тем, что в Финляндии и понятия не имеют, как надо чистить сапоги. Зато Ханс Кёпф этим искусством владел, он ухаживал за сапогами по английскому способу. Умелый денщик занимался парой сапог не меньше получаса. Вычищенный до блеска сапог следовало потереть коровьей костью, чтобы приглушить блеск, а потом обработать поверхность парафином, который давал дополнительный глянец и предохранял кожу от обесцвечивания.

В Индии

Азия продолжала привлекать Маннергейма. Но через Россию в 20—30-х годах добраться туда было невозможно. И Маннергейм отправился южнее тех районов, что он исследовал и хорошо знал, в Индию и Непал, находившиеся под властью англичан.

Первое путешествие в Индию Маннергейм совершил в 1926 году. Морем он добрался из Лондона до Калькутты, а оттуда по суше в Бирму, где провел около месяца. Посетил Рангун и столицу Сиккима, расположенную у дороги в Тибет, потом через Басру и Багдад на автомобиле и самолете вернулся в Каир, а из Каира пароходом в Венецию.

В конце 1936 года Маннергейм вторично поехал в Индию, тоже морем, и прибыл туда в последний день старого года, не зная, что в этот день в далекой Европе умерла его жена.

Позднее Маннергейм охотно делился воспоминаниями о своем путешествии в Индию, писал о нем в мемуарах и передал для публикации множество фотографий. Азия была для него континентом, который он хорошо знал, и, судя по всему, он чувствовал себя уютно как в роскоши местных индийских князей, так и в палатках центральноазиатских ковчиков.

Он пережил жару Красного моря, любовался яркими звездами тропиков, видел город Аден, куда привозят воду из других мест, пустынную океана, нарушаемую лишь треугольными плавниками акул, следующих за кораблем, Бомбей, расположенный на прекраснейшем острове и связанный с материком мостами, Лукноу, находящуюся на расстоянии тысячи километров столицу Объединенных провинций, испытал удушающую жару индийских поездов, где пыль проникала во все щели. В вагонах, предназначенных для черни, давка и галдеж были хуже, чем в Китае. Люди лезли даже в окна. Пассажирам первого класса было легче — они имели душ. Еда в вагоне-ресторане была простая и однообразная. Из-за жары мясо и другие продукты портились мгновенно, поэтому подавалось только то, что могло долго храниться.

В обширных джунглях у подножия горной местности на границе с Непалом Маннергейм решил вместе с полковником Фаунторпе отправиться на охоту. С собой они взяли двух слуг из гостиницы в Лукноу, которые готовили им еду. Полковник и Маннергейм в вечерних костюмах сидели за накрытый посреди джунглей стол. Вечерами заводили граммофон. Пятнадцать вечеров подряд они слушали две имевшиеся у них пластинки. За все это время им не привелось увидеть ни одного тигра. Но зато полковник развлекал Маннергейма забавными историями об этих животных.

В Дели Маннергейм встретился с генералом Кирке, который в 1924—1926 годах принимал участие в организации финляндской армии и стал одним из важнейших закулисных фигур в политике Финляндии, одним из серых кардиналов. Маннергейм поддерживал отношения с Кирке более двадцати лет, вплоть до его смерти. Генерал умер годом раньше Маннергейма.

Кирке представил Маннергейма вице-королю Индии, главнокомандующему и ряду других высокопоставленных английских чиновников, входивших в администрацию этой страны. Генерал Скин выдал ему разрешение на охоту в районе Сеона, в 700 км южнее Дели. Маннергейм не преминул им воспользоваться. Днем он охотился, а вечером за ним приезжала машина и доставляла его в столицу округа, к местному начальнику. И здесь поздний ужин проходил под аккомпанемент граммофонной

музыки, а гости переодевались к столу в вечерние костюмы. Любимой мелодией был вальс. Под его звуки хозяин и Маннергейм делали несколько кругов с хозяйкой, чтобы завязать разговор и, как пишет в мемуарах Маннергейм, нагулять аппетит.

Охотничье счастье все никак не шло, зато социальный уровень общества возрастал непрерывно, как, впрочем, росла и роскошь. Маннергейм был джентльменом, украшением любой компании. Подобный успех не требовал от него никаких усилий, и, кроме того, если бы он их прилагал, его бы приняли за выскочку. К привычке английских джентльменов по-рабски следовать сословным нормам поведения Маннергейм относился с пониманием, хотя и с долей иронии. Свою вторую поездку в Индию Маннергейм, которого в Индии уже знали лично, совершил по приглашению полковника Бейли, посла Великобритании в Непале. За несколько дней до прибытия парохода "Мултен", водоизмещением в 20 тысяч тонн, в Бомбей Маннергейм получил телеграмму, где его извещали, что он прибывает в страну в качестве гостя генерал-губернатора и приглашается присутствовать на параде, который состоится в день прихода парохода в город. Генерал-губернатор с женой приняли Маннергейма в своей резиденции, расположенной недалеко от города. Дом утопал в море цветов, и красочность картины дополнял часовой — бенгальский улан, одетый в красный мундир, белые лосины и высокие сапоги с пряжками, в руке — пика с флюгером на острие. Маннергейм принимал парад, сидя в шатре вместе с генерал-губернатором. Когда генерал-губернатор поприветствовал проходивший мимо батальон, тот начал палить в воздух и стрелял что было сил, пока не прозвучал сигнал отбоя.

Двор генерал-губернатора подчинялся четкому распорядку. Адьютанты были по горло загружены, следя за всеми мелочами. Утром каждому вручалась программа дня. Такая жизнь, по мнению Маннергейма, неизбежно должна была казаться страшно однообразной. Правда, в Финляндии адъютантов загружали работой похожим образом, спуску тоже не давали.

Поездка по железной дороге в лагерь Бейли заняла двое суток. Азия — огромный континент. Картографические проекции лгут, уменьшая размеры стран по обе стороны экватора, благодаря чему они по величине получаются равными Скандинавии. До самых южных оазисов в Синьцзяне расстояние составляло всего 700 км, что в глазах Маннергейма было совершенной ерундой. Так близко от этих мест находился он, путешествуя по Азии.

Было бы странно, если бы Маннергейму не удалось подстрелить хотя бы одного тигра. Удалось-таки. Окруженный со всех сторон тигр незаметно подобрался слева к восседавшему на слоне Маннергейму и затаился в траве. Маннергейм же ждал его справа. Внезапно тигр прыгнул, намереваясь преодолеть заграждение. Первый выстрел прошел мимо цели,

зато второй пробил зверю легкое. Пробежав сорок метров, тигр рухнул замертво. Манера полковника Стивенсона вести беглый огонь по траве, благодаря которой он уже убил двух тигров, Маннергейму претила. Он считал такой способ охоты жестоким и вульгарным. Вот как он подстрелил своего второго тигра: поскольку загонщикам понадобилось четыре часа, чтобы окружить зверя, до наступления темноты оставалось всего полчаса, и надо было спешить. А напуганные слоны — одному из них тигр поранил хобот и голову — наотрез отказывались идти в круг. Маннергейм находился рядом с руководителем группы, полковником Бейли, который попросил его войти в круг, но слон уперся. И тут Маннергейм заметил в нескольких десятках метров блестящую среди моря травы белую полоску тигриных зубов, тщательно прицелился и выстрелил. Раздался ужасающий рев. Тигр не нападал. В бинокль охотник различил на земле желтое пятно и произвел второй выстрел. Зверь был мертв. Пуля попала ему в спину, а не в грудь, как думал Маннергейм.

В Мадрасе Маннергейм жил у тамошнего генерал-губернатора, лорда Эшли, в его летней резиденции, расположенной в месте с лучшим в мире климатом. Оттуда он отправился в другой лагерь Бейли, где собралось немало высоких гостей, среди которых были английские аристократы и американский адвокат Смит с пятнадцатилетней дочерью, прекрасным стрелком, — она совершенно самостоятельно уложила дикого буйвола Маннергейма, похоже, присутствие девочки несколько оживило.

В сопровождении полковника Маннергейм нанес визит местному князю, махарадже Непала, в его охотничьем лагере, куда была даже подведена дорога. Махараджа имел в своем распоряжении двести слонов и тысячу загонщиков. Палаточный городок был обнесен забором из кольев, а в центре на столбах возвышался дом махараджи, рядом с которым стоял большой шатер для приема гостей. Махараджа убил больше двухсот тигров, последнего — утром того же дня. Он предложил Маннергейму попробовать убить тигра-людоеда, свирепствовавшего в округе, — на его счету числилось уже две жертвы, и он вошел во вкус человеческой крови. Поймать зверя пока не сумели, хотя несколько раз его удавалось окружить, но он уходил целым и невредимым. В последующие два-три дня Маннергейм охотился своей собственной группой, пока за ним не приехал автомобиль махараджи, чтобы отвезти на то место, где людям махараджи еще раз удалось окружить тигра-людоеда. Махараджа сам стоял на страже, дабы не дать зверю уйти.

Тигра зажали в кольцо диаметром в 300 метров, образованное восемьюдесятью слонами, пять из которых утрамбовывали землю внутри кольца. Вдруг тигр напал на них, и они убежали. Через какое-то время эти пять слонов сами столкнулись с затаившимся зверем, но на этот раз уже тигр бросился наутек. По шевелению высокой, с дом, травы Маннергейм мог следить за продвижением зверя метрах в двадцати от того места, где он

стоял. На расстоянии пятидесяти метров тигр на секунду вынырнул из травы, и Маннергейм выстрелил, но промахнулся — под взглядом, как он сам отмечает, 400 пар глаз, из которых 160 пар, наверняка не самых глупых, принадлежали слонам. В таких ситуациях, даже если о них только рассказываешь, очень выручает тонкая ирония.

Слоны снова принялись утаптывать землю внутри кольца. Через два часа Маннергейму показалось, что он снова заметил тигра, и он выстрелил и вроде бы попал, потому что зверь передвигался теперь как-то странно. Еще через полчаса тигр промчался мимо Маннергейма, успевшего таки произвести выстрел. Зверь сделал пару прыжков, после чего трава перестала шевелиться. Охотники подъехали поближе и увидели лежавшего на земле тигра. Махараджа попросил Маннергейма выстрелить еще раз, на всякий случай, что тот и сделал. Голова зверя дернулась и затихла.

Этот тигр длиной 3,23 метра оказался самым крупным из всех, убитых в тот год в Непале. Махараджа уверял, что из подстреленных им лично зверей лишь один был на дюйм длиннее — остальные намного меньше.

После этого трофея Маннергейму посчастливилось раздобыть еще один, на этот раз в группе полковника Бейли. Маннергейм произвел всего один выстрел — пуля попала тигру в сердце.

Первый регент из семьи непальского махараджи помог англичанам подавить кровавое индийское восстание. Королева Виктория пригласила его в Лондон. В Опере она выразила сожаление, что ее гость не понимает слов арий в исполнении Аделины Патти. Индийский князь ответил: "Я не понимаю и песен соловьев". Маннергейм приводит эту историю в своих мемуарах, видно, посчитав ее достойной внимания. По его мнению, реплика индийца иллюстрирует восточные такт и находчивость. Одна из главных причин привязанности Маннергейма к Азии кроется, безусловно, в культуре ее народов — более древней и утонченной, чем наша собственная. Пятнадцатилетняя американка, охотившаяся на буйволов, представляла другой мир, совершенно не интересовавший Маннергейма. Но тем не менее и ее он нашел достойной упоминания.

В конце 30-х годов Маннергейм собирался в Америку поохотиться с отцом и дочерью Смит, с которыми он поддерживал переписку. Предполагалось отправиться на Аляску стрелять медведей. Уже была составлена детальная программа и назначены сроки. Но обострившаяся политическая ситуация в Европе, приведшая к войне, расстроила планы Маннергейма. Так он никогда Америку и не увидел.

Интересно, что целью этой поездки была выбрана Аляска — практически та же Сибирь, та же Азия. Невольно вспоминается стихотворение Киплинга о чарах Азии, в котором он писал, что тот, кто однажды услышал зов Востока, остается его пленником на всю жизнь.

Азия во многих отношениях подходила Маннергейму. Там самое важ-

ное для человека уметь не терять лица, твердо придерживаться древних обычаев, естественным образом быть церемонным, проявлять творческие задатки, создавая новые обычаи. С этим, конечно, связано то обстоятельство, что человек не может и не должен выпячивать свою индивидуальность, загадочность. Маннергейм и не делал этого, доказательством чего служит тот факт, что он всегда воспринимался как архетип определенной человеческой расы; балтийско-немецкий барон, вдохнувший воздуха русского двора, а после мировых войн — европейский аристократ с интернациональной ориентировкой начала века.

Лапуаское движение

Впервые у Маннергейма появилась возможность полюбоваться полным солнцем, когда он приехал на север Норвегии в 1921 году. Но это ему не удалось — небо было затянуто тучами. Поэтому его утверждение, что все виденные им за долгую жизнь солнца всегда всходили и заходили, имеет под собой основание. В тот раз он, по его собственным словам, находился в самом северном и самом красном городе мира — Хаммерфесте. Финская Лапландия тоже осталась чужда Маннергейму, ему не было до нее никакого дела. После Зимней войны он считал, что Финляндии следовало уступить Лапландию Советскому Союзу, тем самым открыв ему дорогу в Атлантику, — по его мнению, важнейшую цель этой державы, не заинтересованной, согласно этой теории, в оккупации Финляндии.

Одним из солнц, скатившихся на землю, было полуфашистское лапуаское движение.

В начале 30-х годов отношение Маннергейма к демократии оставалось таким же негативным, как и раньше. В конце 1929 года он писал княгине Марии Любомирской, что парламентарная система не способна проникнуть в суть вещей. В другом его письме мы читаем, что социалистические партии никогда не идут на снижение своих требований, и в этом их сила. Компромисс обозначает уступки и потери. Это цена мира, но не победы. Таково было мировоззрение Маннергейма в то время.

Маннергейм, в общем, никогда серьезно не занимался внутренней и партийной политикой страны. Когда в 1944 году его выбрали президентом, вопросы внутренней и партийной политики по заранее достигнутой договоренности вывели из сферы его обязанностей и возложили на премьер-министра, который также издавал указы.

В сентябре 1930 года в Швеции Эрнст фон Борн говорил, что движущей силой лапуаского движения был Маннергейм.

Действительно, в первый день выборов в риксдаг он выступил с заявлением для прессы, в котором выразил надежду на сильное правление.

Именно слабость правительства и упущения в его работе явились причиной движения, начавшегося в Эстерботтене. Финляндский народ осознал опасность, и движение началось в колыбели освободительной войны, движение настолько мощное, что оно способно поднять всю страну и поставить перед народом цели, которые пойдут на пользу отечеству. Маннергейм надеется, что все, кто помнит 1918 год, поддержат бескорыстные устремления, ставшие благодаря лапуаскому движению фактором общественной жизни.

Официальная Финляндия по-прежнему избегала Маннергейма. Позиция страны отличалась недоверием и страхом. Все другие европейские страны, граничившие с Советским Союзом, были диктатурами, даже маленькие Прибалтийские государства. Установилась диктатура в Италии, вскоре то же произошло и в Германии. В Советском Союзе Сталин уничтожал остатки оппозиции, потом принялся за возможную оппозицию.

Среди участников лапуаского движения были люди, считавшие диктатуру решением и финляндских проблем. Маннергейма прочили в диктаторы, но не его одного. Люди действия, или, попросту говоря, фашистские группировки, выдвигали на этот пост Вальдена, поскольку Маннергейм, по их мнению, был слишком стар и малоэффективен уже в 20-е годы. Крыть Маннергейму было нечем. Он не раз упускал благоприятные возможности, особенно в 1919 году, когда имел на руках все козыри.

Хоть Маннергейм и дал зеленый свет этому движению, но контакты с ним поддерживал через близких ему людей, не желая оставлять явных улик, и потому бросил движение, как только его официально призвали, чтобы немедленно вручить настоящую власть. Кай Доннер, один из руководителей лапуаского движения, готовившего заговор, умер в 1935 году. Заговор, которому сам Маннергейм не придавал особого значения, он сумел использовать как средство давления и преуспел. В давлении принимали участие и руководители движения, среди которых часть людей Маннергейма занимала центральное место. Благодаря этой тактике он в 1931 году и получил свой пост. В то же время политика давления прямо и косвенно загнала левых в угол, после чего началась охота на коммунистов, заставившая их уйти в подполье, где они и пробыли вплоть до 1944 года.

Несмотря на то что президент Свинхувуд назначил Маннергейма в 1931 году председателем Совета обороны — в то время довольно невидный и малозначимый пост, хотя Свинхувуд и усилил его, позволив Маннергейму руководить армией и обещав в случае войны назначить главнокомандующим, — чувства Маннергейма к президенту теплее не стали. Свинхувуд имел обыкновение раздавать обещания и не выполнять их. И став президентом, даже не подумал выделить больше средств на оборону.

После Свинхувуда на пост президента был избран Каллио, о котором Маннергейм отзывался очень высоко и которого ценил как человека.

Каллио вел себя достойно своему положению, обладал развитым чувством стиля, тактичностью и добросовестностью. Такими же достоинствами отличался и сам Маннергейм. Крестьянский президент был настоящим джентльмен. Мужиковатый дворянин Свинхувуд безнадежно вульгарен.

В 1937 году с большой помпой было отпраздновано 70-летие Маннергейма. После торжеств он отправил 1500—2000 благодарственных писем, для чего ему пришлось нанять трех машинисток и одного секретаря. Работа продолжалась целый месяц. Каждое письмо помимо стандартной благодарности содержало какие-то слова, относившиеся лично к адресату.

Маннергейм с удовлетворением отметил, что его праздник вылился в мощную демонстрацию против большевизма. На этот раз голосов, звучащих диссонансом на прошлых празднествах, слышно не было.

Несмотря на то что Маннергейм теперь благосклонно относился к внутриполитическим силам и давно примкнул к демократической коалиции или, вернее сказать, решил быть лояльным к ней и к новому президенту, показав тем самым, что готов к сотрудничеству, его позиция в отношении Советского Союза не претерпела каких-либо значительных изменений.

Год спустя, то есть в 1938 году, состоялось еще более пышное торжество. И на этот раз героем дня был Маннергейм. Разумеется, то, что празднования проходили два года подряд, чистый случай — случаю было угодно, чтобы Маннергейм родился в год с последней цифрой 7, а освободительная война выпала на 1918 год. Стало быть, в 1938 году отмечался ее 20-летний юбилей. По мнению посла Германии, это торжество вознесло Маннергейма на недосягаемую высоту, и пределов не существовало. По словам того же посла, пронемецки настроенный Свинхувуд страдал неизменно — он оказался в глубокой тени, и на него почти не обращали внимания.

Эти двойные торжества вряд ли получили бы такой размах, если бы Маннергейм не стал человеком нового "демократического направления", союзником "рабоче-крестьянского правительства". Протестов практически не было, естественно, потому, что социал-демократы, входившие в правительство, из-за обострившейся ситуации в мире заняли более благосклонную позицию по отношению к армии.

Маннергейм фактически сделал большой шаг влево. В 1920-х годах яростнее всего на него нападали Аграрный союз и социал-демократы. Теперь же Маннергейм с ведома и при поддержке этих партий все время укреплял свою политическую власть и значимость как дома, так и за границей. Взамен он одним своим присутствием и служебным рвением поддерживал правительство, заставив многих членов правой оппозиции прикусить язык и изменить точку зрения.

СОВЕТ ОБОРОНЫ

Председатель Совета обороны

Маннергейм абсолютно по закону Паркинсона с головой погрузился в дела армии и сумел превратить свой пост, задуманный как формальный, не имеющий значения, с совещательными функциями, в нечто иное. К удивлению всех и ужасу многих, он сразу же после назначения явился в Генеральный штаб на Хёгбергсгатан с требованием предоставить ему кабинет. Офицеры за его спиной с ухмылкой шептались, что он, мол, совершенно неправильно воспринял свою задачу. Этот пост ни в коей мере не предусматривал постоянного присутствия и регулярной деятельности, да и не оставлял для этого никаких возможностей. Совет обороны был лишь совещательным органом, созданным Стольбергом в 1924 году, чтобы иметь для себя поддержку и алиби, поскольку отношения президента с армией и шюцкорами развивались сложно. Возможно, Совет был призван оказывать успокаивающее действие на недовольный офицерский корпус и служить громоотводом в этих напряженных отношениях.

На Хёгбергсгатан надеялись, что Маннергейм поймет свою ошибку, когда получит на руки указ о назначении, который еще не успели отпечатать.

Жалованье председателя Совета обороны составляло 4000 марок в месяц. За чин фельдмаршала, присвоенный Маннергейму президентом в 1933 году, тоже требовалось уплатить 4000 марок. Счет, поступивший в Совет обороны, попал в руки секретаря Совета полковника Аиро. Он попытался заставить какое-нибудь государственное ведомство оплатить счет, но его обращения в различные инстанции не дали результатов, поэтому ему пришлось передать счет лично Маннергейму. Просмотрев документ, фельдмаршал выразил удовлетворение, что ему не присвоили еще более высокого чина.

Шаг за шагом Маннергейм закреплял за собой определенные задачи и завоевывал власть, что вскоре было подтверждено официально. В 1933 году Свинхувуд вынес решение, согласно которому Маннергейм получал право отдавать главнокомандующему директивы относительно оперативных подготовительных мероприятий на случай войны, а также директивы по планированию и организации работ, необходимых для оборонной готовности страны.

Со своей стороны Маннергейм потребовал от правительства передать вопросы технического снабжения армии целиком в руки военных.

Начальником оперативного отдела Генерального штаба был назначен полковник Аксель Фредрик Аиро, одновременно выполнявший функции секретаря в Совете обороны. Когда разразилась война 1939 года, он про-

должал выполнять те же задачи, но уже в качестве генерал-квартирмейстера, отвечавшего за главный штаб военных операций. Таким образом, можно утверждать, что главный штаб маршала появился уже в 1933 году.

Маннергейм обладал способностью делать дела и играть, действовать согласно молчаливому соглашению — это последнее качество он считал обязательным. Человек должен иметь достаточно интеллекта, чтобы уметь понять, когда возможно заключить подобное соглашение, когда оно вступает в силу, к чему обязывает, какие дает права и в какой момент перестает действовать. После войны Паасикиви говорил, что весь народ без напоминания обязан был бы сознавать определенные основополагающие истины, особенно те, что касались наших восточных связей. Бюрократы по определению не владеют подобной практикой, у них не хватает здравого смысла, фантазии и мужества. Именно бюрократы вызвали наибольшее презрение Маннергейма.

Маннергейм, которого считали пессимистом все, кроме него самого, думал, что война уже на пороге, и потому в этот период ему было крайне важно создать предпосылки для назначения его главнокомандующим в этой предстоящей войне.

Вопросами обороны занимался специальный комитет при правительстве. Он отклонил предложение Совета обороны, настаивая на культурной обороне. Маннергейм, услышав о решении, сказал, что члены комитета, очевидно, больше надеются на самый крупный в Скандинавии Академический книжный магазин.

Маннергейм углубленно изучал технические проблемы армии, интересовался последними новинками в области вооружений. Самым поразительным было его участие в приобретении самолетов для военно-воздушных сил. На авиасалонах в Париже и других местах он осматривал различные типы самолетов глазами эстета и практика. Ему не нравились многофункциональные машины, аппараты с чрезмерным количеством выступов или некрасивой формы. Но, естественно, Маннергейм не удовлетворялся поверхностными наблюдениями, он изучал и моторы, обращая внимание на их сравнительные характеристики, замечал отсутствие в определенной модели воздушного тормоза или слишком высокую — свыше 100 км в час — для финских условий и аэродромов посадочную скорость. Ему было известно даже, что тяжелые самолеты сейчас все больше используют убирающиеся шасси.

В номере иллюстрированного журнала шюцкоров Финляндии за 24 июля 1934 года был опубликован репортаж Маннергейма с авиасалона в Хендоне в Англии. Он никогда не давал интервью и редко писал статьи, только когда хотел сказать что-то важное. Так было и на этот раз: Маннергейм выступил с призывом.

Показательные полеты, продолжавшиеся три часа и сорок пять минут, произвели большое впечатление, писал он. В воздух поднялось более ста

машин. Зрителям продемонстрировали учебные полеты, прыжки с парашютами, подборание различных предметов с земли, атаку на неподвижные и движущиеся цели, атаку с бреющего полета и воздушные бои, переброску горючего с одного самолета на другой, создание дымовой завесы и координацию действий с наземными боевыми силами. Девять самолетов, связанных канатом, показав искусство высшего пилотажа, разделились потом на три группы и начали, по-прежнему в связке, выделять разные петли. Все двадцать с лишним номеров программы шли точно по графику, без единой задержки — точность, по достоинству оцененная Маннергеймом.

Два дня спустя самолетостроительная промышленность Англии на том же летном поле представила свою новинку. Развитие этой отрасли, как отметил Маннергейм, шагнуло далеко вперед. Поскольку военная авиация независима от оборонительных линий и сооружений, ее дальнейшее развитие окажет революционное влияние на ход будущей войны, как в стратегическом, так и в тактическом отношении.

Авиация предпочтительна и с экономической точки зрения, если учесть ее сравнительную дешевизну и немногочисленность экипажа, и одновременно отличается высокой эффективностью, и поэтому она незаменима в вооружении маленькой страны, подвергающейся угрозе извне.

И тут Маннергейм совершенно неожиданно переходит к нападкам на движение за мир. В Хельсинки ранее состоялся Международный конгресс в защиту мира, который высказался за достижение всеобщего мира, мира на все времена. Маннергейм, признавая известные результаты, достигнутые движением за мир, доказывал тем не менее, что они не служат интересам маленьких стран. Даже утверждения относительно прочного мира между Скандинавскими странами лишены основания, поскольку внушают народам фальшивое чувство безопасности и сбивают их с толку. Малые страны, разбросанные по берегам Балтийского моря, обязались не прибегать к оружию в случае политических конфликтов. А ведь Балтийское море — это центр деятельности великих держав, идеалы и устремления которых автоматически усиливают давление на окружающий их мир.

Одного желания финляндского народа защитить себя недостаточно, чтобы гарантировать независимость. Заверения насчет того, что финский народ при отсутствии у него оружия будет драться голыми руками — чистейшее бахвальство.

Мирное решение проблемы Аландских островов, достигнутое между Финляндией и Швецией, тоже создает новые непредвиденные опасности, "так как открывает дорогу на север для двух государств и между ними".

Оборону страны нельзя строить на утопическом фундаменте. Задача прессы состоит в том, чтобы открыть народу глаза на те жертвы, которые

придется принести. Необходимо вооружить и обучить каждого гражданина в соответствии с требованиями времени.

Вот, стало быть, к каким выводам пришел Маннергейм, посмотрев показательные полеты в Хендоне. Газета снабдила статью весьма расплывчатым заголовком — "Решающее место военно-воздушных сил в обороне малых стран". То, что Маннергейм сделал такой вывод после посещения Англии, не вызывает удивления. Англия делала ставку именно на авиацию и флот, а не на сухопутные войска, что способствовало ее победе в борьбе за воздушное пространство страны в 1940—1941 годах. Но Финляндия ведь не островное государство.

Тот факт, что Маннергейм в своей статье много говорит о Балтийском море и ни словом не упоминает протяженную сухопутную границу, наверное, тоже было результатом его поездки в Англию. На каждом этапе у Маннергейма наступал момент, когда он начинал без обиняков говорить то, что думает, какие цели преследует и против каких идей выступает. Так произошло и сейчас.

Советский Балтийский флот постоянно маячил черным призраком перед глазами Маннергейма, как в свое время царский флот перед Финляндией. Передвижения этого флота по Финскому заливу в 1938 году приводили маршала чуть ли не в истерику. Брешь у Аландских островов была еще одной головной болью. Аиро, говоривший по-шведски, вместе со шведскими офицерами произвел тайную разведку в аландских шхерах в поисках места для артиллерии. По мнению Маннергейма, сходить на берег и продираться сквозь кусты, чтобы найти место для огневых точек, было излишним — это задача профессионалов более низкого ранга. Маннергейм на удивление упрямо верил в собственную теорию морской войны.

В 1934 году в Берлине Маннергейм довольно близко сошелся с Герингом, ближайшим соратником Гитлера. Отношения эти он поддерживал весьма долго. Ездил в Восточную Пруссию охотиться в угодьях Геринга. Геринг во время своего длительного пребывания в Швеции завязал знакомства в высших кругах страны, а в замке графа фон Русена нашел свою возлюбленную и будущую жену. Этот самый фон Русен в 1918 году подарил бедой армии Маннергейма ее первый самолет со свастикой на борту — эта эмблема по приказу Маннергейма вошла в символику и наградные знаки молодой республики. У Маннергейма и Геринга были общие шведские друзья и знакомые. Их отношения нельзя назвать поверхностными и формальными.

Комментарии Маннергейма по поводу мировых политических событий всегда отличались четкостью формулировок. Когда Италия напала на Абиссинию, он заявил, что Муссолини страдает манией величия — после оккупации Муссолини провозгласил воссоздание Римской империи.

Советскую армию Маннергейм считал современной и эффективной и как раньше, так и потом был высокого мнения о русских солдатах. Русские солдаты быстро обучаются, все схватывают на лету, действуют без задержки, легко подчиняются дисциплине, отличаются мужеством и жертвенностью и готовы сражаться до последнего патрона, несмотря на безнадежность ситуации. Россию и русских нельзя оскорблять, как нельзя пробуждать у них подозрительность, испытывать их терпение. Именно поэтому, то есть чтобы не раздражать Советский Союз, Маннергейм отказался принять участие во Всемирном конгрессе Красного Креста в Японии. Отношения между этими странами были в то время весьма плохими. Вовсю шла подготовка к войне, которая втайне от остального мира немного спустя и разразилась на самом деле в Маньчжурии — местах, хорошо известных Маннергейму. Ему было намного легче, чем остальным финляндцам и большинству иностранцев, оценить серьезность военно-политической обстановки.

Немецкий посланник фон Блюхер хорошо знал и помнил о неприязненном отношении Маннергейма к Германии. Маннергейм даже и не пытался этого скрывать, ему, очевидно, нравилось дразнить человека, чья тощая фигура вызывала у него раздражение. Хотя фон Блюхер был карьерным дипломатом и аристократом, он сочувствовал национал-социалистам. Его жене Маннергейм прямо сказал, что приведенные Германией причины, побудившие ее оккупировать Австрию, лишь предлог, отговорка.

Маннергейм отличался хорошо развитым воображением: еще в 30-х годах он серьезно опасался возможности войны. Как ни один из других ведущих политиков Финляндии, он умел читать небесные знаки. Эти политики считали опасения Маннергейма признаком старости и тактической уловкой, чтобы выбить больше денег на армию. В 1935 году Маннергейм писал своей невестке Палаэзоне, что политическая ситуация весьма беспокойна именно из-за бесцеремонного отношения к малым народам. В игре великих держав они почти ничего не значат и их запросто можно использовать в качестве разменной монеты. На самом деле игра великих держав пошла по-крупному только через три-четыре года, когда Германия проглотила Австрию и Чехословакию, а Италия — Албанию.

Весной 1936 года английское правительство пригласило Маннергейма посетить Англию, но каменно-почечная болезнь уложила его в постель, поэтому он смог отправиться в путь лишь осенью. Программа визита включала посещение севера Англии и Шотландии.

Чопорность и формальность англичан действовали Маннергейму на нервы. Сначала он отвечал преувеличенной педантичностью, потом рычанием, свидетельствовавшим о плохом настроении. На официальный обед, устроенный английским правительством, Маннергейм, как и предписывалось, должен был явиться во фраке. Однако среди его орденов не хватало золотой медали Красного Креста Финляндии. Маннергейм свар-

ливо заявил своему адъютанту, что без этого знака отличия присутствовать на обеде не может. За два оставшихся дня было немислимо раздобыть такую медаль. И тогда адъютант послал телеграмму в ювелирный магазин Тиландера в Хельсинки, который переслал требуемую медаль самолетом.

Маннергейма сопровождал генерал Кирке, старинный знакомец. Както оба господина отправились на танковые учения в Солсбери, начинавшиеся вечером. В Лондон предстояло возвращаться на следующее утро на машине. Следовательно, ночевали господа в Солсбери. Перед отъездом Кирке сообщил, что поскольку они будут в мундирах, то другой одежды, кроме смокинга, брать с собой не нужно. Маннергейм был несказанно удивлен необходимостью брать с собой смокинг. В Солсбери они прибыли в половине восьмого. Обед начинался в восемь в ресторане "Наденем смокинг", — заявил Кирке, и они ушли переодеваться. Спустившись в ресторан, они обнаружили, что там никого, — он был забронирован только для трех человек. Господа быстро поели и снова разошлись по комнатам, чтобы сменить смокинг на мундир, после чего им предстояло отправиться на боевые учения. Идя переодеваться во второй раз, Маннергейм не мог сдержаться и брюзгливо заявил адъютанту, что он вообще-то ценит традиции и поэтому любит англичан, но в этом случае получился явный перебор.

Маннергейм встретился и с Черчиллем, который показался ему чересчур, не по-английски, разговорчивым. Маршал заставил его изменить одно место в "Истории первой мировой войны", касавшееся Финляндии. С тех пор в позднейших изданиях этого труда написано, что Финляндия добилась независимости самостоятельно, а не благодаря вмешательству Германии.

Небо окрасилось в глазах Маннергейма в красный цвет, когда Франция и Россия заключили двусторонний договор об обороне и во Франции было образовано правительство Народного фронта с участием левых партий. По мнению маршала, ситуация во Франции стала настолько же опасной, как и в России в 1917 году. Налаживание Англией контактов с Советским Союзом в 1936 году Маннергейм тоже считал тяжелым поражением.

За границей хорошо понимали, что Маннергейм занимает в Финляндии ведущее положение. Поэтому и английское, и немецкое правительства всячески заигрывали с ним.

Конференция в Мюнхене, отдавшая Чехословакию на милость Германии, — пусть руководители западных стран до конца не понимали, что произошло, — на какое-то время разрешила конфликт, который, судя по всему, и должен был привести к мировой войне. Осень 1938 года тяжело отразилась на нервной системе Маннергейма. Его психика, похоже, подверглась такой сильной моментальной нагрузке, что невольно направи-

вается сравнение с блиц-визитом за последний предел. Маннергейма охватила паника.

Однажды в среду, после окончания вечернего заседания правительства у премьер-министра Кайандера, когда все министры разошлись по домам, в доме главы правительства в начале двенадцатого ночи раздался телефонный звонок. Звонил Маннергейм. Он сообщил, что в 21.00 русская эскадра, состоявшая из двух линейных кораблей, трех эскадренных миноносцев, двадцати подводных лодок и двух транспортных кораблей, миновала Хогланд, направляясь на запад. Маннергейм просил разрешения немедленно перебросить финские войска из Турку на Аландские острова. По его мнению, аландский договор давал им такое право. Кайандер ответил, что не может лично дать подобного разрешения, он обязан созвать правительство. Маннергейм заявил, что есть все основания сделать это незамедлительно. В полночь господа министры собрались вновь. Генеральный штаб представлял Оэш. Правительство пришло к единодушному выводу, что аландский договор не позволяет Финляндии удовлетворить требование Маннергейма. Кайандер позвонил маршалу, сообщил мнение министров и зачитал те статьи международного договора по Аландским островам, которые касались затронутых вопросов. Маннергейм продолжал настаивать, что содержание этих статей вполне позволяет провести нужную военную операцию. Правительство возобновило совещание. В конце концов был найден компромисс — Маннергейму дозволялось погрузить войска на корабли и войти в аландские воды, но от высадки до получения разрешения правительства следовало воздержаться. Маннергейм заверил, что удовлетворен таким решением.

Однако в Турку не оказалось подходящих кораблей, а когда позднее все-таки удалось их найти, войска на них погружать не стали. Лишь одно небольшое соединение нанесло блиц-визит в шхеры. Министры сначала не восприняли угрозу всерьез. Ведь русский военный флот неоднократно проходил мимо Хогланда. То, что он курсировал в международных водах Финского залива, не было новостью.

Точно такой же инцидент заставил правительство и президента провести бессонную ночь в январе 1941 года во время перемирия. Спор по поводу никелевого рудника в Петсамо резко обострил отношения между Финляндией и Советским Союзом, что отрицательно сказалось на торговых связях двух стран и даже вызвало отъезд советского посла из Хельсинки. Появились слухи, что Советский Союз концентрирует свои войска на границе.

Вечером 23 января Маннергейм попросил президента Рюти и премьер-министра Рангелля о встрече. Он потребовал провести частичную мобилизацию. В половине третьего ночи Рангелль по телефону велел своему секретарю созвать заседание правительства в семь утра.

Рюти и Рангелль считали, что мобилизация лишь приведет в раздраже-

ние русских и усилит угрозу войны. Правительство единодушно присоединилось к их мнению. Услышав это, Маннергейм подал прошение об отставке, правда, только 10 февраля 1941 года. Паасикиви, представитель Финляндии в Москве, предложил отдать весь район Петсамо Советскому Союзу на условии территориальной компенсации и таким образом развязаться с небезопасным рудником, имевшим самые большие запасы никеля в Европе, металла, в котором остро нуждалась военная промышленность гитлеровской Германии. Маннергейм, опытный коммерсант, счел предложение Паасикиви идиотским. Петсамо был гарантом независимости Финляндии, поскольку именно из-за него Германия включила Финляндию в сферу своих интересов и взяла под свою защиту.

В прошении об отставке Маннергейм указал, что Финляндия своими все более обширными уступками вступает на опасный путь, рискуя при этом сильно затруднить и возможности обороны страны.

Генерал Вальден заявил об уходе с поста министра обороны.

На следующий день президент Рюти встретился с Маннергеймом в Брюннспарке, чтобы проинформировать его о том, что отношения с Германией улучшаются с каждым днем. Такая же информация, по словам президента, была отправлена им Паасикиви, чтобы успокоить того. Маннергейм забрал прошение об отставке, то же сделал и Вальден.

Рюти хранил прошение Маннергейма в серебряной шкатулке, стоявшей на его письменном столе. Это свидетельствует о том давлении, которому он подвергался со стороны армии. Сложная общая ситуация заставила его, Рюти, вразрез своему опыту и убеждению, укрепить отношения с Германией.

Ни одно, ни другое правительство, характеризуя поведение Маннергейма как истеричное, безосновательное и беспричинное, само не предпринимало никаких конкретных мер и маршалу не давало свободы действий. Генерал Вальден в указанном выше случае настолько послушно следовал по стопам своего начальника, что можно подумать, будто он был полностью лишен собственной воли. То же относится и к Хайнриксу. Эти двое сделались еще более горячими сторонниками Маннергейма. Весьма симптоматично, что момент начала обеих операций пришелся на поздний вечер, так что решение надо было принимать ночью или рано утром следующего дня. Для Маннергейма, человека с лабильной, неустойчивой психикой, подверженного сильным эмоциям, умевшего с помощью своей богатой художественной фантазии осуществлять на практике наихудший вариант, ночь была той частью суток, когда сдерживающие центры давали сбой. Страхи берут человека за горло именно по ночам. И даже солдат испытывает в это время одиночество и неуверенность.

В марте 1939 года Маннергейм пишет своей сестре Эве, как легко оказалось превратить народы Европы в белых рабов и заставить их служить третьему рейху, то есть Гитлеру. Никто, по мнению Маннергейма, не за-

служивал большего презрения, чем глава государства, отправляющийся в Берлин, чтобы в результате ночной беседы подарить свой народ и государство, высшим слугой и представителем которого он является, не произведя при этом ни единого выстрела — даже в мошеника. "Еще со времени мировой войны я презирал чехов. Они продали Колчака за золото, попавшее теперь в Берлин". Но возмущение вызывала не их судьба. Возмущало насилие и применяемые средства. Действия и методы русских — это детские игрушки по сравнению с деятельностью, проводимой Адольфом и его обер-чекистом Гиммлером с подручными. Рагнарёк, мировой пожар или, другими словами, конец света — вот что стоит на пороге.

Чехи предали другие малые страны, своей позорной капитуляцией ослабили их положение, позволив Германии играючи узурпировать их страну, и тем самым создали прецедент, который может подбить Германию и другие великие державы продолжать следовать этой линии. Своей нелояльностью, предательством чехи лишили себя чести. Маннергейм всегда строже всего судил предательство именно такого рода, независимо от того, кто был в нем виноват.

Приблизительно в то же время, в апреле 1939 года, Маннергейм написал своей дочери Софи в Париж, что у него нет никаких доходов за границей. Валюта маленькой страны могла в любую минуту рухнуть. В 1918 году финская валюта за границей просто не котировалась. Сейчас настало время, когда нужно быть готовым ко всему, даже к самому худшему. Маннергейм предложил Софи переехать в Финляндию, где он сможет ее обеспечивать. Маршал ежемесячно пересылал дочери необходимые ей деньги, но предполагал, что, если начнется война, делать это будет невозможно. Непрактичная дочь отказалась, не размышляя.

Когда доверчивое финское правительство в середине ноября 1939 года призвало эвакуированных карелов и городских жителей вернуться домой и приняло решение открыть школы, Маннергейм, предвидя войну, принялся энергично упаковывать вещи и освобождать дом. На стенах остались пустые рамы — картины были вынуты, свернуты в рулоны и вывезены в надежное место.

В последний момент Маннергейм составил меморандум по поводу фундаментальных недостатков в области обороны. Записки эти помечены числом за три дня до начала войны. Он сообщал, что уходит в отставку. Передача дел состоится днем позже, 28 ноября. Однако ситуация обострилась, и Маннергейм, по просьбе президента и правительства, взял прошение об отставке назад.

Приглашение Смита приехать на Аляску все еще оставалось в силе, программа была спланирована. Ехать можно было либо на шведском корабле, либо через Англию. Вряд ли Маннергейм остался бы в Финляндии наблюдать, как идет насмарку вся его работа.

Еще в октябре 1938 года он сказал, что мировая война началась — вооружением Германии.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

Зимняя война

В последний день ноября 1939 года Маннергейм в обществе мужа своей племянницы, с которым он только что вместе позавтракал, направлялся к Броннспарку, на свою работу в Министерство обороны, находившееся в центре города, как вдруг появившийся в небе вражеский самолет принялся бомбить город, давая понять, что началась война. Сигнал тревоги и разрывы бомб прозвучали, еще когда господа заканчивали завтрак. На улице Маннергейм спросил своего друга, размышляли ли они о том, как ему следует идти в обществе главнокомандующего — впереди, сбоку или сзади. Разразилась война, и Маннергейм автоматически стал главнокомандующим. Еще в начале 30-х годов президент Свинхувуд письменно подтвердил его назначение и полномочия, но держалось это в тайне. Маннергейм всегда носил с собой документ. В Министерстве обороны он сказал министру: "Господин министр, я явился, чтобы возложить на себя столь часто упоминавшиеся обязанности главнокомандующего". На вид он был полон оптимизма и бодрости.

Только 3 декабря Маннергейм выехал в Миккеле, чтобы оттуда руководить военными операциями. В первые дни войны он жил в гостинице "Хельсинки", где размещалась и его Ставка. В самый первый день войны он съездил в госпиталь Красного Креста, куда привезли 127 человек, ставших жертвами бомбардировок. После чего отправился в бюро Красного Креста, где узнал, что для службы в армии подготовлен резерв медицинских сестер в 3800 человек. Маннергейм поблагодарил, пожелал успехов и распрощался. Он был доволен.

2 декабря в гостиницу "Хельсинки" был вызван полковник Талвела. Он явился в полдень в страшном возбуждении из-за территориальных потерь в районе Суоярви. Меряя шагами комнату Маннергейма, он изрыгал ругательства и требовал немедленно отправить его в Суоярви. В военном училище Талвела написал дипломную работу о стратегическом значении этого района, доказывая, что по причине своего расположения севернее Ладоги этот пункт является ключевым в системе обороны. Таким образом, он лучше других мог оценить и понять нависшую опасность. Судьба страны зависела от того, сумеют ли финны вернуть этот район. У Талвелы не укладывалось в голове, что финская армия отступила без боя. Вальден боялся, что Маннергейм взорвется — никто никогда не позволял себе столь неподобающего поведения в его присутствии. Но реакция Маннергейма оказалась прямо противоположной — он разрешил своему любимчику отправиться в Суоярви, дабы сотворить чудо и спасти честь армии.

Победа при Тольварви, по мнению Маннергейма, восстановила у армии веру в свои силы.

Начавшаяся в 1939 году война, похоже, оказала благотворное влияние на одинокого, склонного к депрессии человека. Маннергейм действовал быстро и энергично, возможно, потому, что от него ждали именно таких действий и мгновенных решений. Гнетущее чувство, вызванное длительным состоянием неуверенности, жизни под постоянным прессом угроз, не находивших выхода, сейчас отступило. Правда, отступило ненадолго — есть свидетельства, что уже в середине декабря он опять впал в глубокую депрессию и сыпал обвинениями в адрес своих соратников за совершенные ими ошибки и просчеты.

Возможно, настроение, в котором Маннергейм находился в начале войны и которое выражалось порой в неожиданных шутках с его стороны, объяснялось тайным удовлетворением тем, что все его кассандровские пророчества о гибели мира оправдались в отличие от упрямого заблуждения всех других. Министр Таннер, например, наблюдая из окна своего кабинета, как русские самолеты бомбят Хельсинки, тем не менее отказывался верить, что началась война. Он назвал налет лишь войной нервов, доведенной русскими до кульминации. Интересно и необъяснимо, что Сталин летом 1941 года, судя по всему, сделал такой же вывод в отношении массированного наступления немцев и запретил советским войскам отвечать на огонь.

Министр иностранных дел Эркко впал в полнейшую панику. Уже в предыдущие дни он слышал грохот русских канонерок вокруг Хельсинки, хотя море было пустынно. Не сознавая отчетливо, что делает, министр сломя голову бросился в Стокгольм — просто-напросто оставил свое рабочее место и сбежал из страны.

Когда началась война, Маннергейм сказал, что Эркко следовало бы пойти в лес и пустить себе пулю в лоб. Паасикиви, к которому были обращены эти слова, запомнил их и бросил в лицо Маннергейму после войны. К тому времени тот уже ушел с поста президента, но будущее представлялось ему безнадежным. И Паасикиви заметил, что человеку с такими мыслями лучше пойти в лес и пустить себе пулю в лоб. Тогда, в 1939 году, Маннергейм имел в виду не сам факт побега Эркко, а его внешнюю политику, которая строилась на пустых, далеких от действительности мечтаниях.

Приподнятое настроение Маннергейма и лихорадочная деятельность, развитая им в первый день войны при посещении рабочих пунктов Красного Креста, полностью шли вразрез с тем состоянием, в каком пребывал и он сам, и все другие накануне того рокового утра.

События доказали правоту Маннергейма. Его пророчества сбылись, и он мог считать это реваншем, подаренным ему судьбой. Однако ситуация была слишком серьезной, чтобы воспринимать ее таким образом.

Бои в первые военные недели не принесли славы финской армии. Но и противнику не удалось сколько-нибудь существенно продвинуться вперед. Крупное контрнаступление на Карельском перешейке 23 декабря 1939 года с треском провалилось. Царил хаос, координация действий практически отсутствовала. На участке в 30 км в боях участвовало целых пять финских дивизий. Наступление пришлось прервать в тот же день, поскольку оно было безрезультатным. Не хватало сигнального оборудования. Русские, залегшие в кустах, своим огнем остановили продвижение финнов. "Машинистом" этой операции был генерал Эквист. После войны Маннергейм говорил о нем как о человеке, который совершал один промах за другим.

Вслед за поражением на этом участке фронта последовали сообщения о победе в малонаселенной области к северу от Ладоги. Финнам удалось окружить и уничтожить моторизованные дивизии русских, двигавшихся по тамошним немногочисленным дорогам к Финляндии.

Разведывательная служба Финляндии в Восточной Карелии была, очевидно, малоэффективна, поскольку она считала невозможной наступление русских на северной стороне Ладоги и не знала, что русские построили там дороги и стянули туда свои войска. Но именно там Финляндия одержала те победы, которые принесли ей мировую славу и изменили тактику страны. В стесненных условиях Карельского перешейка все кусочки мозаики легли на место, образовав заранее, казалось бы, намеченный рисунок. Там могло помочь только одно — упрямо удерживать свои позиции, совершая отдельные контратаки. Дальше на севере имелся большой простор для импровизаций и экспериментов, но не было возможности сконцентрировать войска так же плотно, как на Карельском перешейке. Необходимость содержать расположившиеся в Восточной Карелии русские войска тяжело отразилась на продовольственной ситуации в этом районе, население голодало.

Передохнув месяц на Карельском перешейке, русские возобновили военные действия с удвоенной силой и более систематично, чем прежде. Кроме того, благодаря сильным морозам, море покрылось толстым слоем льда, и танки сумели перейти Выборгский залив. Последние дни войны стали тяжелым испытанием для Маннергейма. Потери непрерывно росли, солдаты устали, оружие приходило в негодность. Маннергейм считал, что мир был заключен в последнюю минуту.

Как-то вечером через несколько дней после перемирия Маннергейм спросил своего гостя, какое, по его мнению, самое важное качество полководца. Гость назвал следующие: способность трезвой оценки, быстрота действий, мужество, осторожность, везение. Согласившись со всеми перечисленными качествами, Маннергейм добавил к этому перечню физическую выносливость и психическую устойчивость, которая, как он сказал, есть то же самое, что душевные силы и составляет важнейшее ка-

чество полковника. И потом признался, что война заставляет менять сложившиеся представления о людях. Бывают удивительные неожиданности. Например, офицер, считавшийся посредственностью, вдруг демонстрирует какие-то новые, ценные и полезные качества — во взглядах, словах или в поступках.

Этой точки зрения придерживаются многие профессиональные военные, имеющие богатый военный опыт. Нельзя заранее знать, как поведет себя тот или иной человек в серьезной военной обстановке. Хвастун оказывается порой прекрасным солдатом, а человек твердых принципов — трусом. Никто до конца не знает своей истинной натуры, своего второго "я". Обрести это свое "я", познать себя можно, лишь пройдя через тяжелые испытания.

Перемирие

22 марта 1940 года, через девять дней после окончания войны, Маннергейм вызвал к себе своих ближайших генералов, чтобы обсудить с ними вопросы строительства укреплений вдоль новой границы. На полу была расстелена большая карта. Маннергейм заранее изучил различные альтернативы и теперь, после долгой беседы, внимательно выслушав мнение присутствующих, сообщил о своем решении. Необходимо как можно скорее укрепить узкий пролив между Финским заливом и Большим Сайменским озером, возведя там бетонные бункеры. На следующий день штаб сухопутных войск издал соответствующий приказ.

Многие считают, что идеи Маннергейма по поводу оборонительных сооружений были устаревшими. Он придерживался линейного решения, то есть строительства связанной цепи укреплений, вместо эшелонированной обороны, предназначенной для блокирования дорог и других путей сообщения. Зимняя война на Карельском перешейке была последним примером того типа сражений, что велись на западном фронте в 1914—1918 годах.

Как только стихал ураганный артиллерийский огонь, русские предпринимали прямые попытки прорвать массивную оборонительную линию Финляндии. Когда им удавалось сделать брешь, финляндские войска немедленно шли в контратаку, стремясь восстановить свою оборонительную линию. Во время этих ночных контратак солдатам часто приходилось вязаться в ближние бои, в дело шли штыки, ножи и лопатки, точно, как это было принято на западном фронте, где сражались за каждый квадратный метр, каждый дюйм территории.

Немецкий военный атташе, успевший прежде русских осмотреть готовые и возводившиеся оборонительные сооружения на Карельском перешейке в 1944 году, отметил, ссылаясь на опыт немецкой армии в России,

что эшелонированная оборона позволяет отражать нападение со всех сторон, создавать "ежи" и таким образом затормозить, задержать и рассеять массированное наступление, методично обстреливая противника. Линейные оборонительные сооружения же не в состоянии помешать даже огню с места прорыва.

Участок, ближайший к Финскому заливу, был укреплен Швецией. Швеция прислала людей, оборудование, армированный бетон, в котором ощущалась острая нехватка, деньги. Работы, точно рассчитанные по времени, были завершены в мае 1941 года, но величественные укрепления так и не понадобились.

Летом 1940 года Маннергейм вновь работал в здании Генерального штаба на Хёгбергсгатан в Хельсинки. Как-то поздним вечером Хайнрикс, командированный в Миккели, чтобы в качестве командующего сухопутными войсками возглавить филиал Ставки, получил приказ на следующее утро прибыть на Хёгбергсгатан. Всю ночь он провел в автомобиле и к началу рабочего дня был на месте. Маннергейм сообщил Хайнриксу о его назначении начальником Генерального штаба. Но, дабы сразу рассеять возможные недоразумения, разъяснил, что не собирается предоставлять начальнику Генштаба исключительного права на ведение разведывательной службы, или оперативного планирования, или в единственном лице выступать представителем по этим вопросам. "Я не хочу оказаться заложником одного человека, — заявил Маннергейм. — Я должен иметь возможность вести переговоры и советоваться с кем угодно, независимо от того, работает ли этот человек в штабе или нет, а потом делать собственные выводы. Но, разумеется, присутствовать на этих совещаниях и переговорах начальнику Генерального штаба никак не возбраняется, если у него появится такое желание".

Информация была изложена четко и недвусмысленно, но Хайнрикс все-таки не мог понять, как этот план будет работать на практике. Какво будет распределение обязанностей? Как будет выглядеть их сотрудничество? Он испытывал беспокойство и даже, по его собственным словам, подавленность.

В стране воцарился мир, пришла пора снова возложить обязанности главнокомандующего на президента. Не отмененная пока строгая цензура мешала изменению общественного мнения. Перепутанный президент Каллио с расширенными от возбуждения глазами, вцепившись в рукав одного близкого друга, шепотом — так, чтобы никто не услышал, — сообщил ему, что Маннергейм, как ни крути, а функции главнокомандующего ему, президенту, так и не передал. После того как Каллио вышел в отставку и умер на руках у Маннергейма от сердечного приступа на перроне вокзала в Хельсинки, новым президентом страны стал Рюти. Ничего не изменилось, в Финляндии по-прежнему было два правительства — одно в Хельсинки, чья власть простиралась до восточной границы горо-

да, и Маннергейм. За отношения с Германией отвечал в большей степени именно он, но таково было желание самих немцев. Они считали, что нельзя верить ни демократии, ни парламенту, ни парламентарному правительству. Судьба у этих учреждений одна — их распускают, душат и свергают. В них и причина, и следствия упадка и разрушения нации.

Отношениями с Москвой занималось правительство страны, которое согласовывало свои действия с послом Финляндии в Советском Союзе Паасикиви.

Было подсчитано, что с сентября 1940 года по май 1941-го семьдесят финских офицеров побывали в Германии в качестве эмиссаров Маннергейма для ведения переговоров или обмена посланиями. Столь же регулярно немецкие офицеры и гражданские агенты Геринга посещали Финляндию.

Борьба за власть в 1940 году

Что, собственно, произошло в августе 1940 года? Где истина? Случившееся не укладывается в рамки детективного романа, ибо сами события уже и есть детективный роман. Если совершено преступление, то является ли Маннергейм главным виновником, а Рюти с Вальденом только позднее стали соучастниками и укрывателями преступления? Нельзя забывать и о министре иностранных дел Виттингге. Был ли жертвой преступления президент страны Кюэсти Каллио? Считал ли Каллио происходящее путчем? Чувствовал ли он, что целиком и полностью находится в руках этих господ без малейшей надежды на помощь со стороны?

Была ли смерть Каллио тремя месяцами позже на руках у фельдмаршала Маннергейма на вокзале в Хельсинки знаком судьбы для того, кто обладал способностью правильно его истолковать?

Как в классическом шпионском романе, кульминация событий приходится на встречу тайных курьеров на аэродроме, на бесполезное посещение странного гранитного замка, окруженного громадным парком, и его только что разбитого параличом хозяина, на его внезапную смерть на глазах почетного караула по дороге в Валхаллу под звуки марша, исполняемого военным оркестром.

Все началось на аэродроме в Мальме 18 августа 1940 года, куда прибыли Маннергейм, Вальден, Виттинг, Хайнрикс и генерал медицинской службы Эйно Суолахти. Маннергейм с Суолахти направлялись в Ювескюле на учредительное собрание Братства инвалидов войны. Накануне маршал получил известие от финляндского посла в Германии, что советник посольства барон Э.Ф. Вреде, близкий друг Маннергейма, прибывает обычным рейсом из Стокгольма на тот же аэродром и в то же время, когда там будет Маннергейм по дороге в Ювескюле, дабы вручить ему

письмо. Поэтому в послании выражалась надежда на встречу маршала с Вреде. Маннергейм, очевидно, знал содержание письма или придавал большое значение этой встрече, потому что взял с собой на аэродром министра иностранных дел, министра обороны и начальника Генерального штаба. Двое последних были генералами, людьми из его ближайшего окружения. Только министр иностранных дел Виттинг был штатским лицом.

Самолет из Стокгольма приземлился вовремя. Вышедший из него барон Вреде поздоровался со встречавшими и протянул Маннергейму письмо. Тот вскрыл конверт и, быстро пробежав текст глазами, велел Хайнриксу прочитать его вслух, чтобы сэкономить время. Прежде чем отдать письмо Хайнриксу, он проглядел его еще раз. Послание предназначалось только для сведения Маннергейма, Вальдена и Виттинга, поэтому маршал попросил остальных прогуляться. Когда господа скрылись из виду, Маннергейм сообщил министрам, что к нему обратились с просьбой сегодня же принять подполковника Вельтёнса, который получил задание от Геринга передать Маннергейму послание.

Отъезд Маннергейма и генерала Суолахти в Ювескюле задержался на полчаса.

Вельтёнс к этому моменту уже оставил немецкую армию. Он был коммерсантом, торговцем оружием. В первую мировую войну он, как и Геринг, служил в авиации, в знаменитой эскадре Рихтхофен, где они и подружились.

Вечером Маннергейм принял Вельтёнса у себя в особняке в Брюннспарке. Немец передал ему послание Геринга. Тот просил разрешения переправить через Финляндию расположенные в Норвегии немецкие части в Германию, а оттуда опять в Норвегию. Если Финляндия согласится на это, Германия готова продать ей оружие.

Президент Каллио по причине обострения сердечного заболевания находился в Гульбранде недалеко от Турку. Президентские обязанности выполнял премьер-министр Рюти. Как утверждает Маннергейм, он по телефону связался с Рюти, который устно поручил ему сообщить Герингу о согласии Финляндии удовлетворить просьбу Германии. На послевоенном процессе над военными преступниками Рюти заявил, что Маннергейм ему не звонил и не информировал его об этом деле каким-либо иным способом. Он услышал о нем от Вальдена лишь спустя месяц. Это якобы произошло 19 сентября. Вальден сообщил ему, Рюти, что три немецких корабля транспортируют войска и провиант в финские порты, откуда они сушей отправятся в Норвегию. В этот самый день корабли отошли от берегов Германии.

Скорее всего, Рюти лжет, поскольку после войны в Берлине нашли рапорт Вельтёнса, где он информировал, что обсуждал вопрос переброски войск в том числе и с Рюти. В Министерстве иностранных дел Вели-

кобритании был обнаружен английский документ, согласно которому Рюти уверял англичан, что он один несет ответственность за выдачу немцам разрешения на транзит через Финляндию.

Через пять дней после получения в Берлине рапорта Вельтёнса президент Каллио приехал в Хельсинки на заседание правительства, где и встретился с Рюти и Вальденом. Беседовал он и с Маннергеймом. Неужели они не рассказали ему о разрешении на транзит? Неужели они не договорились заранее, как преподнести президенту эту новость? Может быть, они боялись, что Каллио поднимет скандал? Ведь остальные министры о соглашении вообще ничего не знали. Министр внутренних дел впервые узнал о нем 21 сентября 1940 года из звонка губернатора Васы, который спрашивал, что должна означать высадка немецких войск в Васе — надо ли оказывать сопротивление? Что, начинается новая война?

За несколько дней до смерти Виттинг заверил Фагерхольма, что ничего не знал о соглашении до того момента, когда немцы вот-вот должны были высадиться. Единственной причиной назначения Виттинга на пост министра иностранных дел, по словам Каллио, была его неспособность связно говорить — он только заикался. Это качество ценилось на вес золота во времена великого молчания.

Итак, три человека, а если верить Рюти, так лишь двое — Маннергейм и Вальден — знали о соглашении с немцами с самого начала. Однако есть доказательства, что на первоначальном этапе переговоров Вельтёнса с Рюти присутствовал и Виттинг.

Через четыре дня после визита Каллио в Хельсинки, во вторник 21 августа 1940 года, Маннергейм, Рюти и Вальден сообщили, что едут в Гульбранду, чтобы встретиться с президентом. День выдался дождливый и холодный, термометр показывал 10 градусов выше нуля. Штормовой ветер даже сломал флагшток на особняке. Каллио всегда придавал значение подобным знамениям, наверное, и в этот раз сделал то же.

В воскресенье в девять утра адъютант доложил Каллио те вопросы, которыми предстояло заняться. Президент просмотрел почту, после чего договорился с женой пригласить Маннергейма, Рюти и Вальдена, ожидавшихся около двенадцати, на ленч. В Гульбранду был заранее приглашен фотограф. Внезапно, когда Каллио все еще читал поступившие письма, у него отнялась речь. Он поднялся наверх, чтобы отдохнуть. Прошел час с четвертью, и тут стало ясно, что с президентом случился второй удар, парализовавший всю правую половину тела. Адъютант вызвал врача. С гостями связи не было. Адъютант обзвонил кого мог, прося, если удастся, перехватить их по пути и сообщить об отмене встречи. Из-за плохой погоды автомобиль с гостями подъехал к резиденции на час позже, в 13.00. Встретивший гостей адъютант сообщил им, что у президента за час с небольшим произошло два удара. "Предлагаю немедленно вернуться в Хельсинки", — сказал Маннергейм. Адъютант передал им при-

глашение госпожи Каллио остаться на ленч, стол уже накрыт. В дверях появился Каллио, опиравшийся на жену, вид у него был ужасный. Гости, поздоровавшись с хозяином, принялись упрашивать его поскорее лечь, что он и сделал. Госпожа Каллио пригласила всех к столу. Обед прошел в молчании. После кофе гости поднялись, чтобы тут же отправиться в обратный путь. Перед отъездом Рюти один поднялся к президенту, а Маннергейм и Вальден в обществе хозяйки пошли прогуляться по парку. Маннергейм впервые был в Гульранде. Когда они вернулись к дому, то увидели Каллио, вышедшего на террасу проводить гостей. Президент кое-как сошел вниз, где все общество сфотографировали. После чего гости сели в машину — было три часа. На фотографии Вальден стоит с толстой пачкой бумаг под мышкой. Эти бумаги господа не смогли показать президенту, не могли даже намекнуть ему, что привезли их с собой.

На следующий день министр обороны генерал Вальден отправил своих представителей и доверенных лиц в Германию закупать обещанное оружие. Четырьмя днями позже правительство выделило Министерству обороны 150 миллионов марок на эти закупки. Не прошло и двух с половиной месяцев, как закупленное у немцев оружие прибыло в Финляндию.

Может быть, президент Каллио не выдержал и сломался, когда понял, что теперь дела делаются без ведома риксдага, больше того — и это было самое поразительное и страшное, — их обделяют без ведома правительства и президента? Каллио, как главе государства, было нелегко признаться в подобном, поскольку именно он отвечал за соблюдение конституции страны.

Единственным результатом этой бесполезной поездки была фотография, которая имела для Маннергейма определенное значение. Маннергейм и Вальден были в штатском — обстоятельство, заслуживающее минутного внимания. Его можно истолковать двояко — либо армейское руководство держало в руках и гражданские дела, либо оно не желало подчеркивать значение и силу военных. Кроме того, снимок мог подействовать успокаивающе на граждан, поскольку запечатлел главных лиц государства на отдыхе, на лоне природы в гостях у президентской пары. На фотографии увековечены и Кайса Каллио, и адъютант президента — единственный человек в мундире. Трое хозяев, трое гостей — равновесие соблюдено.

По какому делу приезжали гости? Что за бумаги держал Вальден под мышкой? Знал ли Каллио, почему его навестил этот могущественный триумvirат, эта пышущая здоровьем тройца, которая просто одним своим видом составляла столь резкий контраст президенту? Не приходило ли ему в голову, что целью их визита было требование о его отставке? Каллио прекрасно знал, что его здоровье пошатнулось. Еще за неделю до приезда этой тройцы с ним случился небольшой паралич. Когда ему при-

шлось подписывать полномочия на ведение мирных переговоров, он сказал, что предпочел бы, чтобы у него отсохла рука. Теперь она была парализована. Неужели нынешнее положение вещей сводило на нет мирный договор, подписанный в результате Зимней войны? Именно так и обстояло дело, но признавал ли это Калли? Что ему было известно? Кто знает...

Ставка в Миккели

5 января 1940 года русские подвергли Миккели особо интенсивной бомбардировке. Дом Дворянского собрания был поврежден, окна выбиты. Тем не менее маршал велел, как всегда, накрыть стол в столовой. В накинутом на плечи плаще он сидел у разбитого окна и обедал. Официантке, обслуживавшей собравшихся, Маннергейм вручил ленту медали "За свободу" II класса, которую прямо тут же вынул из кармана. На улице стоял трескучий мороз, пламя пожаров озаряло комнату.

Здание отремонтировали. Вместо окон вставили картон, замерзшие водопроводные трубы оттаяли. Но Маннергейм все-таки перебрался из города в поместье Инкеле в Юве.

Когда началась бомбардировка, Маннергейм находился в своем кабинете в Центральной народной школе, бывшей учительской. В убежище он идти отказался. На уговоры Аиро маршал ответил, что в это здание ни одна бомба не попадет, имея, наверное, в виду, что главнокомандующему подобная смерть не грозит. В непосредственной близости от школы в Наисвуори в горе было построено бомбоубежище. Маршал осмотрел его только из вежливости, но ни разу им не воспользовался. Он говорил, что бомбоубежище похоже на тюремную камеру.

Во время бомбардировки в ночь на 3 марта Дворянское собрание в Миккели сгорело. Русские прекрасно знали, где располагается Ставка Маннергейма, и методично, без помех, бомбардировали городок. Уже первый бомбовый удар разрушил шестьдесят домов. Но охотиться таким образом за одним-единственным человеком малоэффективно, и, как и следовало ожидать, предприятие не увенчалось успехом. Впрочем, вряд ли русские преследовали именно эту цель. Ставка представляла собой громадное учреждение, вполне достаточное, чтобы заполнить весь городок, поэтому интенсивные бомбардировки конечно же мешали его работе. В Зимнюю войну и вторую мировую войну Ставку рассредоточили на большой территории за пределами города. Маннергейм жил в различных местах. Но каждое утро он появлялся на своем рабочем месте в учительской Центральной школы, где просиживал до полуночи, а иногда и позднее.

Удивительно, но из учительской так и не убрали книжный шкаф, чучело совы и гипсовый бюст Рунеберга, стоявший на подоконнике рядом с

письменным столом Маннергейма. Пять лет звучали уверения, что Ставка размещена в школе временно. Стул, на котором сидел маршал, был взят напрокат у владельца местной мебельной фабрики. Война — явление преходящее, школьное дело — вечное.

Маршал провел в Миккели пять лет — до конца 1944 года, почти столько же, сколько он прожил в Варшаве. Несмотря на то что он был уже избран президентом и в этом своем качестве работал в Хельсинки, он продолжал регулярно приезжать в Миккели исполнять обязанности главнокомандующего, а иногда чтобы спокойно поработать.

Обедал и ужинал Маннергейм в клубе Миккели, принадлежавшем городскому клубу предпринимателей и расположенном на втором этаже гостиницы "Калева" непосредственно за рестораном. Часть высокопоставленных офицеров Ставки занимала два верхних этажа гостиницы и питалась в ресторане. Клубное помещение тоже обслуживалось кухней гостиницы и ее персоналом.

Маннергейм был в поразительно хорошей форме. Он регулярно ездил верхом, нередко по полтора часа зараз — либо в семь утра, либо в три часа дня. В рабочий кабинет в Центральной школе он являлся в девять утра и покидал его обычно в половине двенадцатого ночи. Обедал маршал с 12.30 до 14.00, ужинал с 19.30 до 21.00. После обеда Маннергейм два часа отдыхал, спал в большом кресле в кабинете, поставленном туда специально для этой цели.

Немцев удивляло, что главнокомандующий прогуливается по городу и ездит верхом в его окрестностях в обществе одно лишь адъютанта. Он пользовался общей парикмахерской, откуда никому не приходило в голову удалять обычных клиентов, и кто угодно мог оказаться в кресле рядом с маршалом или дожидаться своей очереди на стуле у двери. Трудно представить себе, чтобы в подобной ситуации оказался какой-нибудь другой человек — в Финляндии или за границей, — занимающий столь высокий пост.

Говорят, что Маннергейм не умел смеяться. Австриец Ханс Кёпф, служивший у него камердинером более десяти лет, слышал смех хозяина всего пару раз. Но смеяться маршал, разумеется, умел.

Командир зенитного отряда поезда Маннергейма лейтенант Йорма Оксанен однажды в 1941 году оказался в купальне Миккели. Там стояли купальные кабинки с тремя стенами и крышей. На стороне, обращенной к морю, стенки не было. К кабинкам вела деревянная лестница. Лейтенант Оксанен, искупавшись, как раз натягивал на себя рубашку в одной из кабинок, когда услышал шаги по лестнице и звон шпор. Надев наконец рубашку, он увидел перед собой Маннергейма и его офицера безопасности. Маннергейм только вернулся с верховой прогулки. Лейтенант Оксанен, на котором была одна короткая рубаха, едва достававшая до пупка, отдал честь и произнес: "Лейтенант Оксанен, господин фельдмар-

шал". Маннергейм засмеялся. Он смеялся безудержно, до слез. Потом повернулся и скрылся в соседней кабинке.

Во время Зимней войны за рождественским столом произошел следующий эпизод. Присутствующих обносили любимым блюдом маршала — жареным поросенком, и в тот момент, когда школьный советник Эрик Манделин, большой оригинал, доставлявший Маннергейму много веселых минут, собирался отрезать себе кусок, поросенок соскользнул с подноса официанта на пол. Ситуация была слишком забавной, чтобы отреагировать на нее обычной ухмылкой. Маннергейм хохотал, держась за живот. Хотя маршал считался весьма утонченной натурой, он отличался поразительно неприхотливым чувством юмора. Возможно, человека, достигшего предела утонченности и интеллектуального развития, снова начинают забавлять простейшие вещи — кульбиты, выделяемые поскользнувшимися людьми, вид падающих предметов, короче говоря, когда что-то торжественное и достойное вдруг теряет свое достоинство.

Маннергейм сохранил свое чувство юмора, всегда исполненное сарказма. О маршале Петене, главе французского правительства в Виши, он отзывался как о холодном и мрачном человеке. Похоже, именно холодности в людях Маннергейм боялся больше всего.

Как-то после окончания первой мировой войны он беседовал с Петеном о политике Финляндии в районе Балтийского моря, то есть о превращении его в нейтральную зону и запрете для военных флотов. Петен достал глобус, чтобы на нем найти Исландию, в то же время несказанно удивляясь, каким образом проблемы Балтийского региона могут представлять интерес для Финляндии. Зато Клемансо, великий французский государственный деятель, был энергичный, гибкий, любознательный человек. Сразу же после разговора с Маннергеймом, который объяснил Клемансо, что Аляндские острова всегда принадлежали Финляндии, он изменил свое мнение по поводу принадлежности аляндских шхер. Во время этой встречи Маннергейм, верный своей привычке, обратил внимание на руки — он помнил, что Клемансо в помещении был в серых перчатках.

В людях Маннергейм прежде всего ценил теплоту, гибкость и чувство реальности, то есть способность человека приспособливаться к реальному ходу вещей. Холодность и педантизм были постоянным предметом его насмешек.

В деревне Самматус на Карельском перешейке Маннергейма, приехавшего летом 1943 года инспектировать строительство укреплений, узнал один карельский паренек, открытый и простодушный. "Нет, вы поглядите только, это же Маннергейм", — воскликнул паренек. Автомобильный караван, естественно, привлек внимание всей деревенской ребятни. "Кто это узнал меня?" — заинтересовался Маннергейм, подозвал паренька и завел с ним беседу. Позже этот паренек все время повторял,

какие грустные глаза были у Маннергейма. И правда, это заметно даже на его фотографиях. У Маннергейма был взгляд человека, сознающего условия бытия, проникнувшего в тайны жизни и смерти, человеческого одиночества. Эту истину понимали и некоторые женщины, но она их возмущала. Из мужчин, имевших ту же склонность, можно назвать Хайнрикса.

Генерал Аиро стал для Маннергейма чем-то вроде талисмана успеха, его волшебной палочкой. Аиро отличался бесстрашием, никогда не суетился, не нервничал. Его любимой присказкой была фраза: "Ничего страшного не случилось". Для мятущегося, беспокойного, легко пугавшегося по причине богатой фантазии Маннергейма, который часто приходил в уныние, Аиро был самым лучшим из всех мыслимых сотрудников. Так и хочется сказать, что качества Аиро в какой-то степени определялись свойствами Маннергейма. Противоположности притягивают и формируют друг друга так, как это происходит, например, в супружеской жизни, — жена мечтательного, чувствительного мужа становится реалисткой, человеком практических действий. Аиро был обязан соблюдать холодное спокойствие и мыслить рационально. Возможно, что и президент Рюти в своих отношениях с Маннергеймом играл ту же роль. Рюти считали хладнокровным человеком, редко обнаруживавшим свои чувства. Его талантливость и прекрасная голова вызывали уважение. Он часто звонил Аиро рано утром, который докладывал ему положение дел, чтобы некоторое время спустя повторить то же самое Маннергейму. Случалось, Рюти успевал сначала позвонить Маннергейму. Маршала очень сердило, что президент информирован лучше него, и, слыша от Аиро вещи, которые он минутой раньше узнал от президента, Маннергейм раздражался обвинениями.

Аиро был человек небольшого роста с заурядной внешностью. Он сам говорил, что в армии он самый маленький. Курил он, словно лесоруб или сплавщик, сигареты, набитые крупно нарезанным табаком, при этом пользуясь мундштуком. Во время войны найти сигарет лучшего качества было невозможно. Иногда по вечерам, развлекаясь в номере гостиницы со своими гостями чуть ли не до рассвета, он позволял себе крепко выпить. Но, несмотря на это, всегда являлся на работу минута в минуту.

Тем не менее Маннергейм время от времени позволял себе грубоватые шутки в адрес Аиро, "между нами, мужчинами". Однажды генерал Ненонен за завтраком не стал есть овсянку, заявив Маннергейму и всей компании, что Создатель, если верить словам его, Ненона, матери, снабжает человека всей той пищей, которая ему понадобится, и что он, Ненонен, уже потребил отмеренное ему Создателем при рождении количество овсянки. На это Маннергейм заметил, что в таком случае Аиро Создатель при рождении снабдил большущим курдюком с водкой. Когда шведские

газеты написали, будто бы Маннергейма видели в Швеции, маршал начал вслух, в присутствии Аиро, размышлять, о каком же финляндском офицере может идти речь, — насколько он понимает, не об Аиро, поскольку тот все время находился в Миккели.

Красивая женщина охотно появляется в обществе подруги-дурнушки. Возможно, Маннергейм тоже следовал этому правилу, удерживая вблизи себя Аиро, чтобы тем самым подчеркнуть собственные достоинства. Маннергейм, наверное, был самым статным офицером в финляндской армии, а Аиро — самым невзрачным.

Богатые, благородные люди стараются избегать неприятностей и известий о них и чаще всего располагают для этого возможностями и средствами. После войны, накануне ареста Аиро, Маннергейм, знавший о предстоящем аресте, пригласил того к себе на ленч. Ни единым словом, ни единым жестом хозяин не намекнул гостю о том, что затевается. Зато затронул вопрос о контрабанде оружием, то есть то, в чем вскоре обвинят Аиро и за что ему придется, совершенно безосновательно, по его мнению, отсидеть два года в тюрьме, призвав при этом своего гостя убедить некоего полковника взять вину на себя. Русская контрольная комиссия потребовала наказания виновных. Правительственный комитет по внешним делам решил посадить в тюрьму Аиро, который стал главным обвиняемым уже в силу своего военного чина.

Станция Парандова

В начале 1942 года генерал Аиро отправился с визитом к генералу Рааппане, командиру 14-й дивизии. Туда же был вызван командир бронетанковой дивизии генерал Лагус, чьи войска стояли ближе к югу. Эти три малорослых офицера провели время по-домашнему уютно: в бревенчатой карельской избе на задворках Европы генералы, одетые в шерстяные свитера, держали совет. У Аиро зародился великий план, который, если его провести в жизнь, изменит ход мировой истории. А судьбе было угодно выбрать тех, кому предстояло осуществить этот план. Они присутствовали на совете трех генералов — Лагус и Рааппана.

Аиро твердо верил в осуществимость своего плана, до конца жизни был убежден в его реальности. Финляндская армия должна была взять Сороку — точку пересечения старой мурманской железнодорожной ветки и связующей ветки на Архангельск. Отсюда финские войска могли бы препятствовать переправке военного снаряжения западных держав в места назначения. Однако не это было главной целью Аиро. В ходе разработанной им операции предусматривалось полностью изолировать русские войска на Кольском полуострове, отрезать их от Большой земли так, что они теряли возможность вести сколько-нибудь долговременные

военные действия. После взятия города финляндцы должны были передать этот район в руки немцев. Сосредоточение немецких войск на севере было достаточно велико, чтобы отражать яростные контратаки русских. Русские, естественно, приложат все силы, чтобы вновь овладеть железной дорогой, которая была для них жизненно важной. Аиро подсчитал, что для выполнения поставленной задачи потребуется шесть немецких дивизий. В этом случае русские войска северной группировки потеряют всякое значение. При надежной блокировке путей сообщения они не смогут оборонять Мурманск, а получить подкрепление будет практически невозможно. Им останется один выход — попытаться уйти по льду Белого моря. Если же немцы овладеют указанными районами, они сумеют удержать их всего несколькими дивизиями, высвободив таким образом соединения, которые нужны в других местах. Одновременно сократится и приобретет более четкие очертания линия фронта Финляндии, которая сейчас прерывисто тянется по водоразделу, не имея во многих местах точных границ, прямо посередине бесконечной глухомани.

Ближе всех к Соробе располагалась 14-я дивизия Раапаны, непосредственно подчиненная маршалу, поскольку, по утверждению Аиро, Раапана не желал подчиняться кому-то другому. Дивизия стояла между немецкими и финляндскими войсками, изолированная от остальной армии, на стратегически важном месте. Не исключено, что это и являлось истинной причиной прямого подчинения дивизии маршалу.

Аиро вернулся в Миккели и гордо представил Маннергейму готовый план. Маршал немедленно начал ставить ему палки в колеса, но хитро и незаметно — он, как мыслящий человек, слишком уважал идеи других, чтобы вот так прямо смешать их с грязью.

В своих мемуарах Маннергейм называет парандовский план планом Аиро. Это единственный раз, когда он вообще комментирует деятельность Аиро.

Маннергейм высоко оценил план Аиро и сказал, что поедет в Хельсинки обсудить его с президентом, и только потом примет решение. Он действительно отправился в Хельсинки, но взял с собой не Аиро, а его помощника, которому и поручил ознакомить президента Рюти с планом Аиро. Последний подозревал, что Маннергейм не взял его с собой, боясь, как бы генерал своей убежденностью и вескими доводами не перетянул Рюти на свою сторону. Маннергейм же решительно настаивал, что это диктовалось чисто практическими соображениями, — Аиро разработал план, теперь речь шла о том, чтобы свое мнение высказала высшая инстанция, политическая, с которой генерал не имел ничего общего.

После того как полковник изложил детали плана Аиро, Маннергейм попросил его оставить их наедине с президентом. По возвращении в Миккели маршал сообщил Аиро, что президент воспротивился проведению плана в жизнь, что явствует очевидно и из письма, присланного им

Маннергейму. После чего он позволил Аиро прочитать это письмо. По мнению Аиро, письмо отнюдь не выражало отрицательного отношения к плану. Президент обещал поддержать его, если операция будет признана необходимой с военной точки зрения. Маннергейм стоял на своем — тон письма свидетельствует об отрицательном отношении к плану, и именно на этом основании маршал навсегда похоронил его.

Согласно мемуарам Маннергейма, в интересах Финляндии было сократить линию фронта, выдвинув ее вперед. По плану Аиро финляндцы должны были продвинуться вдоль железной дороги между Сорокой и Петровской до станции Парандова, которая находилась всего в пятидесяти километрах к югу от ветки на Сороку. Маннергейм отказался и от этой операции, поскольку русские могли посчитать, что она тоже имела целью захват соединительной железнодорожной ветки.

Маннергейм утверждал, что посетил Рюти, чтобы изложить ему план Аиро и свое отрицательное к нему отношение. И страшно удивился, когда Рюти, сразу же после их встречи, написал ему длинное письмо, в котором приводил в качестве собственных аргументы, выдвинутые Маннергеймом против наступления на Парандову. Письмо было зачитано на процессе над военными преступниками. Маннергейм признавался, что у непосвященного при чтении этого письма могло запросто сложиться впечатление, будто Маннергейм отдал приказ о наступлении, а Рюти был вынужден его отменить.

На упомянутом процессе Рюти сказал, что Маннергейм во время своего визита 24 марта 1942 года изложил ему план операции. Согласно этому плану наступление на первом этапе должно было завершиться в Парандове. По словам Рюти, Маннергейм даже заверил его, что необходимые для этого войска уже на месте.

В своей автобиографии Маннергейм писал, что в основе утверждения Рюти лежало недоразумение, или же бывшего президента просто подвела память.

Маннергейм ограничил план Аиро одной Парандовой, дав понять, что таков и был замысел генерала. Автобиография предназначалась для западного книжного рынка. Возможно, Маннергейм сначала не верил, что ее могут издать в Финляндии, и потому позволил себе такие резкие выпады против Советского Союза. У него не было ни малейшего повода даже между строк говорить о соединительной ветке на Сороку, поскольку ею так или иначе пользовались западные державы.

Визит Гитлера

В день своего рождения 4 июня 1942 года Маннергейм намеревался выехать на фронт и таким образом избежать официального празднования.

Его визит поднял бы вес и значение полевой армии, подчеркнул бы, что он — один из ее солдат. Однако президент Рюти и правительство выразили желание участвовать в праздновании дня рождения, заявив, что придут для этого, куда угодно. Маннергейм сам сделал выбор. Праздник состоялся в поезде, в двух сцепленных друг с другом вагонах-ресторанах. Поезд должен был доставить гостей в Хельсинки. Поблизости находился аэродром Иммола, который принимал заграничных гостей. Лето было в разгаре, блестили воды Саймена.

Президент лично составил программу праздника и меню.

О прибытии Гитлера финляндцев уведомили в последнюю минуту. Маннергейм узнал об этом накануне торжественного дня в 17.00. — немцы заботились о безопасности своего вождя. У финских генералов сложилось, к их собственному удивлению, весьма благоприятное впечатление о Гитлере. Вместо орущего демагога с пеной на губах они увидели обычного человека, сдержанного и деловитого, пусть он и говорил несколько сбивчиво и перечислял собственные промахи, в которых, казалось, сильно раскаивался. По мнению Айро, Гитлер был похож на типичного финского крестьянина.

Обед начался в 13.15. Меню состояло из яиц, пирогов с рисом и капустой, вареной лососины, фаршированного гуся, фруктового салата и кофе. Гитлер отведал пирогов, но вместо холодной лососины ему подали суп из спаржи, а вместо гуся — овощной пудинг, который метрдотель президентского замка привез с собой из Хельсинки. Вина Гитлер не пил, только минеральную воду, доставленную в вагон немецким офицером. Этот офицер в течение всего обеда стоял у дверей вагона. Фруктовый салат для Гитлера не стали заправлять вишневой водой, как всем остальным.

Обед в двух вагонах-ресторанах был сервирован на семьдесят персон.

О своих впечатлениях от Гитлера Маннергейм рассказал лишь Грипенбергу и сестре Эве. Гитлер, как отметил маршал, прибавил в весе, у него испортилась кожа, но его простые и естественные манеры у многих вызвали симпатию.

Для Маннергейма и финляндских политиков визит Гитлера был тревожным событием. После его отъезда они облегченно вздохнули — Гитлер не выдвинул никаких требований и не говорил о военном сотрудничестве. Но, несмотря на это, были все основания бояться реакции мировой общественности. И такая реакция не заставила себя ждать. Министерство иностранных дел США выразило свое беспокойство послу Финляндии, опасаясь, что Гитлер прибыл требовать от финляндцев захватить Сороку, дорогу, по которой шла западная помощь Советскому Союзу. После ответного визита Маннергейма к Гитлеру Соединенные Штаты закрыли свое консульство в Финляндии и потребовали от нее сделать то же самое в США — теперь Финляндия, по общему мнению,

была крепче, чем раньше, связана с Германией. Маннергейм по привычке боялся худшего. Но Германия не выдвигала никаких требований, и Маннергейм заинтересовался у шведского исследователя Свена Гедина, лично знакомого с Гитлером, почему все-таки тот приехал к нему на день рождения. Свен Гедин ответил, что причина проста — Гитлер очень высоко ценит Маннергейма и испытывает к нему большое уважение. Такое объяснение недоверчивый Маннергейм посчитал слишком хорошим, чтобы быть правдой.

В обществе Гитлера Маннергейм вел себя корректно и сдержанно. В вагоне-салоне, куда они удалились, дабы побеседовать с глазу на глаз, их разговор был тайно записан. Гитлер оживленно разглагольствовал о невероятном военном потенциале Советского Союза — количество уничтоженных танков достигло 24 тысяч. Маннергейм лишь вторил собеседнику, время от времени повторяя какие-то фразы с интонацией, выражавшей изумление или ужас.

Выдержка изменила Маннергейму только однажды — когда министр иностранных дел Виттинг протянул ему написанное совместно с немцами коммюнике о визите Гитлера. Маршал как раз садился в машину, чтобы проводить Гитлера на аэродром после его первого и единственного посещения Финляндии, продолжавшегося шесть часов пятнадцать минут. Маннергейм, нахмутив брови, недоверчиво посмотрел на бумагу и что-то сердито пробормотал. В коммюнике говорилось о братстве по оружию. Виттинг поспешил указать, что все формулировки согласованы с немцами. Тоном, не терпящим возражений, Маннергейм ответил, что являться с подобным документом к нему никак не следовало.

Спустя два-три дня после дня рождения Маннергейм отправился в Хельсинки, чтобы проверить, как идут дела у семидесяти конторщиков, посаженных отвечать всем семи или восьми тысячам человек, приславших свои поздравления или подарки.

Через месяц Маннергейм нанес Гитлеру ответный визит. Тот прислал за маршалом свой личный одиннадцатиместный самолет, оснащенный креслами и столами. И на этот раз Финляндии не было предъявлено никаких требований. Все прошло по протоколу.

Позднее немцы рассказывали, что Гитлер очень обрадовался подарку, преподнесенному ему Маннергеймом, — обычному автомату "Суоми", правда, в красивом футляре с серебряной табличкой. Финляндцы же, которые сопровождали Маннергейма, утверждали, будто Гитлер убрал подарок, даже не удостоив его взглядом. Но они ошибались, а немцы говорили правду. На следующее утро Гитлер отправился пострелять из автомата и остался весьма доволен результатами и качеством оружия, а еще тем фактом, что оно теперь принадлежит лично ему. Фюреру наверняка пришлось по душе, что его считают солдатом. Гитлер, как и Маннергейм, был пленником письменного стола и карт и поэтому радовался каждый

раз, когда получал возможность вообразить себе, будто он может отклониться от привычного распорядка.

У финнов этот подарок, такой, по их мнению, заурядный и дешевый, вызвал чувство смущения и даже некоторого стыда.

Маннергейм навестил генерала Гальдера, начальника штаба сухопутных войск Германии, хотя тот уже был в немилости. Вскоре его уволили и отправили напрямик в концлагерь.

Последним принял Маннергейма Геринг — в своем поместье Каринхалль. Во внушительном камине горели длинные поленья, точно как некогда у древних германцев. Маннергейм обратил внимание на изменения, произошедшие с Герингом, который жил словно персидский шах среди награбленного добра. Он подарил маршалу ящик самого лучшего французского шампанского, поспешив при этом заметить, что у него в подвалах имеется 35 тысяч бутылок для повседневных нужд — столько ему не успеть выпить за всю жизнь.

Отпуск в Швейцарии

В апреле 1943 года Маннергейм на финском военном самолете вылетел в Швейцарию для поправки здоровья. Вальден позвонил Талвеле в Берлин. Талвела, работавший там офицером связи, был ушами и глазами Маннергейма. Он получил приказ проследить, чтобы немцы не пронюхали о том, кто является пассажиром самолета, который должен был сделать промежуточную посадку в Берлине. Ему было сказано, что в самолете летит госпожа Вальден, направляющаяся в Швейцарию на лечение. Но Талвела догадался. Несмотря на это, он взял с собой на аэродром своего друга, немецкого майора Альбедилла, который владел большим поместьем на острове Рюген, был женат на шведской графине фон Эссен и говорил по-шведски. Талвеле майор очень нравился, и он, видно, думал, что и маршалу этот человек может прийтись по душе и быть полезным. Как бы то ни было, Талвела привез Альбедилла на военный аэродром в Рангсдорф. Маннергейм взорвался и в весьма грубых выражениях, вполне обычных в армии, но редко употреблявшихся маршалом, отчитал Талвелу:

— Какого дьявола, я же сказал вам, что ни с кем не желаю встречаться, а вы тем не менее притащили сюда какого-то фон Альбедилла! — заорал он на вошедшего в самолет Талвелу. Фон Альбедилл почтительно стоял рядом с самолетом. Маннергейм вышел и поздоровался с ним вполне вежливо, ничем не выдавая своего гнева. Ему вообще было чуждо бросать в лицо людям неприятные слова. Он позволял себе это лишь по отношению к самым близким друзьям.

Лечащий врач Маннергейма, доктор Лаури Калайя, увидев глубокую подавленность и отчаяние Талвелы, прошептал ему на ухо, что не стоит

принимать так близко к сердцу полученную взбучку. Маршал просто-напросто пьян. И изрядно. Калайя в течение всего перелета усердно накачивал его коньяком, потому что состояние у маршала было хуже некуда.

Талвела провел Маннергейма в здание на краю летного поля, где им предоставили отдельную комнату. Он угостил маршала шампанским, а фон Альбедилл занимался остальными. Именно для этого Талвела, который хотел без помех поговорить с маршалом, и взял с собой майора.

Маннергейм благожелательно выслушал рассказ Талвелы о пребывании в Германии и пообещал отправить его на фронт, если война разгорится с новой силой. Маршал сказал, что Германия бросит Финляндию на произвол судьбы, особенно если встанет вопрос о заключении мира. Необходимо проявлять лояльность и корректность к Германии, взывать к рыцарским чувствам немцев, потому что, несмотря на всю их жестокость, у них есть рыцарские чувства, и они любят, когда им об этом напоминают. Но с Германией ни в коем случае нельзя входить ни в какие формальные союзы или подписывать договоры. Даже обсуждать эти вопросы не следует. Как только великие державы устанут воевать, они заключат мир, и малые государства в тот же момент снова станут разменной монетой.

Самолет был вынужден сделать посадку в Штутгарте для паспортного контроля. Механики, осматривавшие самолет, обнаружили неисправность в одном из двигателей, что требовало его замены. На летном поле, однако, стоял серебристый "Дуглас", рейсовый швейцарский самолет, вылетавший в Цюрих. Маннергейму со свитой разрешили пересечь на него. Встречал Маннергейма начальник протокольного отдела швейцарского МИДа. Он взял на себя все организационные заботы и представил маршалу двух сотрудников службы безопасности, которые должны будут сопровождать маршала повсюду. Это Маннергейму не понравилось, но представитель швейцарского МИДа, очевидно, навел его на определенные размышления, а именно: что для Финляндии очень важно иметь работоспособных дипломатов, людей с хорошим воспитанием и образованием, обладающих способностью трезво мыслить и уметь подчиняться дисциплине. У Маннергейма возникло чувство, что в скором времени оборонной Финляндии будут заниматься не военные, а представители страны за рубежом. Так писал Маннергейм Вальдену, добравшись до Лугано. Мирная, спокойная жизнь в Швейцарии, элегантные и эффективно работающие служащие позволили ему, главнокомандующему, который два года не видел никого, кроме военных, одним глазком взглянуть на совершенно другой мир. И этот мир оказал на него сильное притягательное действие, заставив поверить в реальность достижения скорого мира. Но то была лишь короткая весна, за которой последовала тяжелая и затяжная зима.

Компания из Финляндии сидела за угловым столом ресторана "Белле-вю". Маннергейм устроился в противоположном углу, подальше от ос-

тальных, вместе с известной красавицей, неизменной спутницей, а с 1948 года женой знаменитого в европейских высших кругах плейбоя индийского принца Ага Хана.

Маннергейм, очевидно, был знаком с будущей принцессой еще до войны. Статная, ослепительно красивая француженка Ивонн ла Брусс, даже в юности выглядевшая вполне зрелой, позвонила в финляндское посольство сразу же по прибытии Маннергейма в Швейцарию и спросила, не может ли она повидать маршала. "Откуда вы узнали, что он приехал?" — удивился посольский чиновник. Ведь Маннергейм находился в Швейцарии инкогнито. Мадемуазель ответила, что получила информацию прямо из Финляндии, от самого маршала.

На столе в комнате маршала немедленно появилась фотография Ивонн ла Брусс.

Эта обворожительная, известная всей Европе дама служила также посредницей между Ага Ханом и Маннергеймом, поскольку они, будучи гражданами стран, находившихся в состоянии войны, не считали возможным общаться напрямую, больше того, избегали попадаться друг другу на глаза. Однажды, когда Маннергейм пересекал вестибюль гостиницы, намереваясь выйти на улицу, Ага Хан спрятался за колонной, чтобы не надо было здороваться с маршалом в присутствии свидетелей, раскрыв тем самым их знакомство.

Маннергейм десятки лет вращался в кругах, тесно соприкасавшихся с европейским светским обществом, знал многих известных людей своего времени и сам формально принадлежал к той же категории. Однако разразившаяся война положила конец этой беззаботной жизни — Маннергейм работал не покладая рук и приобрел большой вес в политике. А вот 30-е годы создали ему ложную славу человека, проводившего жизнь в неге и праздности.

В Швейцарии Маннергейм жил под псевдонимом, всячески скрывая свое подлинное имя. Над псевдонимом он долго не думал, став господином Маргемом. Но эта фамилия не могла обмануть швейцарцев, и многие приходили просить у него автограф. Один, например, попросил маршала расписаться на немецкой газете "Сигнал", опубликовавшей цветную фотографию Маннергейма размером в целую полосу, кстати, весьма удачную, по его собственному мнению. Маршал каждый раз удивлялся, почему у него просят автограф, и расписывался — к огорчению любителей автографов — "Маргем".

Русским тотчас же стало известно о поездке Маннергейма, потому что их пропагандистская служба на фронте начала бесперебойно вещать о том, что Маннергейм выслан из Финляндии и заменен на посту главнокомандующего немецким генералом Хайнриком, а это означает, что Финляндия окончательно попала в вассальную зависимость от Германии.

Как-то, когда Маннергейм отдыхал в шезлонге, мимо прошла пожилая

светская дама, которая поприветствовала его книксеном. Маршал поспешил вскочить на ноги, дабы должным образом ответить на это уважительное приветствие, но это усилие стоило ему травмы колена. Оно сильно распухло. Многочисленные сопровождающие сообщали лечили маршала, ставя ему по утрам борные компрессы.

В это же самое время в Швейцарии находился бывший и будущий министр иностранных дел Финляндии Карл Энкель, который тоже поправлял свое здоровье. Маннергейм попросил его навестить главного редактора франкоязычной газеты "Журналь де Женев" Жана Мартэна, жившего в своем загородном имении недалеко от Женевы. Энкель привез Мартэну письмо от Маннергейма, где тот заверял редактора, что Энкель человек надежный, имеющий вес и старый друг маршала. Маннергейм поручил ему задать Мартэну всего один вопрос и выражал надежду, что главный редактор честно на него ответит. Мартэн заверил Энкеля, что выполнит просьбу Маннергейма.

— Маршал хотел бы узнать, как, по вашему мнению, закончится война, — сказал Энкель.

Мартэн удивился — ответ на этот вопрос маршал знает гораздо лучше него самого.

— Маршал просил подчеркнуть, что он располагает сведениями только с одной стороны баррикады, а вы получаете информацию с обеих сторон, — возразил Энкель.

— В таком случае, можете передать маршалу, что немцы, насколько я понимаю, войну не проиграют, поскольку они это уже сделали.

Маннергейм наверняка и сам давно пришел к такому выводу, но он был не из тех, кто цепляется за предположения или слепо верит в информацию и даже собственные рассуждения. Ему необходимо было выслушать чужие мнения, а слушать он умел. Сам обладая способностью все начинать сначала, он хотел, чтобы и окружающий его мир находился в подвижном состоянии, когда любая ситуация имеет множество решений.

Маннергейм долго поддерживал связь с Жаном Мартэном. В январе 1945 года он написал ему письмо на бумаге с шапкой "Президент республики", где рассказывал о тяжелом положении Финляндии и множестве накопившихся проблем. Жить приходится одним днем, стараясь укреплять дух и постоянно необходимую волю к сопротивлению. Однако обратительное столкновение с действительностью приносит определенную пользу — начинаешь понимать, что надо пройти через психическое страдание, чтобы составить себе реальное представление о жизни.

Вот к какой глубокой личной жизненной философии пришел Маннергейм на склоне лет. В письме он добавил еще, что психические страдания учат идти по жизни с гордо поднятой головой.

Большое наступление русских

Полковник Карл Лемус, считающийся не слишком надежным свидетелем, рассказывал, что 2 мая 1944 года он докладывал Маннергейму данные разведки о военной ситуации в целом и о готовящемся наступлении русских в частности. В середине доклада Лемусу пришлось сходить за картами в свой кабинет. Возвращаясь обратно, он столкнулся в дверях с Аиро, выходящим из кабинета Маннергейма. Тот в гневе прошипел, что Лемус, мол, опять сумел напугать главнокомандующего до потери сознания. Закончив доклад, Лемус зашел к Аиро за разъяснениями. Генерал высказал недовольство тем, что главнокомандующему докладывают о вещах, угнетающе действующих на его психику, но признал факт стягивания русских войск. Однако, по мнению Аиро, финны смогут удержать свои передовые позиции на Карельском перешейке еще месяц. Когда Лемус сообщил точку зрения Аиро Маннергейму и Вальдену, те только пожали плечами, тем самым показывая, что это их совершенно не интересует.

8 мая 1944 года военный атташе в Стокгольме полковник М. К. Стивен послал тайный рапорт Хайнриксу, в котором сообщал, что, согласно сведениям, полученным от японского военного атташе, разведке Японии удалось установить факт концентрации четырех советских армий вблизи Ленинграда, очевидно с тем, чтобы использовать их против Финляндии. Потрепанные в боях, недоукомплектованные, эти армии в июне или июле вновь обретут былую мощь. Ни Аиро, ни Хайнрикс не сказали ни слова Маннергейму об этом рапорте, в чем прямо признались Стивену, когда тот прибыл в Миккели.

Неделю спустя после начала наступления Маннергейм признался Лемусу, что придавал больше значения мнению Аиро, чем докладам Лемуса, но он в любом случае ничего не успел бы сделать. Финляндии просто не хватало людей. Финская армия была маленькой армией маленькой страны. Когда весной политики упрекали Маннергейма, что на Карельском перешейке было слишком мало войск и что следовало бы перебросить туда войска из Восточной Карелии, маршал иронически спросил, имелся ли избыток войск на перешейке у Маасельке и Свири.

За пять дней до большого наступления русских Маннергейму исполнилось семьдесят семь лет. Генеральный директор "Энсо-Гутцайтс" Котилайнен устроил праздничный обед в клубе "Энсо". Котилайнен был одним из доверенных лиц Маннергейма, выполнявших самые разнообразные функции. В 1941—1942 годах он возглавлял военное управление Восточной Карелии — пост, непосредственно подчиненный главнокомандующему. С 1942 года он был инспектором того же управления. Самая трудная задача выпала на его долю при восстановлении заводов "Энсо". В то время Котилайнен одновременно являлся вице-председателем Крас-

ного Креста Финляндии и председателем Совета маннергеймовского Союза защиты детей.

Не прошло и двух недель, как Маннергейм выдвинул его кандидатуру на пост премьер-министра.

Длинный стол украшали 700 тюльпанов. Журчал вделанный в пол фонтан. Метрдотель был одет во фрак. Судя по всему, Котилайнену удалось найти в Восточной Карелии первоклассного повара из местных, который в свое время дослужился до звания придворного суповара. Горный советник Котилайнен, зная любовь Маннергейма к русской кухне, предложил собравшимся русское меню — горячие закуски, суп из лосося с пирожками, седло барашка с салатом и фруктовую запеканку. После обеда, прежде чем перейти пить кофе, Маннергейм прошел на кухню поблагодарить повара — с ним он говорил по-русски. Вернувшись в Миккели, Маннергейм неодобрительно — что было ему вовсе не свойственно — отозвался о качестве блюд. Соус для пирожков, подававшихся к лососевому супу, был приготовлен на бульоне из окуня, а не из плотвы, как того требовал рецепт. Никому и в голову не могло прийти раздобывать плотву для такого торжественного, праздничного случая.

Празднование дня рождения было устроено по желанию президента Рюти, который лично произнес речь. На следующий день Маннергейм в обществе Вальдена отбыл обратно в Миккели. Отобедав там, Вальден в 5 часов вечера собрался уезжать в Хельсинки на автомобиле. Неожиданно Маннергейм решил проводить его до Лахти. По телефону был заказан отдельный кабинет в Дворянском собрании. По телефону же пригласили в Лахти министра иностранных дел Рамсея. Для господ был сервирован ужин. Для таких случаев у Вальдена имелся в ресторане личный холодильник, набитый деликатесами, ключ от которого он всегда носил с собой. Когда Маннергейм рекомендовал генералам Дворянское собрание в Лахти, где подавались изысканные блюда и порции намного превосходили те, что предписывались карточной системой, он и не представлял себе истинное положение дел с продовольственным обеспечением страны. Он не знал, что Вальден угощал их деликатесами, которые достал незаконно, в обход всех правил. Генералы были страшно разочарованы, получив в Дворянском собрании порции, несколько не отличавшиеся от тех, что подавались в других ресторанах. Существовало немало вещей, о которых Маннергейм и не подозревал. Однажды после войны ему надо было позвонить по телефону-автомату, но у него ничего не вышло. Тогда его адъютант вошел в кабинку и опустил в автомат монету. Маннергейм очень удивился, что нужно платить вперед.

В два часа ночи Маннергейм возвратился в Миккели. Спустя час или два началась высадка войск западных держав в Нормандии. Через три дня открылся ураганный артиллерийский огонь, подготавливавший крупномасштабное наступление русских и заставивший задрожать зем-

лю на половине территории Финляндии. Наступило 6 июня 1944 года. Маннергейм спал недолгим, но глубоким покойным сном, утомленный разнообразными впечатлениями празднеств. То был последний раз, когда он позволил официально отмечать свой день рождения. В следующие два года маршал исчезал за день до события. А потом, став частным лицом, он никуда не уезжал, но никого и не принимал.

Утром 9 июня 1944 года, в день начала крупномасштабного наступления, Маннергейм встал раньше обычного. Грохот орудий доносился до Миккели и Саирила. Назавтра во время обеда в 12.30 стало известно, что противник глубоко вклинился в расположение финских войск. Войска в панике, солдаты дезертируют, единственно, кто еще сдерживает наступающего противника, — 1-й егерский батальон. Краска залила щеки Маннергейма. Упрямо продолжая есть, он поинтересовался мнением Хайнрикса, Аиро и Ненона относительно сложившейся ситуации и того, что следует предпринять. За обедом было не принято говорить о войне. На этот раз маршал сделал исключение. Выпив кофе, он отправился в Ставку, в Центральную народную школу, зажав по привычке между пальцами зажженную сигарету. Выйдя на улицу, Маннергейм еще раз жадно затянулся и выбросил окурочек в сточную канаву. Обычно он это делал, только подойдя к зданию школы.

Начало наступления подействовало на маршала как укол, придав ему сил и энергии. Такая же реакция была у него в первые дни Зимней войны. Эмоциональные люди с богатой фантазией, когда приходит время действовать, освобождаются от всех надежд и страхов и переходят непосредственно к делу. Дни депрессии были еще впереди.

Пленник Ставки

Общая ситуация на фронтах второй мировой войны и постоянно ухудшающееся положение в Финляндии давно угнетали Маннергейма. В 1944 году он стал то и дело взрываться, выходить из себя по малейшему поводу. Стресс причинял ему физические страдания. Его мучила болезненная экзема на руках. Стоило нечаянно задеть твердые корочки, как показывалась кровь. Когда кто-нибудь, не зная о его болезни, с силой пожимал ему руку, он громко вскрикивал от боли.

Порядки в Ставке были строгие. Даже ночь, проведенная в автомобиле, в дороге, не служила основанием для опоздания на работу на следующее утро. Маннергейм с этим справлялся успешно.

Не надо забывать, что маршал после обеда спал в большом кресле в своем кабинете. Хайнрикс, следуя примеру шефа, тоже позволял себе вздремнуть после обеда, но в собственной кровати. От своего молодого адъютанта он ждал того же. Но тот, проведя несколько дней у окна в

борьбе с желанием выйти на улицу, взял в привычку отправляться в город по личным делам.

Чем ниже находился человек на служебной лестнице, тем легче ему было оказывать услуги Маннергейму. Чем выше он был по положению, чем ближе к Маннергейму, тем труднее была служба. Маннергейм предъявлял немислимо высокие требования к своим подчиненным. Создавалось впечатление, что он как бы целиком завладевал человеком и железной хваткой удерживал его в своей власти. Так говорили. Днем и ночью, в праздники и в будни его сотрудники должны были быть рядом. Маннергейм без всякого понимания относился к просьбам о предоставлении выходного или отпуска. Даже на Рождество он отпускал своих подчиненных с великой неохотой. Сам маршал никогда не брал отпуска. Единственным исключением была поездка в Швейцарию в 1943 году на лечение по настоянию его врача, который боялся за его жизнь. Один из его денщиков не осмеливался рассказать маршалу о своей предстоящей свадьбе, пока не стало ясно, что он рискует опоздать на венчание. Правда, когда его запихнули в машину в том виде, в каком он был, и велели мчаться что есть духу — оставалось всего двадцать минут до начала церемонии. Маннергейм был человек одинокий, не имевший близких или друзей, а уж о какой-то личной жизни говорить вообще не приходится. О том, что происходило за закрытыми дверями его частного жилища, у нас практически нет никаких сведений.

ОТ ШТОРМА К ЗАТИШЬЮ

Президент

Ночь на 29 июля 1944 года Маннергейм провел, изучая труд "Конституция Финляндии", который Вальден привез по его просьбе из Хельсинки. Маршал хотел выяснить, какие существуют альтернативы смены главы государства. Оказалось, что, согласно конституции, назначение регента — а такое предложение было выдвинуто — невозможно. Правительство обсуждало вариант назначения Маннергейма на два года на пост президента или регента в зависимости от того, какой из этих титулов он предпочтет. Маннергейм решил остановиться на нормальном президентстве сроком в шесть лет, потребовав при этом осуществить предоставляемое конституцией президенту право переложить часть своих обязанностей на премьер-министра.

Психосоматические проблемы Маннергейма усугубились. Осенью 1944 года у него развилась тяжелейшая экзема на руках. Ему было трудно писать, руки покрылись язвами. Соприкасаясь с одеждой, корочки лопались, и из них сочилась жидкость. Лечили его светом. Экзема была вызвана тем психическим давлением, которое в этот период испытывал Маннергейм. Ему было трудно собраться с мыслями, поэтому письма пестрят орфографическими ошибками. Он стал чаще, чем прежде, употреблять сильные выражения, но зато они были более безобидные — типа "черт" и "дьявол". Он взрывался по любому поводу, но через минуту отходил.

4 августа 1944 года Маннергейм принес президентскую присягу в здании риксдага. На нем был мундир финляндской Белой гвардии. Вместо серой узкой ленты, положенной по уставу гвардии на полевой фуражке, фуражка маршала была украшена желтой лентой кавалерии. Он заметил это лишь по прибытии в Экудден и страшно разгневался, вышел из себя.

Вскоре началась война против немцев в Лапландии. Возглавил ее Аиро. В середине сентября 1944 года Маннергейм выдвинул предложение о продвижении финляндских войск к Кеми и Торнео. Аиро считал операцию неумной и ненужной, поскольку она приведет к открытой войне с немцами, единственное желание которых — вывести свои войска из Лапландии. Сделать это в один присест нельзя. Тем не менее они выводили войска максимально быстрыми темпами. Зачем же тогда воевать и жертвовать людьми? Другим Аиро прямо заявил, что присутствие немецких войск так далеко на юге — целиком и полностью вина Маннергейма. Маршал всевозможными уловками заставлял их отвечать за все большее число участков фронта, продлить линию фронта на юг, чтобы таким образом высвободить оттуда финляндские войска. Руководствуясь полити-

ческими мотивами, Маннергейм требовал ускорить передвижение финляндских войск, Аиро же затягивал это по военным соображениям.

Министр иностранных дел Карл Энкель вызвал в Хельсинки посла Финляндии в Швеции Г.А. Грипенберга, который прибыл в столицу в пятницу, 18 августа. Грипенберг предполагал, что правительство решило начать переговоры о мире с Советским Союзом и намерено поручить ему связаться с советским послом в Швеции госпожой Коллонтай. Однако министру иностранных дел нечего было сообщить Грипенбергу. Он не знал планов маршала. По словам Грипенберга, вопросы внешней политики целиком и полностью были прерогативой президента. У Энкеля создалось впечатление, что Маннергейм еще не принял определенного решения.

После обеда Грипенберг встретился с Маннергеймом в правительственном особняке. В краткой дискуссии приняли участие премьер-министр и министр иностранных дел. Президент ни словом не обмолвился о зондаже по поводу заключения мира. Он пригласил господ отужинать с ним в его поезде недалеко от города, а Грипенбергу велел до этого явиться к нему в резиденцию в Брюннспарк.

Грипенберг прибыл к Маннергейму в 18.00. Маршал сидел в практически пустом кабинете за маленьким столом. Из-за риска бомбардировок часть мебели была вывезена в надежное место. Маннергейм заполнял анкету на получение продовольственных карточек. Из-за травмы руки во время верховой прогулки писал он очень медленно, при этом тщательно изучая директивные предписания анкеты. Грипенберг терпеливо ждал, но все же не мог удержаться от вопроса, действительно ли президент республики сам должен заполнять заявление на получение карточек.

— А кто же за меня это будет делать, если не я сам? — деловито ответил Маннергейм.

Закончив писать, он рассказал, что 17 августа его посетил Кейтель, который прочел ему красноречивую лекцию, полную пропагандистских фраз и пустых мечтаний. По словам Кейтеля, военная ситуация южнее Финского залива весьма удовлетворительна и внушает надежды. Немцы готовят наступление, которое должно начаться либо сегодня, либо завтра. Они намерены захватить город Шяуляй. Положение на западном фронте не столь блестяще, но это не имеет большого значения, поскольку Германия готова воевать еще десять лет.

“Финляндия ни при каких условиях не будет воевать так долго”, — удалось-таки вставить Маннергейму, и немцы должны это знать.

Когда поток красноречия Кейтеля иссяк, Маннергейм попросил его обратить внимание на одно обстоятельство, а именно: он, Маннергейм, не считает себя связанным тем договором, который прежний президент Рюти заключил с Германией. Этот договор не соответствует и идеям, господствующим в риксдаге.

Кейтель ответил, что не имеет оснований вмешиваться в политику. Он человек военный, солдат и потому может высказываться только по военным вопросам.

Таким образом, Маннергейм, заявив о том, что ни он, ни его правительство не связаны договором, заключенным Рюти с Риббентропом, фактически разорвал его! Неужели Кейтель не заметил этого? Неужели Маннергейм серьезно верил, что этот лакей на побегушках действительно понял, о чем идет речь и какое значение имеет это заявление?

— А другого дела у Кейтеля не было? — спросил Грипенберг.

— Было, конечно, я получил дубовый лист на свой железный крест.

Во время последовавшего за беседой обеда Кейтель был в превосходном настроении, что удивило Маннергейма. "Правда, обед был великолепный", — закончил он свой рассказ. Тем не менее маршал считал, что сделал дело государственной важности — разорвал договор с Риббентропом, толкнул камень и теперь ждал, когда покотившийся камень вызовет оползень.

Вечером Грипенберг ужинал в поезде маршала в Хертонесе вместе с премьер-министром, министром иностранных дел и министром обороны. Разговор после ужина шел вяло, поскольку Маннергейм явно избегал высказываний по поводу мирных переговоров. По мнению Грипенберга, даже Вальдену были неизвестны ни планы Маннергейма, ни сроки, когда тот собирался приступить к действиям.

На следующий день министр иностранных дел Энкелль выразил недовольство сложившейся ситуацией, тем, что ничего не происходило.

Позднее Грипенберг в компании тех же министров — Хакзелля, Энкелля и Вальдена — отправился в Экудден, где Маннергейм и объяснил им причины своей пассивности. В Германии к этому времени заинтересованные лица должны были уже получить информацию о том, что Маннергейм разорвал договор с Гитлером — он имел в виду договор с Риббентропом. Кейтель уже вернулся в ставку Гитлера и рассказал об услышанном. Поэтому надо продолжать ждать. Гитлер — истерик, и его вероятный гнев может принять самые дикие и для Финляндии опасные формы. "Но если в ближайшие дни никакой реакции не последует, тогда делаем следующий шаг", — добавил маршал.

Судя по всему, Маннергейм надеялся, что Германия своими агрессивными действиями сама демонстративно разорвет отношения с Финляндией, освободив тем самым его от этой необходимости. Но все-таки важнее всего для него, по-видимому, была реакция немцев. Маннергейм пустил пробный шар. Необходимо было узнать, прибегнет ли Германия к грубой военной силе против Финляндии. Маннергейма мучила мысль, что ему страшно не хватает информации. Для того чтобы принять решение, надо знать факты, которые влияют на это решение.

В 23.00, когда Грипенберг уже лег спать, ему позвонил Маннергейм и потребовал приехать в Хертонес. Там, в маршальском поезде, уже нахо-

дились Вальден и Хенрик Рамсей. Президент был в хорошем настроении, шутил, смеялся. Но вдруг посерьезнел. И впервые Грипенберг услышал от него, что он решил вооруженным путем выгнать немцев с юга Финляндии, если те сразу же после наступления перемирия не уйдут сами.

По словам Грипенберга, маршал находился в добром здравии. За последние два года Грипенберг впервые видел его столь энергичным, активным, молодцеватым.

В решающий день 24 августа 1944 года Грипенберг снова прилетел из Стокгольма в Хельсинки, где встретился с премьер-министром и министром иностранных дел. Они сказали, что, по мнению правительства, следует немедленно начинать переговоры с Советским Союзом. Однако маршал, похоже, решения все еще не принял.

Вечером Грипенберг в машине Вальдена отправился на станцию Хертонес. Там уже были министр Таннер и три адъютанта маршала. Приехал и премьер-министр Хакзелль, который сообщил, что министр по социальным вопросам, социал-демократ Аалтонен от имени своей партийной депутатской группы потребовал на заседании комиссии риксдага по внешним делам немедленно начать переговоры. Таннер и Хакзелль были того же мнения. Маннергейм тоже разделял эту точку зрения. Хакзелль мотивировал свои поспешные действия тем, что русские могут начать бомбардировки Хельсинки, чтобы ускорить развязку, как они уже сделали зимой. В народе начнется паника, которая приведет к образованию нового, чересчур уступчивого правительства. Маннергейм отдал приказ немедленно связаться с госпожой Коллонтай с просьбой срочно начать мирные переговоры. Просьба должна быть изложена в письменном виде — таково требование Советского Союза. После чего Маннергейм назвал — или, вернее, определил — состав делегации, которая будет вести переговоры. Он наконец-то принял решение. Маршал спешил. Послал в Москву военных, в отличие от переговоров в связи с Зимней войной, на которых не было ни одного военного. Теперь же Маннергейм как глава государства, ответственный за заключение мира, хотел показать, что крепко держит в руках все нити. Определив состав делегации, присутствующие повеселели. Маннергейм настоял, чтобы все попробовали его виски и крепких гаванских сигар. Никто не протестовал. Только Хакзелль и Вальден выразили опасение, что сигары плохо отразятся на их здоровье — оба были в плохом состоянии. После полуночи господа под звездным небом разъехались по домам.

В начале сентября Маннергейм написал длинное вежливое письмо Гитлеру, в котором мотивировал сделанный Финляндией решающий шаг и просил Германию понять необходимость такого шага. Великий немецкий народ нельзя уничтожить, а маленький финский народ ничего не стоит стереть с лица земли. Даже в подобной ситуации Маннергейм хотел остаться и оставался джентльменом. Все должно быть сделано корректно.

Маннергейм тогда наверняка еще не знал, что Гитлер в Европе уничтожил народ, по численности вдвое превосходивший финский, — еврейский. Когда маршал писал, что возможно физически уничтожить весь финский народ, он употреблял обороты, отражавшие его собственные страхи. Гитлер же прекрасно знал, что подобный геноцид вполне возможен. Он вычитал в письме другое содержание, нежели то, что вложил в него Маннергейм. Может быть, Гитлер даже вздрогнул, решив, что Маннергейму известно о преступлении Германии против европейских евреев.

Когда Финляндия заключила перемирие, Гитлер сказал, что Маннергейм, этот "великий князь мира", человек слабый, не способный держать судьбу народа в своих руках, сплотить его. Маннергейм — хороший солдат, но плохой политик. Скоро ему придется расплачиваться за собственные слабости — большевики его расстреляют.

Маннергейм действительно боялся, что большевики его расстреляют. Боялся вот уже тридцать лет и будет бояться вплоть до весны 1946 года. Гитлер назвал его вежливость слабостью. Реакция Гитлера была довольно вялой и предсказуемой. В ней не чувствовалось ни озлобления, ни желания мести. Гитлер не ответил на письмо Маннергейма.

Последняя неделя августа 1944 года стала кульминацией правления Маннергейма. Это была неделя мгновенных действий. Даже читая о них, невольно начинаешь задыхаться. После трехнедельного молчания и выжидания Маннергейм 24 августа принимает решение. На следующий день Министерство иностранных дел Финляндии посылает послу Советского Союза в Стокгольме госпоже Коллонтай просьбу начать мирные переговоры в Москве. Условия переговоров прибыли из Москвы 29 августа. На следующий день они были в принципе одобрены консультативной комиссией президента. 1 сентября Маннергейм отправляет Сталину телеграмму с предложением о прекращении боевых действий. 2 сентября риксдаг на закрытом заседании одобряет действия правительства. Сразу же после заседания премьер-министр по радио оповещает страну о принятом решении. В этот же день генералу Эрфурту поручается передать письмо Маннергейма Гитлеру. Вечером 3 сентября Грипенберг в Стокгольме получает сообщение о согласии Советского Союза с предложением Маннергейма о прекращении огня. Дальше события развиваются уже не день за днем, а час за часом. Ближе к утру Маннергейм принимает условия перемирия, предложенные Советским Союзом. Радио и газетам поручается как можно скорее известить всех, что Финляндия прерывает отношения с Германией и требует вывода немецких войск из страны до 15 сентября. Тем же ранним утром армейские подразделения поставлены в известность о том, что буквально через час, то есть в 8.00, прекращаются все боевые действия.

Когда возникла кризисная ситуация, Маннергейм прибег к старому испытанному способу ее разрешения. В течение жизни ситуации обычно

повторяются. Генералу Сииласвуо было приказано осуществить тот же маневр, что принес ему победу в начале Зимней войны. Генерал провел операцию с шумом и грохотом, с беззастенчивой дерзостью — высадился в тылу у немцев, не имея ни малейшей возможности защитить свои корабельные конвои. Опыт Зимней войны успешно повторился. Армия снова сражалась, противник был частично окружен и вынужден отступить.

Маннергейм находился между двух огней, выполняя две задачи — военного руководителя и президента. Неудивительно, что он нередко бывал раздражен. Экзема и другие физические недуги тоже в немалой степени способствовали его дурному расположению духа. Когда Сииласвуо докладывал ему о возможности высадки в Кеми, осуществленной потом еще дальше, в Торнео, заверив, что там можно высаживать по полку в день, Маннергейм резко его оборвал: "Вы мне об этом говорили уже двадцать раз. Неужели я должен выслушивать это в двадцать первый?"

У Маннергейма был высокий звонкий голос, говорил он немного в нос и умел различными оттенками голоса выразить множество чувств — от серьезности и душевного волнения до иронии. Он владел искусством обыденными словами говорить гадости.

Маршал не любил — или делал вид, что не любит, — всяческих церемоний, например, когда предлагал кому-нибудь выпить или закурить. Он никогда не повторял предложения, если его гость отказывался, то оставался ни с чем. Это учило людей действовать уверенно и быстро, экономило время, силы и нервы. Маннергейм ненавидел, когда при нем повторяли уже сказанное.

Маннергейм ни в коем случае не хотел допускать к власти мирную оппозицию, даже частично. Это обстоятельство и определило выбор премьер-министра. На мирные переговоры в Москву он послал группу военных во главе с премьер-министром Хакзеллем. Мирная оппозиция развернула кампанию с целью назначения на пост премьер-министра Вальдена. К тому же призывали русские, которые делали ставку на Маннергейма. На данном этапе он был их человек и уже давно, пусть этот этап потом и миновал. А Вальден — правая рука Маннергейма, это знали все. Правительство Вальдена было бы правительством президента. Вальден, однако, отклонил предложение, сославшись на слабое здоровье. Маннергейм предложил сформировать правительство Хаккиле, социал-демократу и спикеру риксдага. Тот отказался. Маннергейм занервничал, потом по-настоящему разгневался. Вопрос о формировании правительства казался неразрешимым. Все попытки, предпринимавшиеся с конца июня и весь июль, окончились ничем. В армии подобная ситуация была бы просто невозможна. Там человека приказом назначали на определенный пост, и ему оставалось только подчиниться приказу. После отказа Хаккилы Маннергейм позвонил Таннеру и заявил, что не может взять на себя функции президента, поскольку не видит никакой поддержки и помощи.

На следующий день после выборов Маннергейма президентом, точнее 5 августа 1944 года, К. А. Фагерхольм передал ему меморандум, в котором говорилось, что надо действовать исключительно быстро, чтобы не дать коммунистам вмешаться в игру. На пост премьер-министра предлагалась кандидатура Антти Хакзелля. Находясь в безвыходном положении, а также по ряду других причин Маннергейм согласился. Хакзелль принял предложение. Таким образом, мирная оппозиция не получила — хотя бы в качестве жеста доброй воли — ни единого поста в правительстве. Фагерхольм отказался войти в него в одиночестве.

Правительство Хакзелля было сформировано 8 августа 1944 года. На следующий день Маннергейм пребывал в лучезарном настроении, радуясь, как дитя, что наконец-то удалось развязать этот узел. Накануне вечером он успел отпраздновать это событие в Хертонесе.

На смену правительству Хакзелля пришло правительство Кастрена. Паасикиви посчитал, что с ним обошлись хуже прежнего. Маннергейм им явно пренебрегал, как пренебрегал и Кекконеном. 4 октября к Маннергейму явились два министра с предложением о смене кабинета. Они принесли заранее составленный список членов будущего правительства, возглавить которое должен был Кекконен. Эти министры хоть и являлись членами правительства Кастрена, заявили тем не менее, что кабинет совершенно недееспособен. Необходимо сформировать радикальное правительство, которое смогло бы начать значительные преобразования. Маннергейм на уговоры не поддался. Несмотря на то что шесть министров действующего правительства заявили о выходе из состава кабинета, если он не изменит стиля своей работы, Маннергейм и премьер-министр не хотели смены правительства. Они сделали попытку расширить его состав, то есть внутренними перестановками и введением новых членов частично удовлетворить критиков. Предложение об увеличении состава правительства и принятии соответствующего закона было вынесено на заседание риксдага. Премьер-министр попросил Паасикиви принять пост министра без портфеля. Паасикиви совсем было уж согласился, но тут Кекконен передал ему мнение русских из Контрольной комиссии, что следует воздержаться. Правительство необходимо сменить целиком. Услышав это, Паасикиви ответил отказом на просьбу премьера.

7 ноября вышли в отставку самые, наверное, важные министры, несмотря на протесты других членов кабинета. Социал-демократическая фракция риксдага назвала Паасикиви своим кандидатом на пост премьер-министра. Правительство подало в отставку, и все парламентские фракции поддержали кандидатуру Паасикиви. Маннергейм считал его неподходящим человеком для этого поста, но вынужден был уступить, поскольку его выбрал риксдаг. Маннергейм проводил жесткую линию. До сих пор он верил, что способен противостоять радикализму, способен

бороться с политикой Паасикиви и Кекконена, нацеленной на сближение с восточным соседом; он думал, что может совладать с коммунистами и полностью оградить руководство страны от их присутствия. Линия Маннергейма, его линия обороны, была прорвана 10 ноября 1944 года. После этого он не имел ни малейшей возможности заткнуть брешь, не говоря уж о том, чтобы перейти в наступление. Единственно, что ему оставалось, так это попытаться применить тактику проволочек или объединиться с теми, кто поддерживал Паасикиви. Только при назначении чиновников он еще мог сопротивляться.

Паасикиви разделял убеждение Маннергейма, что коммунисты пока еще не имеют права сидеть в правительстве. Это право они получают лишь после выборов в риксдаг, когда станет ясно, какой поддержкой они обладают в народе. За время существования республики коммунистам ни разу не удалось выставить своих кандидатов на выборах в государственные и местные органы власти. Все это Паасикиви изложил Маннергейму утром 11 ноября. Во второй половине того же дня он предложил ввести в состав правительства одного коммуниста. В промежутке между этими двумя предложениями Паасикиви успел переговорить с одним человеком, который сказал, что, по мнению русских и финских коммунистов, коммунисты должны быть представлены в правительстве. Тот же человек утверждал, что коммунисты собираются по этому поводу устроить демонстрацию.

Маннергейм и слышать не хотел ни о каких коммунистах в правительстве. Паасикиви привел все услышанные им доводы, добавив и свои собственные, поскольку был твердо намерен сломить сопротивление Маннергейма. Президент почувствовал, что загнан в угол. Помощи ждать было неоткуда. Шаг за шагом он отступал, пока не достиг момента, когда возможности для отступления исчерпали себя и надо было сдаваться. Он боролся до последнего, в буквальном смысле. Когда стало очевидно, что придется вводить в правительство хотя бы одного коммуниста — минимальное представительство этой партии, Паасикиви посчитал самой подходящей кандидатурой Урьё Лейно. 1948 год показал, что со своей точки зрения Паасикиви был совершенно прав. По мнению Маннергейма, о Лейно не могло быть и речи, поскольку он был зятем Отто Куусинена, одного из коммунистических боссов в Москве. Очевидно, Паасикиви пришлось, чтобы окончательно добить Маннергейма, с одной стороны, всячески расписать заслуги Лейно, а с другой — напугать его перспективой того, что произойдет, если министром станет не Лейно, а кто-то другой. Паасикиви выбил из-под ног Маннергейма последнюю опору. Президенту во время этого продолжительного поединка не удалось выиграть ни единого раунда.

К Кекконену Маннергейм относился резко отрицательно. Кекконен был одним из тех, кто внезапно перекрасился, одним из тех, кто в послед-

нюю минуту вскочил на поезд, идущий на восток, и кого, похоже, не подерживала даже его собственная партия — Аграрный союз. Однако Паасикиви твердо и безусловно держал сторону Кекконена. По его мнению, тот был незаменим. Кекконен вращался в широких кругах, которых Паасикиви не знал и знать не хотел: Кекконен общался с членами Контрольной комиссии и с коммунистами, он рассказывал об образе мыслей этих людей, об их планах, рассуждал, насколько прочным и надежным будет сотрудничество с ними, если таковое окажется необходимым и полезным.

Президент назначает главу правительства. По мнению Маннергейма, риксдаг, благодаря тому, что его фракции, то есть партии, выдвинули Паасикиви кандидатом на пост премьер-министра, совершил своего рода государственный переворот. Что там ни говори, а за президентом не стояло ни одной партии, на которую он мог бы опереться. Сложилась ситуация, почти в точности повторявшая ту, что была летом 1919 года. Единственное, что оставалось Маннергейму, — формально распределить обязанности. Как-то он шутовски, но с долей иронии сказал, что в одной газете прочитал — оказывается, риксдаг взялся за перестановки в правительстве и выдвинул своего кандидата на пост премьер-министра, чтобы тем самым продемонстрировать свое желание облегчить тяжкий труд президента.

По мнению англичан, как Маннергейм трижды говорил Паасикиви, правительство Финляндии не должно соскользнуть на слишком левые позиции. Что же касается отношений с русскими, тот тут маршал прямо заявил премьеру, что финляндцам надо сидеть в седле и в случае конфликтов продемонстрировать свою волю к борьбе. Паасикиви считал такие идеи опасными. Маннергейм же при любом удобном случае повторял требование строить отношение финляндцев с русскими именно на такой основе.

В день независимости 6 декабря 1944 года, когда Паасикиви держал в Выставочном центре грандиозную речь о новом типе добрососедства, Маннергейм со своим адъютантом принял участие в торжественном поминовении двадцати трех погибших на войне финских евреев, состоявшемся в синагоге Хельсинки. Еврейская община хотела выразить Маннергейму и финскому государству свою благодарность. Гиммлеровской машине уничтожения не удалось добраться до евреев в Финляндии. Маннергейм наверняка сознавал значение того, что в этом отношении Финляндия осталась незапятнанной. Маршал не слишком разбирался ни в обычаях различных религий, ни в их внутренней сущности. Предполагая, что при входе в синагогу надо снимать обувь, он приказал адъютанту надеть чистые носки.

Когда русские в начале января 1945 года потребовали от Финляндии убрать из своих береговых укреплений все орудия больше 12 дюймов,

Маннергейм возмутился. Этот приказ означал вмешательство в организационные вопросы финляндской армии, которое шло вразрез с договором о перемирии. Тем не менее президент написал очень сдержанное и разумное письмо Жданову, прося того еще раз рассмотреть этот вопрос.

Паасикиви тяжело переживал то обстоятельство, что Маннергейм ни единым своим высказыванием не поддерживал проводимую им внешнюю политику. Хотя вопросы внешней политики и составляли важнейшую обязанность президента, занимался ими исключительно Паасикиви. С точки зрения премьера, положение было ненормальное. Паасикиви направил Маннергейму письмо с предложением сменить депутатов риксдага — требование, которое поддерживалось и англосаксами. Ведущие деятели военных времен должны отойти в сторону. Паасикиви без обиняков обращался к Маннергейму с просьбой воздействовать на этих людей, убедить их отойти в сторону и не выставлять свои кандидатуры на выборах в риксдаг. Маннергейм не выполнил просьбу Паасикиви. Тогда тот сам обратился к упомянутым лицам и послал Эуро А. Вуори поговорить с Маннергеймом. Президент в ответ лишь сказал, что согласен с предпринятыми Паасикиви мерами, и все. Как глава государства, он не мог открыто поддерживать Паасикиви.

Возможно, Маннергейм не хотел как президент заниматься этой сложной и важной задачей, чтобы тем самым обеспечить себе большее пространство и большую свободу действий, таким образом спустив вопросы отношений Финляндии и Советского Союза на более низкий уровень — уровень премьер-министра и правительства. Не исключено, что именно это он держал в уме, говоря о необходимости сидеть в седле перед лицом русских. Он желал сидеть верхом даже с риском, что все остальные будут пешими. Скорее всего, Маннергейму не хотелось, чтобы президент Финляндии был связан по рукам и ногам безальтернативной политикой по отношению к России. В будущем, когда отношения между великими державами претерпят значительные изменения, подобная дальновидность облегчит приспособление Финляндии к новой ситуации. И тогда в ее распоряжении будет ничем не скомпрометировавший себя руководитель на самой вершине иерархической лестницы, представитель другой линии, а именно сам Маннергейм.

Маннергейм один за другим сдавал свои оборонительные рубежи. Спорные вопросы мельчали на глазах.

Маршал страшно боялся быть втянутым в процесс над военными преступниками. Русские такого требования не выдвигали, даже не упоминали подобной возможности. Когда Маннергейм в начале 1946 года вернулся в Финляндию после лечения и был помещен в больницу Красного Креста, его немедленно навещил Савоненков, у которого было лишь одно дело — передать маршалу, что Советский Союз не будет требовать

процесса. Годом позднее стали известны слова Сталина, сказанные финской делегации, о том, что Финляндия многим обязана своему старшему маршалу. Это его заслуга, что страна не была оккупирована. Сталин повторил то же самое и в 1948 году.

Стало быть, это Паасикиви своими опасениями за безопасность Маннергейма поддерживал в нем эти страхи? Имел ли Кекконен те же намерения, когда столь умело сформулировал вопросы для допроса Маннергейма, что его можно было бы оправдать только по этому протоколу допроса? Но русские вообще не хотели привлекать Маннергейма к ответственности! Может быть, Паасикиви и Кекконену было трудно переварить тот факт, что Советский Союз расценивал Маннергейма как ключевую фигуру, как самую надежную гарантию стабилизации отношений между двумя странами, восстановления порядка в Финляндии, лояльности армии и военных действий в Лапландии? Собирались ли они запугать Маннергейма? В конце своей карьеры он действительно подвергся невыносимому давлению, его буквально травили, не только утром и вечером, но и днем. Паасикиви говорил, что ему, очевидно, придется собственноручно спихнуть Маннергейма со стула, поскольку у того не хватает ума уйти самому. Однако Маннергейм сидел с мандатом Советского Союза, мандатом, который русские не просили обратно. В этом смысле его положение было ясным и прочным. Советский Союз хотел лишь поменять правительство; о президенте с их стороны никогда ничего не говорилось.

По отношению к русским Маннергейм вел себя исключительно корректно и требовал того же от других. Корректное поведение всегда производит хорошее впечатление на русских.

Экудден, где жил Маннергейм, был местом, отмеченным мужским, военным духом. Когда туда впервые прибыл Жданов, хозяева совершенно растерялись и просто-таки пришли в ужас. Подкатили открытые грузовики с солдатами, вооруженными автоматами, которые тут же рассыпались по окрестностям. Адьютанты начали судорожно хвататься за пустую кобуру. Они решили, что совершается государственный переворот и сейчас захватят дом. Однако всего через несколько минут из комнаты, где хозяин уединился со своим гостем, послышались довольный смех и цивилизованный разговор. Жданов принадлежал к культурному классу. При расставании возникла неловкая ситуация. Будучи аристократом и главой государства, Маннергейм, конечно, и помыслить себе не мог подать Жданову шинель. Адьютанты, находившиеся на верхнем этаже, не слышали призывов Маннергейма. Во второй раз за день они пришли в полное замешательство, увидев разгневанного Маннергейма, который явился за теми, кому вменялась в обязанность упомянутая задача.

Маннергейм весьма сердился на министров, позволявших себе пьянствовать с русскими. Финляндцы обязаны сохранять свое достоинство. Па-

асикиви же был другого мнения. Он очень благосклонно относился к тому, что Кекконен может до утра пить с послом Советского Союза. Водка открывает души и развязывает языки.

Осенью 1944 года стресс усилился. Экзема распространилась с рук на голову и затылок, а в начале зимы перешла и на лицо. Маннергейм даже не подозревал, что причина болезни — нервы. Осенью 1945 года его начали мучить боли в желудке, боялись, что у президента рак. Два его брата и, возможно, сестра Софи умерли от рака. По рекомендации врачей Маннергейм решил поехать на юг, в Прага де Роча в Португалии, где климат такой же, как в Африке.

Паасикиви согласился попросить для него разрешение на выезд. Узнав, что Жданов отнесся к этому отрицательно, Маннергейм аннулировал поездку. На следующий день Жданов сказал, что Маннергейм, естественно, может ехать. Посол Орлов рекомендовал в этой связи Крым с его прекрасными климатическими условиями и пляжами. Маннергейм наверняка мог бы спокойно поехать в Крым и хорошо там отдохнуть. Но психологических условий для такой поездки у него не было. У Паасикиви выдался на редкость неудачный день — он чувствовал себя мальчиком на побегушках, как челнок снующий между Маннергеймом и Ждановым. От достоинства не осталось и следа.

Маннергейм отправился пароходом в Стокгольм в обществе своего лечащего врача со времен войны, профессора Лаури Калайа и адъютанта, полковника Грёнвалля. Из Стокгольма все трое поехали в Париж. Чиновник из Министерства иностранных дел Франции, предоставленный в распоряжение Маннергейма, отметил, что тот сохранил свою выправку и обходительные манеры. По словам француза, маршал вел себя точно так же, как балтийские бароны, обосновавшиеся в свое время при царском дворе. Маннергейм по-прежнему питал ненависть к большевикам и боялся нацистов. Он почему-то испытывал страх перед немцами, хотя те уже были побеждены и выведены из игры. Он утверждал, что Советский Союз оказывает давление на Финляндию, и совершенно беспочвенно обвинял финляндцев в бомбардировке Петербурга — названия "Ленинград" для него просто не существовало.

Западные державы делали все, чтобы отравить жизнь Испании, или, вернее, правительству Франко, которое, согласно самым радикальным критикам, было целиком фашистским. Финляндия под нажимом Жданова закрыла там свое дипломатическое представительство, оставив посольство на простого канцеляриста. Маннергейм намеревался добраться до Португалии через Испанию. На пограничной станции его встретили с демонстративной помпой. Личный вагон-салон Примо де Ривера уже был подготовлен к отправке. Губернатор произнес речь, а герцог Сарагосский занял место машиниста. В Мадриде к Маннергейму в гостиницу явился брат Франко Николас, чтобы передать привет от каудильо. Ман-

нергейм собирался посетить Толедо, но отказался от этого пункта программы и полетел прямо в Лиссабон.

В Испании миф о Маннергейме был широко известен и продолжал жить даже после смерти маршала. Он первый сумел остановить распространение коммунизма и в этом смысле являлся предшественником и собратом Франко, ибо пропаганда и историческая наука эпохи Франко называла республиканцев, противников по гражданской войне, коммунистами. Искуситель атаковал Маннергейма еще в Париже, и в какой-то степени маршал своими высказываниями пошел ему навстречу. В Испании искуситель опутал его славой и почестями. Фашистские символы попадались путешественнику на каждом шагу. Несмотря ни на что, вульгарности в них не было. Испанцы обладают способностью вести себя подобающим образом. Но, как бы там ни было, Маннергейм успешно использовал тактику противостояния, а она требовала от него четкой и решительной позиции. Как известно, подобные решения маршал не любил и давались они ему с трудом. Он отклонил встречу с Франко под предлогом того, что это может испортить отношения между Финляндией и Советским Союзом, хотя по протоколу подобная встреча глав двух государств была желательна и вполне легитимна.

В Португалии Маннергейм провел шесть недель. Диктатор Салазар предоставил в его распоряжение свой личный автомобиль. Маннергейм находился на Пиренейском полуострове, и в тот момент в обоих государствах, расположенных там, его ценили выше, чем где бы то ни было, и блеск его щита и меча не замутняли пятна критики и недоверия. Маршалу наверняка импонировало оказываемое ему внимание, поскольку исходило оно с самой вершины власти.

Шведское Министерство иностранных дел взялось переправлять Маннергейму его почту в Португалию, но за все время пребывания в этой стране он не получил ни одного письма. Швеция не сумела организовать надежного пути переправки официальной почты, дипломатическую почту посылали со случайными путешественниками, поэтому и доставлялась она весьма sporadически. Маннергейм страшно страдал из-за полной изоляции от родины. Его одолевали мысли о том, что он уже отстранен от политической жизни Финляндии, отодвинут в сторону, что его, так сказать, положили на полку.

Маннергейм излечился от воспаления легких, подлечил и язву желудка, но уже на обратном пути в поезде между Мадридом и французской границей у него случился рецидив, и в Париже ему пришлось лечь в больницу.

Париж на этот раз произвел на Маннергейма ужасающее впечатление. В городе царил запустение, беспорядок, бедность, он потерял былое очарование и радость. Изысканности и эlegantности как не бывало. Дочь Софи тоже была в жалком состоянии. Она жила в тесной комна-

тушке на первом этаже, загаженной целой сворой кошек, сильно хворала и вела нездоровый, чтобы не сказать безрассудный, образ жизни. Дни проводила в обществе своих подруг-эмигранток в какой-то дыре, поглощая плохое вино. Маннергейм пришел в ужас, он никак не мог понять, почему она не обратилась к нему.

Достать сразу же билет на самолет до Стокгольма оказалось невозможно, и Маннергейму пришлось провести в Париже Рождество. Наконец 29 декабря он вылетел в Стокгольм, где провел два дня, обосновавшись в посольстве Финляндии. Отдохнул, повидался с родственниками и знакомыми. После чего на пароходе доехал до Турку, а оттуда ночным поездом в Хельсинки, куда прибыл 3 января 1946 года.

В Стокгольме Маннергейм нервничал, не зная, стоит ли ему вообще возвращаться в Финляндию. Им владел страх, что там он попадет в западню. Когда в Стокгольме на пароход села большая группа советских офицеров, Маннергейм перепугался не на шутку. По словам одного очевидца, после возвращения в Хельсинки маршал вел себя так, словно нарочно хотел вызвать раздражение у Паасикиви. Кульминацией стал разговор, в ходе которого Маннергейм с невинным видом спросил Паасикиви, не считает ли тот, что ему, Маннергейму, следует подать в отставку.

По приезде маршал немедленно лег в больницу Красного Креста, где пролежал три недели. Его язва чутко реагировала на любые тревожения и напряжения. Личный врач Маннергейма Калайя говорил, что его пациент заболевает при каждом политическом кризисе. Разные недуги волнами накатывали на него начиная с 1943 года. Стоило ему оправиться после одной болезни, как он тут же попадал в тиски другой.

В больнице Маннергейм либо сидел, либо метался как зверь в клетке по своей палате. Так он сам описывает свое пребывание там. Он ел пять раз в день и столько же раз принимал лекарства.

30 января 1946 года Паасикиви доложил правительству, что посетил Маннергейма и прямо спросил, что тот намерен делать. Маннергейм не дал однозначного ответа. Тогда Паасикиви пригрозил, что уйдет с поста премьер-министра. На это Маннергейм сказал, что не желает обсуждать свое положение, возможную отставку или продолжение работы, пока в прессе идет направленная против него кампания. Пост президента настолько престижен, что человек, которому этот пост доверили, не может уйти под давлением извне.

Паасикиви, по слухам, совершенно погибал под грузом работы, поскольку был вынужден выполнять не только свои собственные обязанности премьер-министра, но и президентские. Он был настолько переутомлен, что окружающие боялись за его жизнь. Интересы государства и народа требовали беречь силы Паасикиви. Выход был один — предоставить ему возможность насладиться легкой, беспроблемной жизнью в качестве президента. Врач Маннергейма Калайя, обеспокоенный со-

стоянием своего пациента, настаивал на его отставке. Операция по поводу язвы желудка сильно затруднялась ее местоположением.

Тот, кто услышал бы все эти разговоры, наверняка бы решил, что речь идет о двух стариках, стоящих на краю могилы. Несмотря на это, Паасикиви сумел вполне благополучно провести еще десять лет на посту президента, а в общей сложности после всех этих разговоров прожил почти одиннадцать. Маннергейму оставалось жить пять лет. Он путешествовал по Финляндии и другим странам, обрел прочную связь с женщиной и написал свою автобиографию в двух частях.

Генерал Оскар Энкель по просьбе своего брата Карла Энкеля тоже посетил Маннергейма, чтобы уговорить его подать в отставку. Маннергейм написал прошение, но не отослал его. Из-за чего Карл Энкель решил, что Маннергейм боится. Боится, что его привлекут к ответственности, обвинив в развязывании войны в 1941 году. Боится, что это случится сразу после того, как он лишится той защиты, которую ему дает президентский пост.

Положение в стране после войны, закончившейся поражением, сложилось тяжелое, и этим двум старым людям, Маннергейму и Паасикиви, выпали на долю тяжелые испытания. Много раз они готовы были сдать себя и тогда начинали с легкостью обвинять друга друга во всех смертных грехах, обращая внимание именно на те недостатки друг друга, от которых страдали сами. Одно несомненно — они узнавали друг в друге самих себя.

Вскоре Маннергейм пошел на поправку. В феврале 1946 года он уже не чувствовал болей, когда сидел, но по-прежнему мучился головокружениями. Но даже в больнице он продолжал тщательно следить за своей внешностью, волосы были аккуратно причесаны, борода подстрижена. Он похудел, благодаря чему приобрел утонченный и одухотворенный вид.

Маннергейм производил впечатление очень одинокого человека. Грипенбергу он прямо признался, что у него нет никого, с кем бы он мог общаться. Паасикиви был ненадежен.

Когда русские потребовали ужесточить приговоры военным преступникам, Паасикиви вспылал. Он кричал, что Маннергейм не оказывает ему никакой помощи. У него на уме только одно — народная любовь к нему, Маннергейму. А чтобы рот открыть да поддержать — куда там. Он не делает просто-напросто ничего, даже в отставку не уходит.

Приговоры военным преступникам были оглашены 21 февраля 1946 года. Маннергейм на один день вернулся к исполнению своих обязанностей, желая повлиять на судьбу нескольких десятков офицеров, которым приказали уволиться из армии. Маннергейм хотел, чтобы им вместо нескольких дней дали на обдумывание ситуации несколько недель. Вот как сузились его полномочия, вот насколько мелкими стали его обязан-

ности. То, что его последнее распоряжение в качестве президента касалось армии, было очень уместно, так как именно армия шестьдесят лет была для него и домом, и местом работы. В тот же день Маннергейм подписал свое прошение об отставке, о чем сообщил Паасикиви по телефону. Назавтра прошение было через адъютанта передано премьер-министру. Правительство признало за Маннергеймом право на адъютанта и на пользование армейским автомобилем.

В августе 1945 года Маннергейм купил усадьбу "Геркнес горд" в коммуне Лойо. Сначала он, правда, собирался приобрести недвижимость в Хельсинки, но ничего подходящего не нашел. Передача в собственность виллы в Брюннспарке, которую риксдаг с такой помпой преподнес ему в подарок на семидесятипятилетие 4 июня 1942 года, была не оформлена должным образом, и даже потом это сделать не удалось. Риксдаг действовал поразительно поспешно, своевольно и бестактно, из-за чего владелец виллы попал в странное положение, точно его хотели поставить перед свершившимся фактом и таким образом оказать давление. Владелец глубоко оскорбился и на все попытки риксдага поговорить о деле отвечал отказом.

В качестве компенсации за потерю виллы в Брюннспарке риксдаг подарил Маннергейму 12 миллионов марок, которых как раз хватило на покупку усадьбы.

На письменном столе маршала начали появляться справочники по сельскому хозяйству. Он внимательно их изучал. И решил заняться выращиванием яблок. После чего раз в неделю выезжал на автомобиле в самые известные яблоневые сады Финляндии, чтобы ознакомиться с постановкой дела.

Усадьба Геркнес, расположенная в часе езды на машине от Хельсинки, занимала в общей сложности 2300 гектаров земли, из которых лишь 100 было возделанной.

Маннергейм все еще пользовался виллой в Брюннспарке. Когда он уезжал на машине в Геркнес или обратно, за ним, как правило, следовал автобус с прислугой, в том числе поварами. Багажник его автомобиля, часто без ведома маршала, зачастую набивали всякой всячиной, особенно продуктами, порой даже туда клали целого тельца. Однажды шофер, не зная, что в багажнике лежит тельенок, уехал в гараж, куда немедленно позвонили перепуганные поварахи. Шофер тут же вновь сел в машину и помчался в Брюннспарк. В это время в гараж позвонил Маннергейм и сказал, что ему нужна машина. Ему ответили, что шофер повез тельца. Шофер, передав тушу домоправительницам, поспешил за Маннергеймом, который тем временем отправился пешком. Когда он догнал маршала, тот сказал: "Простите, что помешал, у вас, наверное, было более приятное общество". Дело в том, что даже человек, у которого финский родной язык, в данном случае не смог бы понять, о чем идет речь, если бы

не знал о теленке в багажнике, — ведь слово "теленки" могло означать что угодно — полицейского шпика или молоденькую девушку.

Маршал очень гордился своим парком и теплицами. Как-то раз горный советник Рафаэль фон Френкель слишком уж, по мнению Маннергейма, расхвастался своими урожаями помидоров. И Маннергейм с серьезным видом заявил, что в его теплицах каждый куст приносит по двадцать килограммов, потребовав от своего онемевшего от изумления садовника подтвердить его слова. Позднее маршал объяснил адъютанту, что он, мол, был просто вынужден приврать, поскольку тот, другой, назвал совершенно фантастические цифры.

Летом 1947 года Маннергейма в Геркнесе навестили обе его дочери. К тому времени усадьбу и большой дом успели привести в порядок и там можно было вновь принимать гостей.

Летом 1948 года Софи потребовала от отца разрешить ей приехать в Геркнес, чтобы ухаживать за ним, вернее, она обещала приехать сама и привезти с собой сиделку. Маннергейм в ответ написал, что не может принять ни дочь, ни сиделку, так как сиделка ему не требуется, а Софи вряд ли придется по вкусу жизнь в Геркнесе.

Из прежних приятелей Маннергейма по охоте в живых осталось только трое — Свен Фацер, Петтер Форсстрём, отсидевший срок за контрабанду оружием, и Хенри Хаккман. Из еще живущих политиков лишь Хенрик Рамсей мог считаться другом маршала. Рамсею тоже пришлось пройти через тюрьму как военному преступнику.

В последние годы жизни Маннергейм неожиданно увлекся идеей отправиться на охоту в Лапландию. Ему уже исполнилось восемьдесят, но он никогда не участвовал в охоте на волков, хотя, живя в России, неоднократно планировал сделать это и однажды даже был включен в компанию, собиравшуюся на такую охоту. Но в последний момент всегда возникали какие-то препятствия. Теперь в газетах написали, что на севере Финляндии замечены волки. Их пытались уничтожить с воздуха, на земле против них применяли автоматы, но безрезультатно. Маннергейм пригласил к себе профессионального охотника на волков Оскари Перо, которому стукнуло 85 лет и отец которого тоже был охотником на волков. Оскари в возрасте 16 лет послали учиться этому делу у царских охотников. А в 1920-х годах его призвали убить одинокого волка в другом конце Финляндии.

Маннергейм сторал от любопытства. Он хотел, чтобы Перо открыл ему свои профессиональные секреты. Но в ответ услышал, что даже русские охотники не открыли ему своих тайн, поскольку подобная неосторожность лишила бы болтуна охотничьего счастья на целых десять лет. Тем не менее Перо поделился с маршалом своими секретами. Поскольку Маннергейм никогда не охотился на волков, Перо начал рассказ с охоты на рысей. Рыси и волки ведут себя одинаково. Когда им удастся зарезать

какого-нибудь зверя, они нажираются досыта и через час-другой устраиваются у подножья скалы, в безветренном месте, чтобы их запах не разносился слишком далеко. Задача охотника, стало быть, — как можно быстрее найти остатки волчьей добычи, после чего отыскать место, где волк (или рысь) обычно лежит довольно долго, переваривая тяжелую пищу. Только так можно добраться до этих хищников.

Маннергейм попросил Перо разработать план грандиозной охоты на волков. Охота начнется в Лапландии с использованием старых, испытанных методов. Оба старика, перевалившие за восемьдесят, были убеждены, что волки бесчинствуют в стране лишь по одной причине — забыты старые знания и навыки. Сотни мужчин бегают на лыжах из льяна в лян и не могут подстрелить ни единого зверя. От этого позорного обстоятельства кровь вскипела в жилах двух старых охотников, которые были уже не в состоянии ни на лыжах, ни пешком взобраться на крутые скалистые склоны.

Пожалуй, впервые Лапландия оказывала столь сильное притягательное действие на Маннергейма. Он верил, что еще способен приобрести новый опыт в жизни, покорить новый континент — Лапландию. Увы, поездка на охоту состоялась лишь в его фантазии. Под руководством последнего в стране профессионального охотника на волков он наверняка даже и из этого путешествия извлек все возможное.

Паасикиви записал в дневнике 7 августа 1945 года, что Маннергейм, по его собственным словам, едет в Лапландию. В стране уже давно обсуждался вопрос, какой надо учредить суд, чтобы вынести приговоры военным преступникам. Поскольку судопроизводство в этом случае не было основано на законах Финляндии, то и суд не мог быть обычным. По мнению Маннергейма, в любых случаях — и в этом тоже — следует попытаться затянуть рассмотрение дела, чтобы выиграть время. Развитие событий вполне может принять такой оборот, что дела эти потеряют свою значимость. С этой точки зрения лапландская поездка, возможно, была попыткой затянуть судебное разбирательство. А чтобы затяжка принесла какую-то пользу, она должна растянуться во времени. Наилучший выход — исчезнуть на неопределенный срок в медвежьей глуши Лапландии. На заграничное путешествие Маннергейм, очевидно, пока не решался, хотя позднее разговоры об этом начал, но с большой долей сомнения в голосе.

Оставив президентский пост, Маннергейм сумел наладить более близкие отношения с Паасикиви и Карлом Энкелем. В данном случае он оказался незлопамятным. Когда обстановка разрядилась, он перестал вспоминать о вызванных ею конфликтах.

Маннергейм переписывался, по крайней мере, с двумя весьма знатными дамами. Одна была Андреа фон Ноттбекк, финляндка, попавшая после замужества в Швейцарию, другая — графиня Гертруд Арко ауф Вал-

лей, элегантная художавая дама, ростом почти с Маннергейма, подруга дочери Маннергейма Софи. Маннергейм обычно бывал в ее обществе на Ривьере и в Швейцарии, а графиня приезжала погостить к нему в Геркнес. Она в любых ситуациях проявляла хороший вкус — главное требование, которое Маннергейм предъявлял женщинам. Кроме того, графиня отличалась живым и энергичным характером, интересовалась буквально всем и обладала великолепной наблюдательностью. Это последнее качество было одной из самых сильных сторон и самого маршала.

В Швейцарии

В конце ноября 1947 года у Маннергейма вновь открылась язва желудка, и его положили в больницу Красного Креста в Хельсинки. Язва кровоточила. Несмотря на проведенное переливание крови, состояние больного не улучшалось, поэтому пришлось делать операцию. Еще раньше Маннергейм высказал пожелание, чтобы оперировали его в Каролинской больнице Стокгольма. Врач и адъютант взялись организовать поездку. В это время проходила забастовка служащих. Путешествие на пароходе заняло бы слишком много времени. Самолеты из-за забастовки не летали. Пришлось обратиться к армейской транспортной авиации. 2 декабря в сильный шторм самолет приземлился в Хельсинки. Пока самолет чистили ото льда, экипаж отдыхал. Поскольку состояние пациента непрерывно ухудшалось, решили лететь в тот же день, несмотря на практически нелетную погоду — густой туман и изморось. Самолет стоял на пустом по причине забастовки аэродроме. Туда пациента и повезли в "скорой помощи". Но до места не доехали, потому что машина сломалась. Маршал, хотя и был очень слаб из-за потери крови, рассердился. С трудом раздобыли другую машину. На аэродроме был такой густой туман, что им посоветовали отменить вылет. Пилот тем не менее решил сделать попытку. Взлет прошел успешно. В Хельсинки самолеты не сажали, насчет Стокгольма уверенности не было. Недалеко от Стокгольма в самолете сломалось радио. По последним полученным данным необходимо было сесть в Стокгольме в ближайшие десять минут, в противном случае лететь в Норрчепинг, а если там не примут, в Мальме. К счастью, над Стокгольмом в тучах образовался разрыв. И когда наконец Маннергейма в "скорой" уже везли в город, весь мир словно исчез в молочно-белом тумане.

В Каролинской больнице маршала оперировал профессор Хельстрём. В той же больнице работала профессор Нанна Шварц. Она рекомендовала Маннергейму пожить в маленькой деревушке Глион сюр Террите, расположенной на склоне горы на берегу Женевского озера над городом Монтрё недалеко от Лозанны, во франкоязычной части Швейцарии. Там

есть маленький, безупречно чистый отель "Валь-Мон", окруженный великолепным парком, и оттуда открывается великолепный вид на озеро. Деревушка находится в краях, где потерявшие корону монархи ездят на автобусе и чувствуют себя счастливыми, писала "Журналь де Женев".

"Валь-Мон" представлял собой санаторий. Это старинное четырехэтажное здание с балконами из темного дерева. Сразу за отелем вздымается крутой горный склон, так что можно прямо с дороги попасть на третий этаж.

Спальня маршала располагалась на втором этаже. Окно и застекленные двери выходили на юг. Двери распахивались на широкий балкон, тянувшийся вдоль всего фасада. Когда Маннергейм начал работать над своей автобиографией, ему сняли палату на третьем этаже в качестве кабинета. Архив он хранил в просторном гардеробе, а письменные принадлежности в платяном шкафу.

Маннергейм взял в привычку совершать прогулки по ровной асфальтовой дороге к протестантской церкви в Глионе. Оттуда он шел обратно в отель. Если его застигал дождь, он пережидал его в церковном притворе, ни на минуту не прекращая хождения, — длина притвора составляла 40 м.

Старомодность отеля вызывала различные осложнения. Сначала персонал испытывал трудности в приготовлении необходимой маршалу диетической пищи. Его желудок был не в порядке. Язва, прооперированная уже дважды, в конце концов оказалась для него роковой.

В Швейцарии к Маннергейму относились с исключительным уважением. Прежде всего он был героем Зимней войны. Швейцарцы отождествляли себя с финляндцами, поскольку оказались в тисках между фашистскими Германией и Италией, с одной стороны, и Францией — с другой. За какие-то услуги отель даже не выставял Маннергейму счета. К этому он успел привыкнуть еще в Финляндии. В период между двумя войнами он обычно обедал в ресторане "Кемп", где его кормили бесплатно. Но внезапно перестал посещать это известное заведение. А произошло следующее: новенькая официантка по дороге на кухню схватила со сковороды, стоявшей на сервировочном столике, баранью отбивную, предназначенную Маннергейму, и на ходу ее съела. Маннергейм встал из-за стола и, с сожалением отметив, что обслуживание в его любимом ресторане стало просто невыносимым, вышел на улицу, никому не сказав "спасибо". Хотя повара и в тот раз сделали все, чтобы ему угодить. В начале обеда Маннергейму было подано яйцо, сварившееся ровно 50 секунд. Повар разбил пятьдесят яиц, прежде чем сумел-таки очистить от скорлупы одно, и это колышущееся чудо маршалу принесли в большой ложке. Лишь в самых роскошных ресторанах Петербурга достигали подобного искусства. Маннергейм был и требовательным хозяином, и требовательным гостем.

После второй обширной операции по поводу язвы желудка Маннергейм в апреле 1948 года уехал в Лугано. Там он совершал ежедневные двухчасовые прогулки. Жизнь была полна ограничений. Утром он выпивал чашку чая, за обедом пиво, а к ужину бокал кьянти. После еды ему разрешалось выпить чашечку кофе-мокко. Так что не во всех жизненных удовольствиях ему было отказано. Кофе он пил с двойной порцией сахара, поскольку потерял былую остроту вкусовых ощущений.

Когда начался период холодных затяжных дождей, Маннергейм перебрался на другую сторону Альп, в Милан, где три вечера подряд провел в знаменитой "Ла Скала". Два вечера он наслаждался своей любимой оперой — "Богемой" Пуччини в обществе графини Гертруд Арко. При их появлении в зале "Ла Скалы" публика встала как один человек — в знак уважения и почета. В Финляндии публика поступала таким же образом после 1918 года. С графиней Арко Маннергейм прожил свои последние два с половиной года.

По дороге домой маршал на десять дней остановился на Ривьере, утравшей в цветах, что доставило ему истинное наслаждение.

Финляндия заключила с Советским Союзом договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. В США подозревали, что в договоре есть секретные параграфы и что СССР строит планы вмешательства во внутренние дела Финляндии и изменения положения этой страны. Помощник госсекретаря США считал, что отъезд Маннергейма в Швейцарию в начале апреля никак не способствовал попыткам Финляндии разрешить свои трудности. Госдепартамент США отправил Р. Хиггса на встречу с Маннергеймом. Хиггс в качестве первого представителя Соединенных Штатов в Финляндии после войны был знаком с маршалом. Хиггс встретился с Маннергеймом в Лугано 20 апреля 1948 года. Он передал ему, что госдепартамент США выражает надежду и пожелания относительно скорейшего возвращения Маннергейма в Финляндию. Его присутствие на родине окажет благоприятное воздействие на умы и внушит народу мужество и веру в будущее. Однако Хиггс собственными глазами убедился, что этим надеждам не суждено сбыться. Маннергейм вышел из игры, его больше уже нельзя было рассматривать как политический фактор. Перед Хиггсом был больной и старый человек, желавший только одного — греться на солнышке в тишине и покое, на что, по его мнению, он заслужил полное право своей долгой службой. Маннергейм попросил, чтобы его имя не упоминалось в американских телеграммах, хотя это было бы для него большой честью. Маршал сказал, что его остереглись посылать телеграммы, особенно кодированные. Он вынужден опасаться шпионов. Говорить с Хиггсом о политике Маннергейм не захотел, но сообщил, что вернется в Финляндию в июне, чтобы принять участие в выборах.

Хиггс тем не менее пришел к выводу, что у американцев есть все основания поддерживать связь с Маннергеймом — пусть он физически нера-

ботоспособен, но его имя и авторитет продолжают оставаться влиятельными политическими факторами. Народ верит ему.

Насчет физической неработоспособности Маннергейма Хиггс ошибся. Маршал уже приступил к осуществлению грандиозной операции — написанию своих мемуаров. Он поставил перед собой важную задачу и предъявлял строгие формальные требования к этой работе.

Встреча с Хиггсом ясно дала понять, что Маннергейм в политическом смысле человек абсолютно надежный, твердо действующий в рамках новой восточной политики, начатой Финляндией. Он не дал никаких обязательств западным державам, которые на данном этапе не желали выкладывать все карты на стол, если у них вообще были какие-то карты в руках. Безусловно, госдепартамент США действовал с исключительной осторожностью, никак не желая причинять Финляндии каких-либо осложнений, не желая связывать себя какими-то обещаниями. Поскольку собеседники вели себя столь сдержанно, дискуссии не получились.

Говорить о политике и разглаговольствовать о прошедшей войне было излишне еще и потому, что Маннергейм решил рассказать об этом в книге, где он сможет отточить свои мысли и изложить их в окончательной объективной форме. Болтать — или писать, почему бы и нет? — об этом заранее — значит лишить произведение кислорода и поспешно и неточно привязать мысли к словам, что принесет вред ему самому.

1 июля 1948 года Маннергейм принял участие в выборах. Проведя в Финляндии месяц, он снова уехал в Швейцарию — на этот раз с намерением засесть за мемуары. Эта работа задержала его в Швейцарии на целый год. Жил он в отеле "Валь-Мон".

Планы по созданию книги возникли у Маннергейма еще в 1946 году. Яльмар Ю. Прокопе, бывший многократный министр иностранных дел Финляндии и посол в Соединенных Штатах во время войны, летом 1947 года связался с американским издательством "Даблдай", одним из лучших в стране, но глава издательства книгой не заинтересовался. Маннергейм собирался нанять себе постоянного помощника и машинистку, оплатив их работу и другие необходимые расходы из аванса, полученного от издательства. Он верил в успех своей книги и предугадывал широкий на нее спрос, проявив в этом отношении вполне деловую хватку. Расходы росли как снежный ком. Маршал предусмотрел и это. Он разрабатывал план работы над книгой, точно это была долговременная военная операция, и, собрав вокруг себя первоклассную рабочую группу, приступил к делу, словно перед ним был маленький штаб. В состав группы могли войти лишь лучшие эксперты и писатели.

В постоянные помощники Маннергейм выбрал Аладара Паасонена, который в конце мая 1948 года приехал повидать своего бывшего начальника в Монте-Карло, где Маннергейм, приезжая на Ривьеру, иногда

останавливался. У маршала был уже готов план работы. Его задача — описать всю свою жизнь, с самого начала, а не только освободительную войну и последующее время. Хотя Маннергейму и исполнился восемьдесят один год, когда он приступил к задуманному, он рассчитывал, что успеет рассказать все. Детство и юность он опустил, начав рассказ с того момента, когда он отправился в Россию. Такое решение наверняка связано с внутренними причинами. Маннергейм работал без спешки, систематически, основательно, педантично. Как бы то ни было, но отобранные им помощники приехали в "Валь-Мон" лишь в сентябре 1948 года. Со всех, кто знал о проекте, Маннергейм взял обещание держать язык за зубами. Он хотел сохранить свои занятия в тайне. Помощниками были Хайнрикс и Паасонен. По контракту Хайнрикс должен был остаться в "Валь-Моне" месяц или два. Зато Паасонен продолжал работать вплоть до смерти Маннергейма в 1951 году. Маршалу оставалось два года жизни, и он сумел так четко распланировать работу и отдал ей столько сил, что уложился в отведенное время. Труд был окончен задолго до того, как его состояние стало критическим.

Работу удалось сохранить в тайне. Паасонен даже жил под чужим именем, доктора Барта. Долгое время никто ни о чем не догадывался. Паасонен был настоящим шефом разведки и контршпионажа, профессионалом. Сын финляндского профессора финского языка и венгерки, он получил интернациональное воспитание и образование и владел многими языками. Маннергейм диктовал и писал свою автобиографию по-шведски, но текст одновременно переводился на финский. Тут помощь Паасонена, надо полагать, была неоценимой. Маннергейм, верный своей привычке, проверял и следил за языком даже в переводе. Перевод мемуаров на английский шел параллельно с появлением шведского и финского текстов.

Маннергейм называл Хайнрикса и Паасонена своими коллаборационистами, сотрудниками. Слово это тогда, да и сейчас, имело отрицательный оттенок. Так называли предателей, людей, сотрудничавших с немцами на оккупированной территории.

Маннергейм часто жаловался, что из-за работы плохо спит и мало времени проводит на свежем воздухе. Книга занимала все его мысли. Он считал свой труд чрезвычайно важным, поскольку хотел с его помощью изменить сложившееся в мире неблагоприятное мнение о Финляндии как государстве-сателлите Гитлера, его верном союзнике, хотел убедить всех, что Финляндия лишь боролась за собственные существование и независимость, вела свою, отдельную войну.

А тем временем началась "холодная война". Снова на Западе Советский Союз воспринимался как угроза свободному миру и демократии. В мемуарах Маннергейма четко определена позиция автора по отношению к коммунизму и Советскому Союзу. Он не пытается ни защищать,

ни понять их. Зато в частных письмах дает полную волю чувствам. По поводу осады Берлина в ноябре 1948 года он писал Карлу Энкелю, что его страшно интересуют эта "игра в покер" в Берлине и широкомасштабная битва, в которую малыш Трумэн сумел с такой дерзостью втянуть Америку и Европу, да, собственно, и весь мир. Это произошло в последнюю минуту. Маннергейм надеялся, что не слишком поздно. Если бы народы тридцать лет назад (т.е. в 1918 году) не были бы ублажены необъяснимым чувством безопасности, а сознательно открыли людям глаза на ту опасность, которую с собой несло распространение большевизма, мир сейчас был бы совсем другим.

В своей автобиографии Маннергейм, говоря по правде, выражался еще категоричнее и резче, с той прямолинейностью, которая подспудно дремлет в любом солдате, как бы умело тот ни пытался ее скрывать. Он бил по Востоку прямой наводкой, когда писал:

"Из-за своей уступчивости по отношению к экстремистам и противодействия всем попыткам укрепить государственную власть социалист Керенский эффективно способствовал гибели России, тем более что постепенно в его руках сосредоточились все нити. К этому следует добавить ответственность за ошибки сменявших друг друга правительств, из которых самыми большими была задержка с проведением земельной реформы и выборов в Учредительное собрание. Если бы эти последние мероприятия были осуществлены вовремя, появилась бы перспектива стабилизировать положение, а так происшедшее оказалось лишь на руку большевикам. Как позднее в целом ряде других стран, социалисты в России показали свою неспособность защитить демократию. Путь ленинскому перевороту был расчищен, и его задача оказалась несложной.

В количественном отношении партия большевиков была невелика и в стране имела слабую поддержку. Опираясь она могла только на Москву и Петербург. Поэтому существовала реальная возможность задавить в корне это по своей сути анархическое движение. Новые властители России и не пытались скрывать своего удивления по поводу той легкости, с какой они осуществили переворот и насколько неуверенно сидели в седле. Самым лучшим доказательством этого служит то, что они не осмелились выступить против объявленных правительством Керенского выборов в Учредительное собрание. Результаты этих выборов, состоявшихся в ноябре 1917 года, показали, что из 36 миллионов голосов лишь 9 миллионов было подано за большевиков. Ко времени первого заседания Учредительного собрания в январе 1918 года Ленин успел консолидировать свою власть, и первое заседание оказалось последним. Учредительное собрание было распущено по декрету большевистского правительства. Русский народ не сумел распорядиться внезапно завоеванной свободой и попал в рабство, которое позднее превратилось в опасность для всего мира".

Похоже, Маннергейм дал волю чувствам, копившимся в нем в военное и послевоенное время, снял с себя тяжесть, вредившую ему физически. Теперь он высказал свои мысли и облегчил душу, что дало ему заряд бодрости. Возможно, благодаря этому он продлил себе жизнь.

Графиня Гертруд Арко всячески подбадривала Маннергейма в его работе над автобиографией. Она выстроила дом в Швейцарии, где они могли провести вместе остаток жизни. Посольство Финляндии в Париже с ужасом наблюдало за развитием их отношений, опасаясь, что эта связь станет известной, сделается предметом пристального внимания общественности. Боялись скандала, различных неприятностей или протокольных осложнений и дополнительных хлопот, которые могут возникнуть, если связь получит счастливое разрешение. После кончины Маннергейма возник новый повод для страхов — что графиня выставит приличный счет за свою заботу о нем и бесчисленные покупки. Окружающие обычно — как будто дело касается их лично — начинают страшно нервничать, совершенно непонятно почему, видя любовь и нелегализованные отношения между старыми людьми. Графиня, принадлежавшая к богатому роду Валленбергов, счет таки выставила.

Последние дни

17 января 1950 года Маннергейм приехал в Финляндию, чтобы принять участие в выборах, и провел на родине неделю. В марте он наслаждался тишиной в коридорах "Валь-Мона" в Швейцарии, в апреле в обществе дочери Софи посетил Ниццу и Монте-Карло. Весна в том году запаздывала, погода стояла холодная и дождливая. Маннергейм впервые переживал такую весну в Швейцарии.

На Пасху он вновь на три дня съездил на Ривьеру. Ноги у него опухали, хотя в изножье кровати была сделана специальная подставка высотой 35 сантиметров. Маршал чувствовал большую усталость. Пресная еда — специи ему нельзя было употреблять из-за язвы — опротивела. Мир и покой он обретал лишь за своими двойными дверями, писал он в конце апреля. Маннергейм весил всего 67 килограммов.

6 сентября 1950 года он находился в Геркнесе, прибыв в Финляндию, чтобы обсудить с издателями публикацию автобиографии. Еще раз Маннергейм предоставил Паасикиви право определить судьбу своего труда. Паасикиви ответил, что за книгу, как и положено по закону Финляндии, отвечает сам Маннергейм и его издатель. По мнению Паасикиви, издание мемуаров не повредит отношениям между Финляндией и Советским Союзом.

17 октября в Геркнесе Маннергейм заболевает. Болит горло, температура 39 градусов. От тауроамицина, применявшегося в то время для лечения, он совсем ослаб.

25 октября Маннергейм вылетел в Стокгольм. Грипенберг был поражен видом маршала — под глазами черные круги, язык заплетается. При отлете температура у него была 38,6, но доктор Калайа, верный своей привычке, сказал на один градус меньше. Эту привычку доктор приобрел еще во время войны, чтобы понапрасну не тревожить своего пациента — Маннергейм чуть что начинал нервничать и впадал в депрессию. Профессор Нанна Шварц пришла в ужас. По ее мнению, у маршала было не в порядке сердце. Однако обследование показало, что дело не в сердце, — у Маннергейма было воспаление легких средней тяжести.

Через три дня пребывания в Стокгольме Маннергейм уже шутил как обычно. Сказал, например, что его дочь Анастасия не интересуется ничем, кроме еды и молитв. Говорил он также о прочитанных им мемуарах французского генерала Гамелена. Гамелен во время Зимней войны прислал Маннергейму письмо с каким-то незначительным офицером Генерального штаба. Письмо не содержало никаких важных сообщений. Генерал писал, что положение Финляндии безнадежно, и западные державы, возможно, вторгнутся в страну, пошлют туда свои войска, но и в этом случае Финляндии предстоят тяжелые испытания и значительные потери.

Какая тонкая ирония над тем, чего практически не существует, выдуманно, ничто.

Поездка в Лозанну до того измучила Маннергейма, что он не сразу поехал в "Валь-Мон", а отправился с графиней Арко в Лугано, где они отпраздновали Рождество.

Вернувшись позднее в "Валь-Мон", Маннергейм написал сестре Эве, что его тогдашний образ жизни создавал порой смехотворные ситуации. К примеру, он обнаружил в своем гардеробе два фрака и один смокинг, но ни одной пары черных брюк. Письмо датировано 10 января 1951 года. Ему оставалось жить восемнадцать дней.

19 января Маннергейм вновь заболевает. Врачи в больнице заподозрили пищевое отравление, пациент придерживался того же мнения. Через два дня наступило улучшение, и Маннергейм принялся размышлять, какой день предложить своим финским издателям для выхода книги. Он рассчитывал, что рукопись будет полностью готова к началу лета.

На следующий день, 22 января, произошло обострение болезни. Вызванный к пациенту профессор Ваннотти решил перевести больного в кантональную больницу в Лозанне. Маннергейм сказал профессору, что за свою жизнь провел немало сражений, но это будет его последним, и он его проиграет.

Утром 24 января 1951 года профессор Деккер провел операцию на кишечнике, продолжавшуюся два часа.

Назавтра утром ситуация, казалось бы, стабилизировалась. Маннергейм проснулся, не чувствуя болей. Прочитал письмо.

Двумя днями позже, 27 января, в 16 часов наступило внезапное ухудшение. Паасикиви, услышав о критическом состоянии Маннергейма, позвонил лично Нанне Шварц и попросил ее за счет Финского государства поехать в Лозанну. Когда Нанна Шварц вечером пришла к пациенту, его состояние было критическим. По мнению Шварц, операцию делать не следовало.

Назавтра, в субботу, в 15.30 у больного уже не прощупывался пульс. Тем не менее в половине пятого Маннергейм пришел в сознание. Поняв, что его положение безнадежно, он попрощался с врачами и сестрами, стоявшими рядом, и поблагодарил их за все, что они для него сделали. Между семью и восемью вечера он снова пришел в сознание, но уже никого не узнавал. После 10 часов вечера Маннергейм почти непрерывно находился в забытии. В момент смерти рядом с ним находились посол Финляндии в Швейцарии, адъютант, Нанна Шварц и один из швейцарских врачей. Деккер за пять минут до этого ушел к себе в офис и не вернулся. Дочь Софи появилась в больнице через минуту-две после смерти отца. Жизнь непредсказуема.

Проведение похоронной церемонии было возложено на Министерство обороны.

Летом 1949 года Маннергейм сказал подполковнику Рённквисту, что в похоронном кортеже должна участвовать его верховая лошадь Кейт. Но, поскольку кобыла была жеребая, организаторы похорон не сочли возможным выполнить пожелание маршала. Тем не менее для нее привезли из Стокгольма траурную попону, а саму ее доставили поездом в Хельсинки вместе с молодыми полукровками почетного эскадрона. Во время отпевания в Стурчюркан фельдфебель Силтанен по приказу Рённквиста спрятал лошадь во дворе полицейского участка, и когда похоронная процессия вышла на Униунгстага, Силтанен вывел кобылу из укрытия и провел ее часть пути на том месте в кортеже, которое было ей предназначено — непосредственно за пушечным лафетом со стоявшим на нем гробом.

Последний мундир

Маннергейм скончался в кантональной больнице Лозанны в 0.30 по финскому времени в воскресенье 28 января 1951 года. В этот же день, тридцатью тремя годами раньше, он начал освободительную войну в Эстерботтене, о чем не забыла упомянуть правая пресса.

Тело маршала было перевезено в Финляндию в огромном швейцарском гробу весом в 300 килограммов. Когда восемь генералов и два прикомандированных к ним из-за тяжести гроба полковника внесли гроб в

церковь, церковные двери заперли изнутри. В церкви у двери в ризницу стоял почетный караул — сначала это были кадеты, — сменявшийся каждый час.

Через три часа, в шесть вечера, появился владелец похоронного бюро с шестью помощниками — тремя мужчинами и тремя женщинами — и жестянщиком, которые должны были завершить приготовления к захоронению тела. Они привезли с собой ручной работы финский гроб из карельской березы, изготовленный десять лет назад.

Полковник Эрнуут был направлен свидетелем: в его задачу входило подтвердить, что усопший действительно маршал Финляндии.

Когда пришло время вскрывать гроб, прибывший из Швейцарии, два человека из почетного караула отошли к закрытым церковным дверям, а двое остались у входа в ризницу. Жестянщик вскрыл три верхние крышки — средняя была свинцовая.

Покойного переложили на лежавшую на полу внутренней стороной наружу крышку гроба и приступили к одеванию. Сначала на покойного маршала надели накрахмаленную белую рубашку, потом носки, длинные брюки и лакированные штилеты. Прежде чем позволить застегнуть воротничок рубашки, полковник Эрнуут проверил, на месте ли нателенный золотой крест маршала, который он получил в подарок от своих сестер и с которым никогда не расставался. Он был больше обычных крестов — пять сантиметров длиной. Других ценностей не имелось. Подтяжки и ремень были не нужны. В завершение на покойного надели мундир.

Маршала положили в финский гроб, а гроб, открытый, поставили на катафалк на хорах. В церковь были впущены военные фотографы и кинооператоры. Съемка заняла минут пять—десять, после чего гроб закрыли, чтобы больше никогда не открывать. Жестянщик запаял внутренний гроб, сделанный из меди. Наружную деревянную крышку прикрутили шурупами. Гроб обернули флагом военно-морских сил Финляндии.

Кто вышел из праха, в прах возвратится. То, что было действием, зримо живет в его результатах и продолжает жить как действие.

На вопрос о жизни и смерти, последний вопрос, маршал дал ответ, в котором есть зерно зрелого сомнения. На всякий случай он оставляет дверь приоткрытой. Но в этом ответе полностью отсутствует догматизм:

— Трудно представить себе, что всему придет конец, но нелегко и понять, в какой форме это произойдет.

Он сказал, что хочет быть похороненным в мундире маршала. Но где он хочет лежать, не уточнил.

Примечания

1. Следует уточнить, что в XIX в. почетное придворное звание камер-юнкера не было сопряжено с определенным чином, а присваивалось лицам, уже имевшим чин от VIII до V класса, т.е. от капитана до полковника, поскольку V класс в армии был упразднен.
2. Неточность: согласно послужному списку, В.А.Гедлунд (так его называют в официальных документах) в 1886 г. имел чин штабс-капитана и служил ротным командиром в Финляндском кадетском корпусе. В капитаны он был произведен лишь два года спустя.
3. Прежде всего необходимо отметить, что Маннергейм командовал не 2-й, а Отдельной Гвардейской кавалерийской бригадой. Гедлунд, прежде чем стать генералом, начинал службу в лейб-гвардии Литовском полку, но никогда им не командовал. В действительности он с июня 1903 г. по январь 1905 г. возглавлял лейб-гвардии Кексгольмский полк, а впоследствии был начальником 1-й бригады 3-й гвардейской пехотной дивизии, в состав которой входили гвардии Литовский и Кексгольмский полки (Список генералов по старшинству. Составлен по 15 апреля 1914 года. Петроград, 1914. С.269). Очевидно, что описываемое событие могло произойти 8 (21) ноября в день Архистратига Михаила — полковой праздник литовцев и не ранее 1911 г., поскольку именно в этом году Маннергейм впервые временно командовал бригадой (Послужной список Маннергейма за ноябрь 1917 года//РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.178522. Л.5 об.).
4. Частица *даже* здесь неуместна, впрочем и вся фраза создает совершенно превратное представление у читателя о материальном положении гвардейского офицерства. Младшие офицеры гвардии и не могли жить на жалованье, поскольку обязательные расходы на экипировку, взносы в офицерское собрание, а также достойное офицера гвардии представительство в свете значительно превосходили их скромный оклад. Особенно же дорогой была служба в гвардейской кавалерии. "...Холостому корнету, — вспоминал современник, служивший в кирасирах Его Величества, — буквально ничего себе не позволявшему из необязательных удовольствий, надо было иметь своих денег минимум 3000 рублей в год. Большинство офицеров имело больше, а некоторые имели и по 30 000 рублей" (Кирасиры Его Величества. 1902—1914. Последние годы мирного времени. [Париж], б.г. С.35).
5. Среди русских генералов того времени известен лишь полный генерал, состоявший по гвардейской пехоте, граф Адольф Иванович Аминов (См.: Список генералов по старшинству на 1886 год. СП., 1886).
6. Речь идет о производстве юнкера Маннергейма в вахмистры. Это произошло 1(13) июля 1888 г.
7. Нельзя согласиться с подобным утверждением. Прежние боевые отличия кавалергардов при Аустерлице, Бородине и Фер-Шампенуазе и последующее их участие в первой мировой войне — лучшие тому подтверждения. Подобно другим гвардейским полкам, кавалергарды несли службу при дворе по охране высочайшей фамилии. Но только кавалергардам доверялся караул во внутренних покоях императорской резиденции, т.е. они были ближайшими царскими телохранителями; во время коронационных шествий кавалергарды составляли императорскую почетную стражу и выставляли часовых у трона во время обряда "венчания на царство".
8. Эта дата неверна. В корнеты 15-го драгунского Александрийского полка Маннергейм был произведен в августе того же года, а прибыл в полк в сентябре (Послужной список генерал-лейтенанта Маннергейма за ноябрь 1917 года. Л.4).

9. Речь идет о Волынских маневрах, которые состоялись в августе—сентябре 1890 г. в присутствии императора Александра III.
10. Высочайшее разрешение на прикомандирование Маннергейма к кавалергардскому полку "в изъятие из правил, сверх комплекта для испытания по службе и перевода впоследствии" датируется 1(13) декабря 1890 г.; прибыл он в полк 7(19) января 1891 г.
11. Справедливости ради стоит заметить, что "похоронной кавалерией" называли не только кавалергардов, но и Конную гвардию — оба этих полка были расквартированы в Петербурге и составляли 1-ю бригаду 1-й гвардейской кавалерийской дивизии.
12. Для повышения в чине гвардейскому офицеру совсем не обязательно было отправляться на фронт, достаточно было перейти в армейский полк. 7(20) октября 1904 г. Маннергейм был переведен из Офицерской кавалерийской школы подполковником в Нежинский драгунский полк, находившийся в действующей армии; 23 октября (5 ноября) он перешел китайскую границу и 10(23) ноября прибыл к нежинцам.
13. Имеется в виду военные действия в Китае в период восстания ихэтуаней ("боксеров") 1900—1902 гг.
14. Неверно; Маннергейм был награжден чином полковника за боевые отличия еще 29 ноября (12 декабря) 1905 г. (Высочайшие приказы по чинам военным. СПб., 1905). Очевидно, что на этой аудиенции Маннергейм благодарил императора Николая II за присвоение ему чина.
15. Это назначение состоялось 5(18) января 1909 г.
16. Маннергейм был назначен командующим лейб-гвардии Уланским Его Величества полком 31 декабря 1910 г. (13 января 1911 г.).
17. Высочайшим приказом 13(26) февраля 1911 г. Маннергейм был произведен в генерал-майоры и утвержден командиром улан Его Величества.
18. Либо это ошибка в шведском переводе, либо заблуждение автора. В русской армии не было подобного чина; речь может идти лишь о зачислении Маннергейма в Свиту Его Императорского Величества, которое состоялось 5(18) октября 1912 г. и назначения начальником Отдельной гвардейской кавалерийской бригады (высочайший приказ от 24 декабря 1913 г. (6 января 1914 г.)).
19. Автор явно преувеличивает потери русских войск. В ходе неудачно проведенной Восточнопрусской операции погибла одна армия — 2-я армия генерала А.В.Самсонова.
20. Георгиевское оружие представляло собой почетный вид награды, по статуту с 1913 г. занимавшее место после ордена Св.Георгия 4-й степени. Эмалевый крест Св.Георгия украшал позолоченный эфес георгиевской сабли "За храбрость".
21. В сентябре 1914 г. корнет лейб-гвардии Уланского Его Величества полка Н.М.Алексеев писал своему отцу генералу М.В.Алексееву: "...в Маннергейма мы потеряли окончательно веру, как это ни прискорбно. Особенно 30-го [августа] сказалась его неталантливость. День этот начался для нас очень удачно. Утром имели удачное авангардное дело под Яновом. Заставили отступить батальон немцев и сняться 2 батареи. Затем наш эскадрон вскочил и занял Янов. <...> Преследовали немцев. Несколько человек забрали в плен. Отобрали несколько повозок. Благодаря этому теперь почти весь эск[адрон] имеет отличные одеяла. Не успели мы пройти нескольких верст, как были отозваны М[аннергеймом] обратно в Янов, где нас держали часа 2. После этой непонятной остановки нас снова бросили преследовать. Повел сам М[аннергейм]. Ни разведки (т.к. соприкосновение с противником было прервано), ни надлежащих мер охранения не было. Верстах в 12—15 к югу от Янова за д.Мошоры полк наш нарвался на арьергард, состоящий из немцев. Вначале спешился авангардный (4 эск.). Затем М[аннергейм] приказал как можно ско-

рее подойти б, 5 и нашему эск[адронам]. Мы шли в голове. Перли рысью по узкой дороге под огнем, под огнем же спешили. Почти что на произвол судьбы пришлось бросить коноводов. Рассыпались в цепи. Лес оказался страшно болотистым. Нам было приказано развернуться на самом правом фланге. Двинулись и застряли по пояс в болоте. Пришлось возвращаться обратно, а затем другим путем идти снова вперед. Весь этот маневр совершили под огнем. Немцы патронов не жалели и жарили как сумасшедшие. Наконец дошли до линии. Кое-как связались. Легли, но стрелять не могли, т.к. перед собою ничего не видели, но слышали голоса очень близко. Лежали довольно долго. Наконец по нас стали жарить и с фланга, а затем свои же открыли огонь и сзади. Положение оказалось невозможное. Немцы стреляли разрывными пулями. <...> Под таким огнем приказано было отойти назад. Каким чудом мы выбрались оттуда без потерь, я не понимаю. Прямо спас Бог.

В других эск[адронах] было не лучше. У двух пул[еметов] выбита вся прислуга. Поставили их по приказу М[аннергейма] на самой дороге. В 4 эск[адроне] убит ком[андир] эск[адрона] Бибилов. М[аннергейм] заставил его перейти с эск[адроном] в наступление. Полез он, несчастный, прямо в лоб и на верный расстрел. Подошел очень близко шагов на 150. Мы все спешили в шагах 500—400 от пр[отивни]ка. Так что были потери и в коноводах.

Что происходило дальше — трудно описать. Переходили в наступление и мы и немцы. Каша была невообразимая. Лес превратился в какой-то ад. Наконец раздался артил[лерийские] выстрелы нашей батареи и немцы отошли.<...>

Настроение у нас после этого боя было ужасное. Каждый сознавал, что потери (2 офицера) уб[иты], 4 ранено (из них 2 контужено), 8 ул[ан] убито и 25 ранено) понесли зря, не принесли пользы и не нанесли существенного урона пр[отивни]ку. Еще же тяжелее было сознавать, что нами не сумели правильно распорядиться. <...> Слава Богу, сейчас, понемногу, тяжелое чувство, которое осталось после 30-го, рассеивается, но вера в М[аннергейма] подорвана и потеряна. И это не только мое мнение. Разговоров было много" (РГВИА. Ф.55. Оп.1. Д.3. Л.1 об.—3; публикуется впервые).

22. Название это происходит, по-видимому, от цвета суконного верха уланских шапок полка Его Величества, которым командовал Маннергейм.
23. Он был назначен временно командующим 12-й кавалерийской дивизией в феврале 1915 г.; утвержден же в этой должности Маннергейм был в июне.
24. Маннергейм писал начальнику Главного штаба: "Ввиду признания независимости Финляндии, считаю долгом своим, как финляндский подданный, просить распоряжения Вашего об увольнении меня в отставку" (РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.178522. Л.1). В рапорте указаны дата и место написания: 1 января 1918 г., г. Гельсингфорс. Эти данные противоречат сведениям автора о том, что подобный рапорт был написан Маннергеймом в середине декабря 1917 г. в Петрограде. Маннергейм был уволен от службы 21 февраля 1918 г.
25. Речь идет о создании шюцкоров (от швед. skyddskår — охранный корпус) — финской белой гвардии.
26. Автор ошибается; Лёфстрём никогда не принадлежал к числу командиров семновцев. Но в первую мировую войну командовал лейб-гвардии 1-м стрелковым Его Величества полком.
27. Автор вновь ошибается; П.Н.Краснов никогда не занимал должность командира 12-й кавалерийской дивизии.
28. Речь идет об англо-бурской войне 1899—1902 гг., которую Великобритания вела в Южной Африке против бурских республик Трансвааля и Оранжевого свободного государства.

Фотография Маннергейма для немецкого журнала «Сигнал». 4 июня 1942 г.

Маннергейм — выпускник лицея
Гельсингфорса. 1887 г.

Кадет Маннергейм в кавалерийском
училище.

Жена Маннергейма Анастасия
Арапова.

Дочери Маннергейма Анастасия и
Софи.

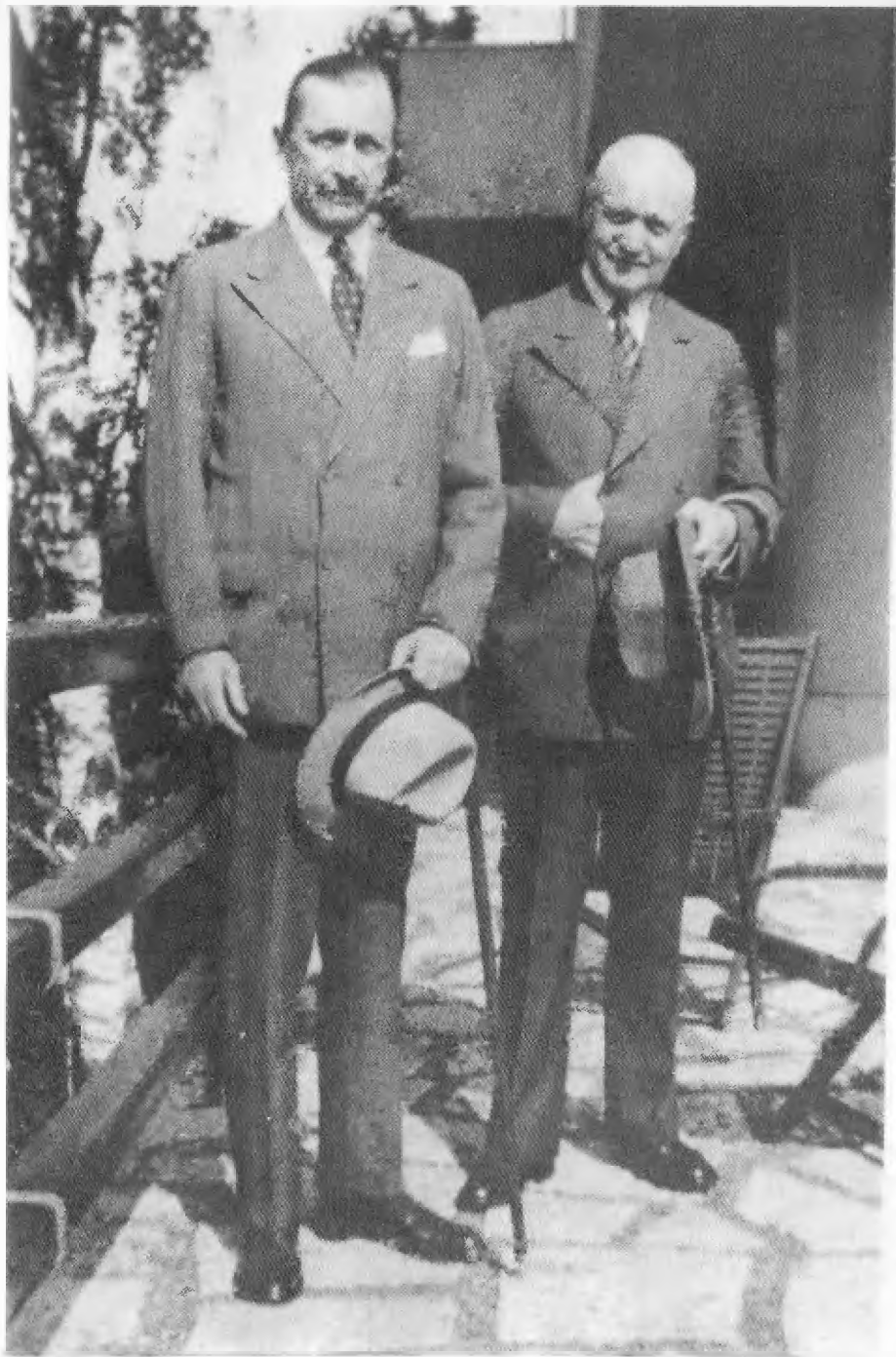
Маннергейм уезжает за границу. 17 сентября 1919 г.

Маннергейм рядом с убитым им в Непале великолепным тигром. Февраль 1937 г.

Застолья Маннергейма были широко известны. 1 августа 1941 г.

Маннергейм и экономический эксперт Совета обороны Рудольф Вальден. Лето 1939 г.

Маннергейм в своем рабочем кабинете в народной школе Отава. Январь 1940 г.

Маннергейм на девятом десятке жизни.

Похороны Маннергейма. Хельсинки, 4 февраля 1951 г.